

Марсель Габриэль Пьесы filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Марсель Габриэль Пьесы

Пьесы Габриэля Марселя – основоположника французского экзистенциализма – публикуются на русском языке впервые; они фактически неизвестны даже тем, кто хорошо знаком с философским наследием выдающегося мыслителя. Поскольку в отечественной литературе отсутствует какая бы то ни было «предыстория» отношения к драматургии Г. Марселя, читателю, и, возможно, будущему зрителю, предстоит воспринять пьесы непосредственно, основываясь на мире лично пережитого и на опыте двадцатого столетия, вписавшего в историю много трагических страниц.

Для того чтобы точнее представить себе новизну, особенности того, во многом неожиданного (быть может, не только для своего времени), сценического материала, какой являли собой пьесы Марселя первой половины двадцатых годов, – вероятно, стоит начать с их критических оценок далеко не самыми недоброжелательными современниками. В 1925 году автор рецензии на первую постановку «Пылающего алтаря», опубликованной в парижском еженедельнике «L'Étoile nouvelle», отмечал непривычную «резкость, обнаженность чувств... и, как результат, – ощущение тягостного беспокойства, неуютности, вызываемое пьесой у значительной части публики»[1]. Показательна характеристика, данная известным историком литературы и театра Луи Шенем. В пьесе «Семья Жорданов»[2] (1919) он видит в первую очередь «хронику демобилизации, повсеместно происходившей в то время во Франции»[3]; пьеса, по его мнению (как, впрочем, и вся драматургия Марселя), не выходит за рамки конкретной, узко «локальной» проблематики первых послевоенных лет. У Шеня, как и у многих других, нарекания вызывала именно эта злободневность, документальность, насыщенность политическими аллюзиями – все, что, по убеждению критиков, могло стать малопонятным будущему зрителю и уже само по себе снижало художественную ценность пьес. Определение «хроника» становилось как бы обязательной оговоркой и в случае признания достоинств произведений Марселя (а наиболее пронизательные из комментаторов уже в те годы говорили о редкой способности автора «выводить на сцену живых людей и сталкивать характеры», о «непривычном для театра уровне истины и глубины»). По поводу «Завтрашней жертвы» тот же Шень замечает: «Эта вещь, столь оригинальная... все еще слишком отдает жанром хроники»[4].

Однако истекший большой исторический срок, век, трагически отмеченный двумя мировыми войнами и проходивший в западной литературе под знаком Ремарка, Хемингуэя, Белля, – это та призма, сквозь которую слова «хроника демобилизации» преломляются совершенно иначе, из сомнения и вопроса превращаясь в точное и значительное определение характера и смысла драматургии Марселя.

Впрочем, и в двадцатые годы необычность, «терпкость» его пьес часто встречала глубокое понимание – если не у директоров театров и режиссеров, то у видных деятелей литературы. «Ваши пьесы поразительно волнуют меня», – признавался Марселю Андре Жид, у которого в это время на сценах Парижа шли «Саул» и нашумевшая инсценировка «Процесса» Кафки. Бенжамен Кремье, недоумевая по поводу жанра «Пылающего алтаря», тем не менее называл пьесу одним из самых насыщенных, самых значительных произведений, которые ставились на французской сцене за последние десятилетия.

Манера письма Марселя озадачивала не меньше, чем «жанр»: в первую очередь, непривычная, аскетичная сухость языка, лаконичность диалогов, отсутствие каких бы то ни было стилистических прикрас, возможно, вообще – «стиля»; резкий, на каждом шагу, «обрыв» фразы: смысловой, логический, грамматический, – реплики как бы повисают в воздухе. Отсутствие монологов (за редчайшим исключением), быстрота подачи кратких жестких реплик (как писал один из критиков в сороковые годы, «здесь все – мгновенный натиск, отражение, схватка»[5]). И при этом – выразительная, «разностильная» речь персонажей: лексика интеллигенции скромного достатка – священников, фронтовиков, врачей; велеречивость парижского мещанства; грубое просторечье разбогатевших собственников, речевая изысканность музыкальных кругов, сленг. Следует отметить особо: собственной марселевской языковой стихии, равно как и собственных марселевских оценок, нет ни в чем. Проблема автора – а если говорить словами Марселя, проблема отсутствия автора с собственными творческими склонностями. «В драме, – писал Марсель, – автор еще более, чем в романе, принуждается к Aufzopfierung[6]... Он должен буквально поставить себя на службу некой правде – внутренней правде персонажей. Ему запрещено использовать их в целях, которые он может иметь сам как моралист или как политик»[7]. Главная черта писателя – слушать, замечал Марсель.

«Пьесы мои, – утверждал он, – это, в сущности, протест против любых формул,

в которые пытаются заключить жизнь. Любовь, которую я питаю к драматургии Чехова, связана с тем фактом, что жизнь там воссоздана во всей полноте, она никогда не бывает искажена авторским вмешательством» [8]. Отметим, что с творчеством А. П. Чехова Марсель познакомился лишь в 30-е годы, когда писатель был переведен во Франции, и не сразу воспринял его во всей полноте. Но позднее Марсель напишет: «В настоящее время оно мне кажется неисчерпаемым – и тем самым радикально отличается от всех других произведений современной драматургии, которые не так уж трудно обозреть: я имею в виду как Брехта, так и Пиранделло и Ануя, если ограничиться именами этих трех писателей, чье значение не может быть оспорено» [9].

Свои взгляды на драматическое искусство Габриэль Марсель излагал не раз, начиная с 1914 года; что-то в них безусловно менялось – но то, что было изначально неприемлемо, осталось таковым навсегда, поскольку было органично чуждо его натуре писателя. Он отвергает театр, играющий на непосредственной чувствительности, «на нервах»: никакого эмоционального «нажима» на зрителя; Марсель считал это слишком грубым средством воздействия, несовместимым с подлинными художественными требованиями. Театр призван апеллировать единственно к «чувствительности разума»: поэтому в мотивах поступков марселевских персонажей – ничего «подсознательного». Еще в 1914 году, в связи с растущей популярностью теорий бессознательного, Марсель писал: «...В последние годы мы часто являемся свидетелями попыток использовать многие элементы трагического, связанные с подсознательной жизнью человека: этот туманный лиризм, зародившийся в символизме, не замедлил коснуться и театра, мы ему обязаны прекрасными произведениями. Однако здесь кроется большая опасность: быть может, лишь гений Шекспира или, в наши дни, Ибсена является источником света, мощным настолько, чтобы прояснить все, вплоть до этих тайников души. Мысль не столь могучая при попытках обрисовать этот смутный мир чревата впадением в произвол, в неопределенность, она готова довольствоваться бледными символами и сомнительными аналогиями... Конечно, нельзя, чтобы драма могла быть сконденсирована в одной-единственной, абстрактной формуле развития, которой бы исчерпывалось ее содержание; поэтические, лирические моменты, то есть темы, рассчитанные на индивидуальную разнообразную восприимчивость, могут и должны там присутствовать. Однако при этом нужно, чтобы они были подчинены некоему внешнему движению, являющемуся как бы объективной жизнью драмы. Я лично считаю, что драма должна быть ясно и четко выражена; трагический лиризм, который мне хотелось бы видеть, – это лиризм ясного сознания» [10].

В театре Марселя, при всем трагизме тематики, скоплении бед и страданий, очевидной безысходности – никакой мелодрамы, «эффектных развязок», сведения счетов с жизнью и т. д. (Еще одна черта драматургии Марселя – полное отсутствие патетики – могла служить основанием для сближения ее с «хроникой», с «фиксацией» происходящего.) Героев пьес Ибсена и Гауптмана, особенно высоко почитаемых Марселем драматургов, из замкнутого мира, где нечем дышать, зачастую выводит самоубийство. Для Марселя подобная развязка исключена. Поведение его персонажей – хотя обстановка накалена до предела – внешне сдержанно. Более того, какова бы ни была драма, переживаемая действующими лицами, – в итоге редко что-либо меняется. Героиня пьесы «Жало» (1936) Беатрис говорит; «Я часто замечала, что как раз самое ужасное в жизни никогда не приводит к драме. Худшее обычно ни во что не выливается; как улочки на окраинах большого города, теряющиеся где-то на пустырях...»; после пережитых потрясений, след которых останется навсегда, супружеская чета Лемуанов («Человек праведный», 1922) продолжает свое педантичное, размеченное по часам существование; Морис Жордан («Семья Жорданов»), страдающий, униженный проницательностью осуждающего его сына, не соглашается ничего изменить в своем давно сложившемся «неправедном» быту. Никакими «прорывами» повседневности не завершаются и другие пьесы Марселя – «Замок на песке» (1913), «Квартет фа-диез» (1917), «Расколотый мир» (1932)... По словам самого автора, их итог – лишь дисгармоничный аккорд. Что в пьесах действительно происходит – так это изменения в душе человека под давлением тяжелых обстоятельств; новый, трезвый взгляд на самого себя; возможность увидеть все, столь привычное, в неожиданном свете; неразрешимость коллизий, возникших в человеческих отношениях (и здесь нам слышится столь знакомый чеховский мотив). В ответ на упрек, который Марселю доводилось слышать от руководителей театров по поводу того, что в его пьесах мало действия, он отвечал: «Изменение человека в ходе пьесы – это и есть действие в драме». Не случайно одна из лучших, в глазах Марселя, страниц драматургии нашего времени – это трагический переворот в душе скульптора Крамера из одноименной пьесы Г. Гауптмана: Крамер потрясен самоубийством калеки-сына, растратившего свой большой талант в разгуле и беспутстве, – он словно прозрел, увидел истинную цену всего, что было в его жизни.

В пьесах самого Марселя драма часто связана с тем, что жизнь семьи резко меняется в силу обстоятельств – самых типических: заболевание; известие, касающееся скорой кончины близкого человека (или провидение ее), мучительный страх за другого – именно они, по глубокому убеждению Марселя, в очень большой мере определяют наше бытие, однако в таком ракурсе жизнь редко становится объектом сценического воплощения. В пятидесятые годы Марсель вспоминал: «Пьер Эме Тушар, нынешний руководитель „Комеди франсэз“, в свое время упрекал меня в том, что я отвожу в пьесах слишком большое место болезни и смерти. Но такая критика предполагает концепцию театра как игры. Для меня это недопустимо»[11]. Очень возможно, добавляет Марсель, что это была еще и реакция на захватившую сцену драму адюльтера, со всем, что есть в ней искусственного и назойливого.

Несмотря на неоспоримую очевидность того, что для Марселя, по его собственному признанию, главными всегда были «фундаментальные проблемы человеческого существования», для недостаточно вдумчивых теоретиков искусства он был и остается мастером «бытовой» буржуазной драмы. Так, уже в конце восьмидесятых американский театровед Дж. Канин возвращается к мысли – впрочем, в чем-то вполне справедливой – что Марсель категорически отказывается от использования возможностей сцены и не стремится ни опозитизировать мир своих героев, ни потрясти зрителя; это роднит его с драматургами Скандинавии, – «ни одного лишнего штриха или слова»[12]. Но, отмечает критик, если для драм Ибсена поэтическим фоном так или иначе служат дальние отголоски фьордов, суровые скалистые пейзажи Скандинавии, то у Марселя нет ни романтики, ни театральности, он нарочито игнорирует возможности использования условностей сцены, часто в ущерб себе как драматургу. Здесь позволим себе небольшое отступление и заметим, что Марсель великолепно знал сцену, ее требования, законы драмы. Он был – вещь, с трудом воображаемая для философа, но очень органичная для Марселя, – профессиональным театральным критиком: с 1922 года, оставив философскую кафедру, он становится театральным, затем – литературным обозревателем еженедельника самая животрепещущая реальность, его биография, значительнейшая часть его души. Сборники написанных им за многие годы рецензий на сценическое воплощение классиков драматургии и современников – П. Клоделя, Ж. Жироду, А. Монтерлана, Ж. Ануя, А. Камю, Ж. П. Сартра и других[13] (многие из этих пьес десятилетиями не сходят с подмостков, идут они и в российских театрах), в их первой постановке и при возобновлении, при введении в спектакль новых исполнителей, – демонстрируют редкостную объективность и беспристрастность суждений. Как зритель, как критик, он допускал самые различные подходы, не был приверженцем какой-либо одной теории драмы. Собственные пьесы, в которых сказывались его очень четкие эстетические позиции, не предназначались для демонстрации определенной теории. Дж. Канин находит для своих утверждений простейшее объяснение: драматургия Марселя теснее, чем ибсеновская, сращена с «буржуазными гостиницами»; сами же буржуа, «характеры среднего буржуазного класса», столь точно им портретируемые, уже в силу своей природы не способны никого взволновать; именно поэтому, по мысли Канина, автор не заботится о поэтическом подтексте.

Между тем при внимательном прочтении становится очевидно, что реализм Марселя не есть нечто однозначное, одномерное, тем более – «бытовое». На фоне сдержанности сценического рисунка мы видим сильные страсти: Алина в пьесе «Пылающий алтарь», Жанна в «Завтрашней жертве» (1919), Клод и Осмонда в «Человеке праведном», Эдит в неоконченной пьесе «Неизмеримое» (1919) – все это люди, наделенные сильной волей и во всяком случае не способные и не намеревающиеся мириться с ситуацией, с участью, им, казалось бы, определенной. Причиной трагедии, которой они причастны, становится не слабость их, не ошибки и не неспособность противостоять обстоятельствам, а напротив, избыточность, чрезмерность реакции на горе, непомерность, переходящая в тиранию страдания. Очень часто мы сталкиваемся у Марселя – не с романтикой, но с одержимостью одной всепоглощающей страстью.

В пьесах «Замок на песке», «Семья Жорданов», «Мое время – не ваше» (1955) это одержимость отцовством. Чрезмерность страдания как страсти оказывает исключительно пагубное воздействие: «неправда, что страдание облагораживает душу...»

Алина Фортье, главный персонаж пьесы «Пылающий алтарь», потеряв в войну сына, в безмерности своего горя и в слепом культе собственного страдания готова принести ему в жертву близких, подавляя их своей способностью страдать, своим фанатизмом – вплоть до ненависти к любым проявлениям живой жизни: горечь должна охватить и выжечь все вокруг. (Вспоминаются слова Грэма Грина из «Сути дела»: «Пламя обожгло... и

перекинулось на соседний участок...») Трагично здесь не только событие и его горестное воздействие: трагизм в самой натуре Алины – эта ее решимость все подчинять своей воле, неспособность даже представить себе, что какое-то решение могло быть принято кем-то из близких не по ее настоянию или внушению (ответом на тиранию всегда становится, как замечает один из персонажей, скрытность, «умолчание» жертвы) – и, в итоге, самый тяжкий, по Марселю, грех – нелюбовь к жизни. Алина калечит жизнь Мирей, невесты ее не вернувшегося с войны сына, внушая благородной девушке, стремящейся быть достойной Алины, что теперь ее нравственный долг – выйти за немощного Андре, недалекого, не обладающего никакими достоинствами, – чтобы брак с бывшим фронтовиком, красивым, мужественным молодым человеком, сделавшим Мирей предложение (опасность, что он нравится девушке и что брак этот может быть счастливым, Алина почувствовала мгновенно), не заслонил в душе Мирей образ Раймона: муж Мирей должен быть ничтожеством.

И если в конце пьесы Мирей, с тихим достоинством несущей свой крест и искренне заботящейся о хилом здоровье мужа, не чуждо какое-то грустное удовлетворение, которое дает ей ощущение собственного семейного очага – Алина и этого не может вынести: она слишком привыкла мыслить себя инициатором всех решений, во всем она видит – и не без основания – результат давления своей воли. Приехав проведать супружескую чету, она наносит Мирей последний удар, горячо каюсь и утверждая, что Мирей несчастлива и что вина в этом целиком ее, Алины... Мирей взрывается: «Мама, скажи, ты вернулась сюда, чтобы окончательно все разрушить? Ты боишься, как бы тут не уцелело еще чуть-чуть жизни?.. Чего ты добиваешься, каких признаний ты ждешь от меня?! О, твое раскаяние так же терзает душу, как и твоя тирания!.. Я ненавижу тебя!»

Алина не осознает своего коварства, не признает за собой эгоистического расчета, губящего между тем чужие жизни. Упреки Октава Фортье, страдающего не меньше жены (его образ глубоко человечен, он чувствует себя ответственным и за других, всецело озабочен их судьбой), потрясают и возмущают ее: оправдание своим действиям Алина видит в высокой и, как она полагает, общей для всех единственно мыслимой цели – самозабвенном служении памяти Раймона. В Алине безусловно есть то, что в дальнейшем становится одним из ключевых понятий экзистенциализма, в первую очередь философии Ж. П. Сартра – «*mauvaise foi*», попытка обмануть себя, попытка не видеть (подобную логику самосознания Сартр выразил в трактате «Бытие и ничто» в прекрасных словах: я ухожу, чтобы не знать, но я не могу не знать, что я ухожу). Алина в этом смысле – один из ярчайших образов в ряду предтеч носителей «*mauvaise foi*» – невольного лицемерия с собой – в экзистенциалистской литературе.

Жанна Фрамон («Завтрашняя жертва»), в страстной любви к мужу, которого до сих пор на фронте счастливо миновала пуля и который еще предстанет перед нами, в ходе краткой побывки, живой и невредимый, жизнелюбивый и «везучий», отчаянно смелый, крепкий душой и телом, – после нескольких месяцев войны оказывается во власти панической, парализовавшей ее разум и волю боязни потерять его; страх превращается в абсолютную уверенность, что он не вернется с войны, в наваждение. Мучительно страдая, Жанна не может примириться с мыслью, что невыносимое, непосильное горе застигнет ее врасплох: чтобы не быть раздавленной, уничтоженной, она постоянно готовит себя к этому внутренне, ибо – кто может знать, что горе сделает с нами; быть может, от нашей души и рассудка останутся клочья. В каком-то смысле Жанна тоже одержима жадной абсолюта, иные критики отмечают в ней определенное сходство с героинями Ибсена: счастье, которое не сегодня-завтра оборвется, для нее как бы перестает существовать; она не хочет быть игрушкой судьбы... В ее мыслях ноэль – это уже чистый, «выкристаллизовавшийся» навечно образ, он отодвигается куда-то вдаль – словно на порог бессмертия, обретает все более идеальные черты, неуязвимые для времени. И неожиданный приезд мужа на десятидневную побывку вызывает в ней не столько радость, сколько смятение и отторжение. Его абсолютно «посюстороннее» поведение, здоровая чувственность, бодрость духа, грубоватый юмор вторгаются резким диссонансом в ее замкнувшийся внутренний мир. (Ведь жизнь, по замечанию Марселя, «всегда шумна и как-то банальна».) Жанне, как и Алине, глубина и искренность переживаний дают, в ее собственных глазах, право на исключительность, она запрещает касаться этой темы матери и сестре Ноэля; все это обрывает ее связь с миром, единственным близким ей человеком остается брат Ноэля Антуан, переживший в свое время тяжелое личное горе. Почувствовав изменившуюся атмосферу в семье, Ноэль – на фронте уже не раз счастливо избежавший, казалось, неминуемой гибели – с изумлением обнаруживает, что дома все «уже слишком свыклись» с мыслью о

том, что с войны ему не вернуться, что он здесь, по сути, живой труп; он возвращается на фронт, и совершенно очевидно, что сила духа в нем сломлена, что он убит ближними...

Надо сказать, что эта пьеса, очень тонкая по своему психологическому рисунку, чрезвычайно экспрессивная, предельно сжатая и неожиданная во всем, осталась непонятой даже людьми, близкими Марселю по духу. Между тем ее можно считать одной из лучших вещей драматурга: душевный опыт на пределе человеческих сил, очерченный штрихами резкими и ломкими, невероятно высокое напряжение; все звенит, как натянутая струна (и, разумеется, трагически рвется). На коллоквиуме, посвященном философии и драматургии Габриэля Марселя в Серизи-ля-Саль, проходившем с 24 по 31 августа 1973 года при активном участии автора (через семь дней его не стало), об этой пьесе говорилось много; выступали известные театроведы и философы: среди них Жозеф Шеню – один из лучших знатоков и ценителей марселевского театра, выдающийся философ Поль Рикер, ученик и друг Марселя; общей оценкой было скорее недоумение; аргументами «против» служили утверждения типа «так не бывает», «Жанна вызывает глубокую антипатию», и прочее в том же духе, вплоть до предположений о «женской фригидности». Подытоживая дискуссию по пьесе, Марсель устало сказал: «Она здесь столько обсуждалась, что стала мне совершенно чужой».

Пьеса была очевидно дорога Марселю. Неписанный закон гласит: не спешить навстречу трагедии, не опережать в мыслях возможную утрату близкого человека; надеяться и действовать во благо жизни, вопреки всему. «Любить – значит говорить другому: ты не умрешь, ты не можешь умереть», – утверждает, возражая Жанне, Антуан.

К этой же группе пьес – если обозначить их все тем же, весьма емким, термином «хроника демобилизации» – относится и начатая в 1919 году, но оставшаяся незавершенной драма «Неизмеримое» («L'Insondable»); в этом виде она была опубликована Марселем в пятидесятые годы вместе с работой «Присутствие и бессмертие» (третьей частью его «Метафизического дневника»)[14]. Уже здесь много характерного для Марселя: сильная женская натура; страсть – и верность, ощущение живого присутствия того, кто убит на войне.

Тема «Человека праведного» – несколько иная. Эта вещь написана в те же двадцатые годы: но в ней речь не идет о недавней войне. Главный персонаж драмы, протестантский пастор Клод Лемуан, безукоризненно выполняющий свой долг проповедника, – внезапно, испытав тяжелое потрясение, полон решимости привести свое и чужое мнение о себе в соответствие с действительностью; и в поисках этой беспощадной, горькой, как он теперь считает, правды готов идти до конца, без малейшего снисхождения к себе. В нем вдруг возникло осознание краха, заблуждений на собственный счет; и мысль, которую всячески внушают ему окружающие, прежде всего жена, – что он, собственно, и не жил, а лишь «играл роль» пастыря, что все его поступки были бессознательной имитацией «непогрешимого» поведения, – в какой-то миг готова подтолкнуть его к самоубийству.

Г. Марсель среди итальянских артистов после представления пьесы «Жагда» (Милан)

«Человек праведный» – одна из наиболее известных пьес Марселя. Ее ставили во многих французских и зарубежных театрах; но если ей повезло в этом смысле, то иначе складывалась судьба произведения в плане интерпретаций. Сюжет и замысел пьесы излагаются в книгах и статьях разных лет на удивление «ясно», однозначно. Их авторы словно испытывают удовлетворение от точного, по их мнению, угадывания намерения драматурга, а также от полного единодушия в оценках. У всех Клод – человек, жестоко заблуждавшийся на собственный счет. («Пелена спала с глаз Клода», – утверждает Эдгар Соттио, автор монографии, посвященной драматургии Марселя. Луи Шень так излагает сюжет: «В первые годы замужества Эдме изменила мужу. И Клод простил – разумеется (?! – Г.Т.), вовсе не из любви к Эдме, в чем она и сама нисколько не сомневалась, – а исключительно ради следования долгу, предписывающему своего рода профессиональное великодушие... Это прощение принесло ему внутреннее удовлетворение», и т. д.)

В какой-то момент Клод, в своей душевной раздвоенности, ощутил себя невольным лицедеем, незаслуженно снискавшим любовь и признательность прихожан, репутацию «божьего человека». В поисках безжалостной правды он проходит через череду суждений: жены, матери, брата, прихожан. Однако утверждение критиков, согласно которому мнение других здесь служит как бы

оптическим стеклом для полного прояснения образа Клода, нам представляется неверным. Скорее наоборот: Клод ясен и так. Он правдив, его пуританскую совесть терзают глубочайшие сомнения, он «прозрачен» для зрителя, открыт всем в поисках правды о себе; вдумаясь в эпиграф к пьесе: «Явись людям и себе тем, кто ты есть» – в этом теперь смысл его существования, если, в его горькой трагедии, последнее еще имеет смысл: он из тех натур, что не могут остановиться на полпути. Скорее, через спектр разноречивых мнений о нем выявляют себя как раз другие, во всей их несхожести. Так, оценка Клода его мать – в ее непоколебимой уверенности в высочайшей нравственности Клода (как унаследованной семейной добродетели) – характеризует исключительно ее, мадам Лемуан, тип сугубо «буржуазный» – и весьма колоритный. Восемнадцатилетняя Осмонда, независимая, настороженная, по-юношески нетерпимая, с острой иронией воспринимающая семейные традиции и даже всеми признанные воскресные отцовские проповеди («прости, папа, но мне они напоминают кухонные расчеты по выходным...»), между тем очень привязана к Клоду. Ему она поверяет все свои сомнения и тревоги, свои личные дела, чуждаясь подозрительной, жесткой, не считающейся с ее самолюбием матери. (Почему-то критиками, рассматривающими Клода через «спектр мнений» окружающих, никогда не уделяется внимание отношению Осмонды к отцу: а ведь оно как раз говорит о многом.)

Клод, Осмонда, Эдме – в определенном смысле одержимые натуры. Принципы Осмонды, ее смелый, новый взгляд на жизнь, бескомпромиссная решимость в поступках, чреватых для нее большой опасностью, – все это не укладывается в рамки традиционных представлений о семье. Как замечает Соттио, и с ним нельзя не согласиться, «Марсель почтительно склоняется перед свободой Осмонды». Он не выражает ни малейшего осуждения в ее адрес. Марсель вообще никого не осуждает. У него нет абсолютно правых либо тех, кто был бы виноват во всем. Мы можем говорить о глубокой правде характеров; в большинстве пьес это прежде всего – яркие, сильные женские характеры.

Образы, если, конечно, не считать такие «завершенные», гротескные, закосневшие в самодовольстве, как, например, мадам Лемуан – они, кстати, очень удаются автору, как бы перекидывая мост к совершенно иному жанру его творчества, сатирической комедии («Точки над „i“», 1936, «Двойная экспертиза», 1937, и др.), – динамичны, многогранны, они развиваются – вплоть до того, что как бы «уходят», ускользают от вас. Восприятие их меняется с ходом времени – как, впрочем, и для самого автора. После спектакля они в каком-то смысле остаются жить с вами, в качестве неразрешенного вопроса. В период написания «Человека праведного» у Марселя не было вполне определенного мнения о Клоде Лемуане: и мы вправе судить о пасторе столь же свободно, как и он, можем основываться (как это чаще всего имеет место в критической литературе) на обвинениях Эдме – а можем вдумываться в отношение к нему Осмонды или довериться соображениям брата, доктора Франсиса Лемуана. «Биография» пьес – когда бы они ни были написаны – для автора не прерывалась; Марсель возвращается к ним в своих философских сочинениях, лекциях, беседах, во многих эссе, в том числе автобиографических, переосмысливая образы и психологические ситуации на протяжении всей жизни. Он не ставил здесь точку, поскольку это были бесконечно затрагивавшие его жизненные, экзистенциальные проблемы; люди, персонажи, для него – жили, продолжали жить, менялся его взгляд на них, объяснение их поступков; нередко он и много лет спустя признавался, что не до конца их понимает. Так, в момент написания пьесы «Человек праведный» Марсель занимает в отношении своего героя амбивалентную позицию и не вовсе чужд обвинениям в его адрес, это очевидно. Позже, возвращаясь к «Человеку...» в Гарвардских лекциях (1961) и в мемуарах (1971), Марсель приходит к убеждению, что сам «экзамен совести», навязанный, как он теперь говорит, Эдме, которая, «повинуясь эгоцентрическому, по существу, порыву, вынуждает несчастного Клода подвергнуть свою совесть разрушительному ретроспективному анализу», лишен положительного смысла [15]. Ошибочна сама попытка супругов Лемуан проверить «подлинность» поступков двадцатилетней давности, весь смысл, вся полнота которых относились именно и только к тому времени, когда они были совершены. Клод сейчас не может знать с уверенностью, что происходило тогда с ним, в нем; мотивы подобного поступка могут существовать лишь в настоящем. Можно заключить, что Марсель со временем сблизился с позицией Франсиса Лемуана: «...Ты же понимаешь, – говорит Франсис Клоду, требовавшему от брата нелицеприятного приговора в связи с былым „прощением“, – что я никогда не позволил бы себе иметь собственное суждение по этому вопросу. В подобных случаях каждый поступаетсообразно тому, как ему велит его сердце, или совесть, или, наконец, что угодно...» По-новому воспринимается и фраза Эдме, вырвавшаяся у нее в критическую минуту почти случайно, оставшаяся неуслышанной во всеобщем смятении: «...Надо доверять себе». Здравая мысль – одна из немногих среди посещавших ее беспокойный,

пристрастный ум.

Немаловажно признание Марселя, что на изменение его отношения к Клоду повлияла и интерпретация образа пастора известным актером.

Персонажи его пьес часто беспощадны к себе; однако этот аспект далеко не всегда выражает авторскую позицию – в отличие, прежде всего, от Ж. П. Сартра, у которого экзистенциалистский постулат самоизобличения является равно доминирующим, императивным и в философии, и в литературном творчестве. Фактором, снимающим такой ригоризм, у Марселя выступает вера. «Кто мы, чтобы судить – хотя бы о самих себе?» В отношении других требуется гораздо больше терпимости: «никто не может поставить себя на место другого, а потому – никогда не следует судить» («Расколотый мир»). Евангельское «не судите» остается, по Марселю, «вершиной философской мысли».

Своеобразная черта гуманизма марселевской драматургии – возможность для каждого приблизиться к истине: в какой-то момент любой может высказать мысль, которая неожиданно глубоко вас затронет. Не вызывающая симпатии Алина Фортье бросает в лицо своему мужу: «Письма, которые ты писал уже после окончания войны... слово „гордость“ там повторялось в каждой строке: „Я горжусь... мы гордимся тем, что дали Франции...“.. Горе мужчины – это как знак отличия, им можно украсить петлицу...» И на возражение мужа: «Но моя обязанность – увековечить память об их стойкости, их героизме...» она бросает: «Вот именно! Ты даже мертвым не даешь уснуть спокойно в их могилах... Слова, слова!.. Из-за таких слов все будет вновь и вновь повторяться, пока войны не истребят всех, до последнего человека».

В пьесе «Семья Жорданов» (из тех же «хроник демобилизации») преобладает страсть другого рода: безграничная отцовская любовь. Этьен, совсем еще юный, вернулся по окончании войны живым и невредимым. Отец дрожал над ним ежесекундно, когда тот был на фронте (он принял тогда твердое решение в случае гибели сына покончить с собой), дрожит и сейчас («...я все еще не могу привыкнуть, что можно перестать бояться»). Когда у Марселя спросили, как ему пришла мысль написать эту вещь, он ответил просто: «Я представил себе, что у меня мог бы быть сын на фронте».

В «Семье Жорданов» – то же разочарование в «родительском очаге», непреклонность и максимализм молодости, что и в «Человеке праведном». Этьен привык по-детски доверчиво относиться к родным пенатам; теперь он видит, что нет ничего, что объединяло бы мать с отцом. К тому же дома назревает коллизия. Между Морисом Жорданом и родственницей его жены возникла глубокая взаимная склонность, нежность, понимание друг друга. Морис подавляет в себе новое чувство, сын настаивает на изменении жизни: он бескомпромиссен, он – за решительную ломку. Однако Морис категорически отказывается начать жизнь сначала. Факторов здесь много, в том числе и устоявшийся благополучный быт, достаток (в чем жестоко упрекает отца Этьен), но главное – о чем Морис говорит сам (хотя сын вряд ли понимает его): «Я не могу еще кого-то любить так, как тебя».

Как уже отмечалось, театральные критики на протяжении десятилетий сходились на том, что творчество Марселя – это «буржуазная драма», лишенная поэтики (в немалой степени и благодаря строгим установкам самого автора на прозаизм и документальность) и в силу этого по определению не могущая быть трагедией. Ни авторский метод, ни объект изображения – буржуазное «мещанство», класс людей среднего достатка – не имеют ничего общего с духом трагедии. В отзывах подчеркивалось, что трагедия непременно должна быть опозитивирована: французский театр, начиная с Корнеля, свидетельствовал об этом; немислимо представлять череду бедствий без всегда присутствовавшей в трагедии легендарной, героической, поэтической линии; а потому – задавался, в частности, вопросом Б. Кремье – возможна ли вообще «буржуазная трагедия»? В рецензии на постановку «Пылающего алтаря» он сожалел, что пьеса, которая по своей мощи и классической строгости может считаться шедевром, не находит должной оценки, что напрямую связано с проблемой ее жанра.

В действительности для творчества Марселя характерно отражение – в судьбах людей, семьи – крупнейших катаклизмов XX века. Собственно, вся жизнь его прошла под этим знаком. Марселю было двадцать пять лет, когда началась Первая мировая война. Будучи слабого здоровья, он не мог быть мобилизован: это побудило его вступить в отделение французского Красного Креста и взять на себя службу поиска без вести пропавших. То были годы непрерывного общения с людьми, убитыми горем или неизвестностью, переходившими от надежды к отчаянию. В большинстве случаев ответом на взволнованные запросы было сообщение о гибели. «Ежедневно, – вспоминает Марсель, – я принимал людей, умолявших пролить свет на судьбы близких... В этих условиях каждая „учетная карточка“ обращалась в душераздирающий призыв, на который я должен был ответить...» ...«Это давало мне повод общаться

с бесчисленным множеством людей из самых разных социальных слоев, постоянно воображая себя на их месте, с тем чтобы представить себе тревогу, которая всех объединяла и при этом переживалась каждым совершенно особым образом. Фоном, основой для поиска всегда было это беспредельное горе»[16]. Философом экзистенции, как признавался Марсель на склоне лет Полю Рикеру, его сделала война.

Из этих тяжелых лет Марсель вынес и исключительный интерес к диалогу, острое и страстное внимание к характеру человеческого общения: театр, по его собственному признанию, привлекал его прежде всего диалогом, а не зрелищем.

Итак, основные темы марселевских пьес в начале двадцатых – это угасание мировой бойни с залечиванием ран; стрессовое состояние многих и многих французов – и тех, что побывали на фронтах, и тех, что оставались дома. В тридцатые годы Марсель первый из французских драматургов заговорил о трагедии фашистских концлагерей, о холокосте (одна из наиболее известных пьес Марселя, «Жало», написанная в 1936 г.; начатая в 1938-м и завершенная в 1948-м пьеса «Знак креста», которую сразу же поставили в ФРГ); в послевоенные годы это острее проблемы французского общества, и одна из них – эмиграция значительной части французской интеллигенции, опасавшейся усиления коммунистического влияния на западноевропейские страны («Рим больше не в Риме», 1951); это нарастающие настроения опустошенности, тоски, сопутствующие человеку в «функционализированном» мире («Расколотый мир»), а также глубоко волновавшая Марселя проблема судеб музыкального творчества в современную эпоху, тема растущей бездуховности («Квартет фа-диез», 1925, «Мое время – не ваше», 1955). Но в отличие от экзистенциалистов или близких им по духу драматургов эпохи Второй мировой войны – Сартра, Камю, Ануя, в чьих пьесах потрясшие общество проблемы тирании, свободы и ответственности индивида, трагические коллизии стали чаще всего облекаться в формы греческого мифа либо находить аллегорическое воплощение в героических легендарных сюжетах Средневековья – Марсель оставил современную трагедию там, где он ее видел, и принципиально считал иное для себя невозможным.

Необходимо остановиться еще на одной особенности марселевской драматургии: в ней всегда присутствует некий экзистенциальный мотив, создавая определенную приподнятость над происходящим, точнее следовало бы сказать: экзистенциальный «над-текст» (подтекста в сущности у Марселя нет) – если можно так назвать ощущение трансцендентного характера проблем, с которыми его герои сталкиваются в условиях трагических событий повседневности.

Переживаются беды общечеловеческого масштаба, и переживаются они человечески, в полную меру, или, как сказала бы героиня из «Человека праведного» – «со всем, что есть в человеке лучшего и худшего»: это по существу – темы, которые затем проходят через всю экзистенциалистскую литературу Германии и Франции, а в сороковые годы получают свое воплощение в философии и драматургии Сартра. В частности, пьеса Сартра «При закрытых дверях» имеет нечто общее с «Человеком праведным», хотя пафос здесь противоположен: это разрушение человека в собственных глазах путем уничтожительного суждения (у Сартра – взгляда) другого.

Возможно, из всех экзистенциалистов Марсель был самым «экзистенциальным»: и, на наш взгляд, именно в его реалистической драме это сказалось сильнее всего.

Некоторые исследователи считают Марселя в первую очередь драматургом, и лишь затем – философом. Мнение, разумеется, не самое распространенное, но, хоть это может показаться парадоксальным, его горячо поддержал бы сам Марсель; собственно, с годами он все больше подтверждал такие суждения о своем творчестве. Действительно, рефлексия драматурга играла в его разносторонней деятельности огромную роль; мысль постоянно проделывала необычный для философа «обратный» путь: от театра, через театр – к философии. Пьесы, с их конфликтами, он считал первостепенными, видя в них жизненное средоточие проблем, а свою философию – производной от них, вторичной. «В действительности, – писал Марсель, – философская мысль начинает понимать себя и конкретно определяться только в драме, через драму»[17].

Более того, можно обнаружить существенное расхождение между философским учением – и драматургической практикой Марселя; рискнем утверждать, что это далеко не одно и то же... Пьесы, все, вылеплены из материала повседневного взаимного непонимания, несовпадения, мучительных, безнадежных попыток понять, – тогда как марселевская философия сосредоточена на анализе получивших широкую попыток понять и сострадать так часто приводит на память Г. Грина – с той же ранимой верой, с тем же

Марсель Габриэль Пьесы filosoff.org
антиклерикальным католицизмом. Кажется, что только герой Грина мог бы
сказать, как говорит один из персонажей Марселя: «никогда не достаточно
быть абсолютно правым».

Марсель однажды заметил, что если бы Сартр и не писал своих пьес (это
вовсе не означает, что Марсель недооценивал своего оппонента: он восхищался
мастерством Сартра-драматурга), без них – при всей их оригинальности и
сценическом воздействии – мы знали бы о его мировоззрении ровно столько же:
оно полностью выражено в его философских сочинениях[18]. Именно этого
нельзя сказать об авторе приведенных слов. В пьесах перед нами в каком-то
смысле – другой Марсель, которого мы не знаем.

Г. Тавризян

ПЫЛАЮЩИЙ АЛТАРЬ
(La Chapelle ardente)

Пьеса в трех действиях. Написана в 1925 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алина Фортье

Октав Фортье, ее муж, полковник

Ивонна Камбрен, их дочь

Маленький Жак, ее сын

Мирей Прадол, молодая девушка, живет в семье Октава Фортье

Марта Вердэ, сестра Октава

Андре, ее сын

Луиза, горничная

Анна, горничная

Время действия 1920–1921 гг.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная гостиная в загородном доме. Две двери – справа и
слева; в глубине – большой, почти во всю стену, застекленный выход в сад.

Алина сквозь лорнет смотрит в сад, затем подходит к звонку у
камина, нажимает на кнопку. Минуты ожидания.

Луиза (входит). Мадам звонила?

Алина. Что там за игрушки?

Луиза. Не сердитесь на меня, мадам. Это госпожа Камбрен велела мне
подняться с ней на чердак, посмотреть, не найдется ли среди вещей господина
Раймона (Алина вздрагивает) игрушек для Жако.

Алина. Вы спросили у меня разрешения?

Луиза. Я собиралась, но госпожа Камбрен сказала, что в этом нет
надобности. А когда мне велят...

Алина. Луиза, здесь я одна отдаю распоряжения.

Луиза. Я думала, мадам не будет возражать... поскольку это для ее
внука...

Алина. Извольте отнести эту коробку туда, откуда вы ее взяли.

Луиза. Но когда госпожа Камбрен увидит... ведь Жако в самом деле нечем играть.

Алина. Очень жаль, что моя дочь не захватила с собой все, что нужно ребенку. Впрочем, Виктор сейчас собирается в город, он купит необходимое.

Из сада вбегает Мирей. На ней платье для тенниса, в руке – ракетка.

Алина. Так скоро, дорогая?

Мирей. Да, дальше уже пришлось бы играть под палящим солнцем.

Луиза. Вам приготовить другое платье, мадемуазель?

Мирей. Нет, спасибо, я останусь в этом.

Алина (обращаясь к Луизе). Сделайте, пожалуйста, как я сказала.

Мирей (подойдя к Алине, с нежностью). Я с тобой еще не поздоровалась как следует (помолчав) ...мама.

Алина. «Мама»... Ты уверена, что тебе хочется называть меня так?

Мирей. Да. Позволь мне это.

Алина. Не знаю... Меня смущает...

Мирей. Согласись: будь я его женой, ты бы находила такое обращение совершенно естественным.

Алина. Возможно.

Мирей. Теперь, когда его нет, мне кажется, мы с тобой стали еще ближе.

Алина. Милая! (Крепко обнимаются.) Во всяком случае... только если у тебя это получается само собой, хорошо? А не ради того, чтобы доставить мне удовольствие. Может быть, твоим родителям было бы больно, если бы они могли это предвидеть.

Мирей. Но я ведь не знала их. Нет, нет, ты мне мама! (Молчание.)

Алина. Кто был на теннисе?

Мирей. Как обычно: Генриэтта, Жанна, их братья... Ну, и Робер Шантёй.

Алина. Он теперь почти всегда приходит?

Мирей. Да...

Алина. Все такой же несимпатичный? (Неопределенный жест Мирей.) Мне он таким показался с твоих слов.

Мирей. Да, он, наверное, не очень располагает к себе... Правда, он хорошо играет. Но у него есть манера: оглядывать всякого, кто приходит на корт, с головы до ног...

Алина. Какая невоспитанность.

Мирей (неуверенно). Я бы даже не сказала, что он плохо воспитан...

Алина. И тем не менее та шуточка, которую он в прошлый раз отпустил в адрес Жанны Морель, показалась мне весьма дурного тона!

Мирей. Ну и память у тебя! Я уже забыла, что рассказывала тебе об этом. Но ты, наверное, права. Еще он постоянно насмехается над старой тетушкой Морелей – той, что глухая...

Алина. Да уж!

Мирей. И потом, он так самодоволен. Сегодня я застала его в момент, когда он смотрелся в карманное зеркальце. Правда, он скорее хорош собой, но все же... Ты ведь его никогда не видела?

Алина. По-моему, нет.

Мирей. Такая внешность не всем нравится: очень черные волосы и светло-голубые глаза. Непривычно. (После неловкого молчания.)... И взгляд часто чересчур жесткий.

Входит Ивонна.

Ивонна. Здравствуй, мама. Здравствуй, Мирей, как дела? (Не выслушав ответа, обращается к матери.) Ты не знаешь случайно, куда положили игрушки, которые я велела спустить с чердака для Жако?

Алина. Знаю, конечно. Я только что сказала Луизе, чтобы она отнесла их обратно.

Ивонна. Вот те на! Но почему? Малыш в последние дни особенно хнычет, не знаешь, как его развлечь.

Алина. Виктор купит в Вильнёв все, что ты захочешь, он сейчас туда

отправляется.

Ивонна. Но зачем покупать, если..

Алина(перебивая ее). Счет выпишут на меня.

Ивонна. Да не в расходах дело! Просто я считаю, что глупо не использовать то, что есть под рукой. По-твоему, лучше, чтобы все эти игрушки плесневели на чердаке?

Алина. Я как раз собиралась заказать специальный шкафчик и разместить их там.

Ивонна. Разместить! Я уверена, что Мирей – того же мнения, что и я. (Мирей жестом выражает свое несогласие.) Ну и оригинальный же у тебя способ чтить прошлое!

Алина(изменившимся голосом). Прошу тебя...

Ивонна. Такое отношение к святыне следует назвать не поклонением, а предрассудком.

Мирей. Ивонна!

Алина. Я тебе отвечу: тот, кто спустя три месяца после смерти брата был способен отправиться на бал – не вправе...

Ивонна. Опять этот бал! Вечно этот бал! В который раз ты мне припоминаешь эту историю! И как подумаю...

Алина. Ну, знаешь, хватит.

Мирей. Неужели ты не видишь, что причиняешь матери боль?... И меня ты тоже обижаешь.

Ивонна. Обижаю? Тебя? Ну, это уж совсем нелепо. Просто я хочу сказать, что здравый смысл не должен изменять человеку ни при каких обстоятельствах. Будь здесь мой муж...

Алина. Вот-вот. Узнаю речи твоего мужа!

Ивонна в раздражении выходит из гостиной. Оставшись одни, Алина и Мирей молча смотрят друг на друга.

Алина. Каково?

Мирей. Все это так тяжело... Но тебе не кажется, что стоило бы все-таки уступить ей? Ведь Раймон наверняка бы отдал эти игрушки своему племяннику.

Алина. Раймона нет.

Мирей. Но игрушки – это не...

Алина(перебивая). Игрушки... Тебе этого не понять.

Мирей. Но они и для меня... реликвии.

Алина. Нет! Раймон не был твоим в младенчестве – твоим собственным: и ты не можешь видеть его таким, каким вижу его я ... когда ему их приносили в кроватку, когда он играл ими в саду, когда он их протягивал... давал другим. Он так любил отдавать!

Мирей(тихо). Тем более...

Алина. Что ты сказала?

Мирей. Нет, ничего.

Алина. Ивонна... Ей все хотелось бы заграбастать; не нахожу другого слова. Вплоть до учебников брата, когда они понадобятся мальчику. Моя дочь – сама трезвость.

Мирей. Может быть, ей хотелось бы иметь их как память о брате...

Алина. Она никогда его не любила. Ну, конечно, она его называла «мой дорогой братишка»... слова ведь ни к чему не обязывают. Но что она для него сделала? Нет, нет, приходится признать: здесь кроме нас с тобой...

Мирей. Но мой свекор...

Алина. О! Право... (Взгляд ее рассеянно скользит по столу.) Кстати, чуть было не забыла: я это специально отложила для тебя. (Протягивает ей конверт.)

Мирей. Что это? (Открывает конверт.) Ах, ну как же ты до сих пор мне их не показывала! «Параме, девятьсот второй год». Это он, с голыми ножками, такой крепенький! Какой же он крупный для своего возраста!.. А на что это он указывает пальчиком?

Алина (наклонясь). Минутку...

В этот момент входит Октав.

Мирей. Взгляните, папа!
Алина (поспешно отбирает у Мирей фотографии). Не надо, дай их сюда.
Октав. Что там?
Алина. Ничего интересного.
Октав. Мне нужна ваша помощь: не помните ли, что стало с лейтенантом де Кюни? Судя по всему, в феврале восемнадцатого он был переведен в 154-й полк. Ну, а потом?.. Мне кажется, тогда было получено известие о...
Алина (перебивая его). Не имею ни малейшего представления.
Октав. Надо бы мне написать в архив. (Обращаясь к Мирей.) Лейтенанта де Кюни я упоминаю в связи с франкфуртской траншеей.
Мирей. Вы уже так продвинулись?
Алина (взяв с полки книгу, перелистывает ее). Он много работает.
Октав. Нужно закончить к Новому году.
Мирей. Почему?
Октав. Я сам себе определил такой срок, это мобилизует. Надеюсь в него уложиться.
Мирей. За этим, очевидно, стоит огромная работа.
Октав. Главным образом это переписка с семьями.
Мирей. Может быть, вы поручили бы мне написать часть писем? (Алина выразительно смотрит на нее.) Что такое, мама?
Алина. Ничего. Просто я удивлена.
Октав. Приходится приставать к людям по три, по четыре раза, прежде чем добьешься ответа. Но я обязан... Ведь все эти парни, из 427-го – это же немного и мои дети, я должен знать, что было с ними дальше – с каждым. Главное, такой полк!.. Подумайте только, за все три года – ни единого пятна на репутации, ни единого срыва... Если б его не расформировали тотчас же после окончания войны, я бы не подал в отставку.
Мирей. Правда?
Октав. Вне всякого сомнения.
Алина. Тебе, кажется, пакет от издателя.
Октав (живо). От Мазере? Где?
Алина. Должно быть, в той комнате.
Октав. Почему ты мне сразу об этом не сказала! (Быстро выходит.)
Алина. Дорогая, если ты не хочешь причинить мне глубокую боль, ты не станешь повторять своего предложения.
Мирей. О чем ты?
Алина. Я говорю о письмах, которые ты вызвалась писать.
Мирей. Послушай, мама, если я этим смогу ему помочь...
Алина (довольно сухо). Прежде всего, эта переписка заполняет его досуг.
Мирей. Но все-таки...
Алина. К тому же, одна мысль об этой книге приводит меня в ужас.
Мирей. Но...
Алина. А я-то думала, что ты целиком разделяешь мои чувства... «Укрепление Мадлен», «франкфуртская траншея»... (рыдает) «сто тридцать шестая высота»... задумайся, Мирей! Сто тридцать шестая высота... он хочет увековечить память об этой бойне, этой резне... и ты станешь ему помогать?!.. Нет, дорогая, ты этого не сделаешь!
Мирей (озабоченно). Мне надо подумать.
Алина (с просветлевшим лицом). Ну, в таком случае я спокойна.

Входит Октав, держа в руках две брошюры. Он взволнован.

Октав. Вот... это оформлено не совсем так, как я себе представлял, но ведь не все делается согласно твоему желанию... ну, в общем, вы мне скажете, что вы об этом думаете. (Неловко протягивает одну из брошюр Мирей, другую – Алине.)

Мирей (перелистав брошюру). О, как хорошо! Какая великолепно... (поворачивается к Алине, видит, что та словно оцепенела в судорожном отчаянии, и умолкает).

Октав. Видите – в начало помещена его фотография, сделанная у Дюпена; ну, а на этом снимке он выглядит совсем ребенком. Здесь вот – тексты приказов, сперва – моего, когда он был зачислен в мой полк, затем второго, под Верденом... и – последний. А еще его письма, те, что он писал мне. (Чувствуется, что Октава скрывает присутствие жены. Он продолжает

Марсель Габриэль Пьесы filosoff.org
говорить, однако голос звучит все глуше.) Их, по-моему, шестьдесят пять, нет, шестьдесят четыре... ну, да вы увидите... Какие-то частности я опустил, они не важны... Брошюра, разумеется, не поступит в продажу.

Мирей. Да... конечно.

Октав. Это только для друзей... для тех, кто его знал... Алина, ну а ты что скажешь?

Алина. Ничего... абсолютно ничего.

Октав. Как – ничего?

Алина (делая над собой усилие). Хорошая бумага... шрифт очень... четкий.

Октав. Ну да, конечно! Еще бы он был нечетким!

Алина. Все хорошо.

Октав. Так ты... довольна?

Алина не отвечает, оставаясь в продолжение всей этой сцены погруженной в тяжкое раздумье.

Мирей (чтобы как-то снять напряжение). Мы так мало на это рассчитывали. Видеть эти письма изданными!

Октав. О да.

Мирей (тихо). Прекрасная идея.

Октав (напрягая слух). Что? (Мирей не отвечает.) Дайте мне ваш экземпляр, я отдам его переплести.

Мирей. Спасибо.

Октав (вполголоса, бросив взгляд на Алину). Как это тяжело... Думаешь ее порадовать, и вот...

Мирей (негромко). Вы оба несчастны, но совершенно по-разному.

В гостиную входит Ивонна.

Ивонна. Мы пойдем, посидим с няней и ребенком под кедром; если кто-то хочет к нам присоединиться... Папа, ты хоть сегодня виделся с внуком?

Октав. Ну, как же! Он взобрался ко мне на колени, и я добрые четверть часа подбрасывал его вверх.

Ивонна. А ты, Мирей? Ты ведь знаешь, как он любит играть с тобой.

Алина (обращаясь к Мирей). Ступай, дорогая. Потом зайдешь за мной, и мы отправимся к мамаше Брассер; я обещала ей принести корзину вишен. Бедняжка будет рада повидать тебя.

Октав. Скажите ей, что я послал еще один запрос относительно боевой медали ее Ноэля.

Алина. Да?..

Мирей. Мы скажем ей это.

Ивонна (выходя, обращается к Мирей). Он ведь был убит, младший Брассер? Впрочем, ясно – раз мама туда идет...

Выходит с Мирей в сад через стеклянную дверь. В комнате остаются Октав и Алина. Тягостное молчание. Алина листает брошюру, руки ее дрожат. Октав с некоторой тревогой наблюдает за ней. Внезапно Алина делает судорожное движение.

Алина. Что такое?

Октав (подходя). Ты о чем?

Алина. Что за беседу он здесь имел в виду?.. Ты мне никогда не показывал этого письма.

Октав. Дай взглянуть... (Алина протягивает мужу книжку, не сводя с него пристального взгляда.) Ах, да... (В замешательстве.) Что ты, собственно, хочешь знать?

Алина. Почему он пишет: «Я бы всю жизнь раскаивался, если бы не последовал твоему совету». Какому совету? (Октав не отвечает.) А это: «Благодарю за то, что ты указал мне путь.» И дата... (Внезапно.) Бог мой, ты

Марсель Габриэль пьесы filosoff.org
посоветовал ему пойти добровольцем, до призыва!

Октав. Вспомни его душевное состояние: он колебался, терзался – таким я его застал во время своей побывки, в декабре шестнадцатого. Однажды вечером он спросил у меня – это было как раз здесь, в этой комнате: «Папа, как бы ты поступил, будь ты на моем месте?»

Алина. Так, значит, одного твоего слова было достаточно, чтобы удержать его!

Октав. Алина!

Алина. В тот момент его жизнь была в твоих руках!

Октав. Он просил, чтобы я говорил с ним без обиняков, как мужчина с женщиной...

Алина. Как мужчина с женщиной! Да ты взгляни на него... (Показывает на фотографию Раймона на низком столике в углу.)

Октав. Я не имел права обмануть его ожиданий.

Алина. Ты бесчестно воспользовался своим авторитетом, его слабостью, его боязнью уронить себя в твоих глазах...

Октав. Я дал ему понять, что он абсолютно свободен в своих решениях.

Алина. Какое лицемерие!

Октав. Клянусь тебе, я не оказывал на него никакого давления.

Алина. Война ужасала Раймона. И было совсем не трудно добиться от него решения не ввязываться в эту бойню.

Октав. Тем не менее тебе это не удалось.

Алина. По твоей вине. А я... о, я в то время была сама не своя, жила в постоянном кошмаре... (Молчание.) Он безусловно рассчитывал на тебя, на то, что ты отговоришь его от ухода на фронт.

Октав. Ты оскорбляешь память о нем, делаешь из него труса!

Алина. Бедный ребенок, он все понимал.

Октав. Ты говоришь, война внушала ему ужас? Но кто и когда любил войну?

Алина. Ты, ты любил! Еще на днях ты говорил Морелю: «Наши лучшие годы...»

Октав. Это совсем другое. Прекрасна была не война, а чувство локтя в условиях опасности. Женщине этого не понять.

Алина. Тем лучше для нее! И потом, разве стал бы ты писать воспоминания, если бы не любил войну!

Октав. Это не просто воспоминания, это летопись полка. Это долг верности перед павшими.

Алина. Я наблюдаю других людей: они никогда не говорят о войне, словно стыдятся ее... А ты... Ты даже мертвым не даешь уснуть спокойно в их могилах.

Октав. Но моя обязанность – увековечить память об их стойкости, их героизме, их...

Алина. Слова, слова!.. Именно из-за таких слов все будет вновь и вновь повторяться, пока войны не истребят всех, до последнего человека.

Октав. Слова? Но ты отступаешься от собственного сына.

Алина. А ты... ты его... (Замолкает.)

Октав. Говори.

Алина. Нет.

Октав. Мне ясно, что ты хотела сказать.

Алина. Да?

Октав. Что погубил его я, что он не вернулся из-за меня. Ты винишь меня в том, что я не берег его... Бог мой, зачем он поступил в 427-й полк!

Алина. Слово не ты его туда зазвал!

Октав. Он сам просил, чтобы я зачислил его к себе, это был его выбор.

Алина. Он ничего не выбирал, он предоставил все своей судьбе и не защищался... Как и в тот день, когда (все ее тело сотрясается от рыданий)... Сто тридцать шестая высота...

Октав. Он умолил, чтобы это задание доверили ему.

Алина. У него не было возможности поступить иначе. Обстоятельства сплотились против него... Нет, Октав, я знаю, что ты скажешь... но я не хочу, слышишь... не хочу!

Октав (на нем лица нет). Так что же, по-твоему, я его не любил?

Алина. Во всяком случае, меньше, чем собственный престиж.

Октав. Я не страдал?

Алина (жестко). Не знаю... Горе мужчины – это как знак отличия, им можно украсить петлицу... О, не отрицай этого. Я видела некоторые из твоих писем, написанных... после; ...слово «гордость» там повторялось в каждой строке: «Я горжусь... мы гордимся тем, что дали Франции...»

Октав. Но это так!

Алина. Да, и это только подтверждает мою правоту. Когда пережито то, что пережила я... не остается места для столь возвышенных чувств, уже не приходится улаживать себя ими. Страдание отвратительно... оно не укладывается в александрийский размер.

Октав. Что?

Алина. Мне попался неоконченный черновик и список рифм, которые ты еще не подобрал окончательно.

Октав(голосом, срывающимся от волнения). Послушай, Алина, я не комедиант; я тоже несчастлив, глубоко несчастлив, и я запрещаю тебе сомневаться в этом! Запрещаю, слышишь? И если я решил, когда мы перевезем нашего мальчика сюда, написать несколько стихотворных строк, которые велю выгравировать на его могиле...

Алина (глухо). Нет, нет...

Октав...то это ради увековечения его памяти, которая для меня священна и которую ты упорно стремишься оскорбить. И если он видит нас с тобой – а я в этом уверен...

Алина. Молчи.

Октав. То можешь считать... можешь...

В эту минуту в застекленную дверь стучится Андре.

Октав. Да это Андре!.. Входи, дорогой.

Андре. Здравствуй, дядя Октав. Здравствуй, тетя.

Октав. Я как раз собирался зайти в Ла Мартиньер, узнать, чем окончился твой визит к врачу.

Алина. Верно, ведь это было вчера.

Андре. Так вот, совершенно очевидно, что это все на нервной почве.

Октав. И эти приступы удушья...

Андре. Ничего серьезного.

Алина. Сердце...

Андре. Почти в норме. Правда, он прописал мне наперстянку, в небольших дозах.

Октав. Ах, все-таки...

Андре. Из простой предосторожности. Врач связывает это с моим прошлогодним переутомлением. Словом, подождем; все должно пройти само.

Октав. Ну и отлично. Мама, наверное, страшно довольна.

Андре. Признаюсь, у меня тоже – камень с души... Все же, как ни крепись, а не можешь отделаться от мрачных мыслей.

Алина. Конечно.

Андре. А Мирей... дома?

Октав. Она в саду, с Ивонной и ребенком.

Андре. Я ее видел издали, проходя мимо теннисной площадки. Она ведь бывает на корте почти ежедневно?

Октав. У нее здесь так мало развлечений.

Алина(с живостью). Ты когда-нибудь слышал, чтобы она жаловалась? У нее достаточно своих, внутренних ресурсов. Но она поступает разумно, отводя какое-то время физическим тренировкам.

Андре. Она была с этим Робером Шантёем... Похоже, нынешним летом он весьма усердно посещает корт. Говорят, он намерен здесь окончательно обосноваться. И даже жениться.

Октав. Вот оно что.

Андре. Возможно, он имеет виды на одну из младших дочерей Мореля.

Октав. Я был бы удивлен. За ними – скромное приданое, а у него, должно быть, большие запросы.

Андре (не без смущения). Но наши края, мне кажется, вообще не изобилуют богатыми наследницами...

Алина. Судя по всему, что я о нем слышала, это малоинтересный субъект. Поражаюсь, что его дела и поступки в такой степени тебя занимают.

Андре. Но, тетя... А вот и Мирей.

Мирей (входя). А, здравствуйте, Андре.

Октав. У него хорошие новости по поводу вчерашней консультации у врача.

Мирей (приветливо, но без теплоты). Ну что ж, прекрасно.

Андре в смущении отводит глаза; взгляд его останавливается на

Марсель Габриэль пьесы filosoff.org
брошюре, которую Мирей оставила на столе. Он берет ее в руки.

Андре. О! Я не знал...
Октав. Я их только что получил.
Андре. Ты мне не говорил о своем намерении опубликовать эти материалы.
Алина. Твой дядя хотел сделать мне сюрприз.
Андре. И ты полагаешь, что Раймон...
Алина. Что ты хотел сказать?
Андре. Нет, ничего... Я только подумал...
Алина. Пожалуйста, договаривай.
Андре. Теперь это уже не имеет значения.
Алина. Что, Раймон что-нибудь говорил тебе по этому поводу?
Мирей (тихо, обращаясь к Андре). Ну, зачем об этом, теперь?..
Андре. Он мне не говорил ничего определенного, но я вспоминаю, что подобного рода публикации писем, фронтовых блокнотов...
Алина. И что?..
Андре. Он находил все это немного...
Алина. Бесстыдным?
Андре. Ну, скажем... не деликатным.
Алина (мужу). Вот видишь!..

Октав пожимает плечами, словно говоря: «Ну, что я могу поделаться?»
Алина выходит в дверь направо, тихо прикрыв ее за собой. Октав с минуту молчит, словно ожидая каких-то слов от Мирей и так и не услышав их, затем произносит почти беззвучно:

Октав. Пойду взгляну на Жако: только и осталось радости.
Андре (подходя к нему). Дядя, мне очень жаль... (Ничего не ответив, Октав уходит.)
Мирей (с горечью). Зачем вы это сказали!
Андре. Я не хотел... она настояла. Но это же несущественно.
Мирей. Вы так думаете?
Андре. Это не было направлено против дяди, вообще против кого бы то ни было. Даже если он совершил ошибку...
Мирей. Мама ему не простит.
Андре. Вы теперь зовете мою тетю мамой? (Молчание.) Уверю вас, это не важно... (Внезапно, судорожно.) Куда важнее... скажите, что, он вам так симпатичен?
Мирей. О ком это вы?
Андре. Этот молодой человек, с которым вы играете почти ежедневно... этот Шантэй!
Мирей. Он хорошо играет в теннис.
Андре. Он приходит ради вас, Мирей. Вы ему нравитесь, и знаете это. В ближайшие дни, помяните мое слово, он сделает вам предложение.
Мирей. Ну, в таком случае он просто не в курсе. Здесь нет человека, который не знал бы, что все это для меня кончено, об этом не может быть речи никогда.
Андре (смирненно, счастливый). Простите.
Мирей. После того, что я испытала... после такой надежды на счастье...
Андре (тихо). Я знаю.
Мирей (возбужденно). Вы не знаете... Нет ни единого человека на свете, никого, слышите, кто не казался бы мне ничтожным, мелким. Так что этот молодой человек, о котором вы говорите и который, кстати, гораздо лучше, чем о нем думают... (Снова горячась.) И вообще – кто вам дал право допрашивать меня?

Идет к камину, стоит, облокотившись на него, обхватив голову руками, спиной к Андре.

Андре (подходит к ней). Мирей... мои переживания не должны вызывать у
Страница 16

вас презрения... Тот, кого вы оплакиваете, был моим другом. Я восхищался им... Ваша скорбь – это и моя скорбь. (Тихо.) Я не ревную... но мысль, что другой... я не могу, это выше моих сил!

Мирей (вполоборота к нему, убийственным тоном). Шантёй сражался, он был дважды ранен... (Андре бросает на нее взгляд, полный укоризны, и отходит, плечи его опущены.) Мои слова чудовищны, простите... Но если бы вы могли представить себе атмосферу, в которой я здесь живу... Минутами мне кажется, что я задыхаюсь.

Андре. Как! Но ведь вас все любят здесь; вас приняли всей душой...

Мирей (задумчиво). Да.

Андре. Моя тетья не может обойтись без вас...

Мирей. Я тоже уже не могу без нее.

Андре. Так что же?..

Мирей. Когда в тебе нуждаются таким вот образом... не знаю... ты уже не свободен... ты не живешь больше. (С ужасом.) Ах, что я такое говорю! Нет, это не то, не то... Вам не понять...

Входит Алина. На минуту останавливается на пороге и смотрит на них.

Мирей (направляясь к ней). Мама, разве мы не собирались с тобой к тетушке Брассер?

Алина. Мне должны принести вишню, которую я ей обещала.

Андре (после затянувшегося молчания). Кстати, час уже поздний, я должен с вами распрощаться; тем более, что врач предостерегал меня от слишком быстрой ходьбы.

Алина. Да, разумеется.

Андре (обращаясь к Мирей). Не зашли бы вы как-нибудь к нам, проведать мою маму?

Мирей (рассеянно). Да... конечно.

Андре. Могли бы мы условиться о дне?

Мирей (глядя на Алину). Наверное.

Алина. Дорогая, это ты решай.

Мирей. Скажите ей, что я пришлю записку.

Андре. Не откладывайте слишком надолго... До свидания, тетья.

(Уходит.)

Алина. Отчего у него был такой грустный вид, когда я вошла? Если врач его и в самом деле обнадежил...

Мирей. У него могут быть другие огорчения.

Алина. Андре всегда был очень озабочен своим здоровьем; я его не виню, оно у него и вправду хрупкое... Хотя временами он слишком осторожничал. Раймон даже подшучивал над ним.

Мирей. Все же у него могут найтись другие поводы... для тревог. (Она произнесла это слегка дрожащим голосом, не глядя на Алину. Обе молчат.)

Алина. Дорогая, раз уж ты сама решила говорить мне «мама», – ты знаешь, я об этом и не мечтала и, может быть, даже не очень хотела этого...

Мирей. И что?..

Алина. Пожалуйста, дай мне договорить, уверяю тебя, это важно, – не следует, чтобы такое обращение было всего лишь проявлением деликатности: пусть это будет правда твоего сердца.

Мирей. Но это и есть правда.

Алина. Доверься мне.

Мирей (довольно резко). Но ты прекрасно знаешь, что мне не остается ничего другого, как доверяться тебе... потому что они все умерли, потому что у меня нет никого, кроме тебя... К тому же, с моим характером я не могу что-то важное держать в секрете.

Алина. Разве о секретах речь? Но тень двусмысленности отравила бы нам все, ты это знаешь. Ведь наша общая утрата, она привела нас к...

Мирей. Не будем говорить об этом...

Алина...к истинной душевной близости, родная. Я не могу сказать, что эта близость дала мне стимул жить, но благодаря ей я существую... Подумать страшно, что будет, если ее что-то подорвет.

Мирей. Но этой близости ничто не грозит.

Алина. Как раз могло бы грозить, дорогая, но мы не должны этого допустить. (Протестующий жест Мирей.) Пойми меня: в твоём возрасте человек не может – и не должен – ручаться за себя. Ты меня понимаешь? Не должен. Люди меняются; это страшно, но это так. В тебе может зародиться...

Мирей. Не продолжай, я догадываюсь; но такое предположение не только беспочвенно, оно... Ты же прекрасно помнишь, что я тебе сказала, когда мы были там... когда нам показывали эти опустошенные поля, эти склоны, на которых никогда уже ничего не произрастет... (Глухо.) Я – как эти поля.

Алина. Рискованное утверждение; и даже несколько... надуманное.

Мирей. Твои слова оскорбительны.

Алина (мягко). Как ты уязвима, дорогая. Но я, во всяком случае, заверяю тебя: какие бы признания ты мне ни сделала в будущем – они ничего не изменят в наших отношениях.

Мирей (с горячностью). Ты веришь в это – но ты обманываешь себя, ты не сможешь этого вынести, подумай!..

Алина. Доверие, каким я его мыслю, может быть только абсолютным; отдав его однажды, я не беру его назад... Даже если ты когда-либо решишь устроить свою личную жизнь с другим, что, по сути, в порядке вещей...

Мирей. Мама!

Алина. ...это ведь не будет с кем-то недостойным... нет, после того, что тебя ожидало, что должно было произойти... это не станет моральной деградацией, я знаю, ты на такое не способна. Им не может быть прожигатель жизни, как, скажем... ну, не знаю, как этот Шантэй, который никогда не сумеет...

Мирей (еле слышно). Но почему – Шантэй?

Из двери, ведущей в сад, входят Октав и Ивонна. Октав держит на плечах маленького Жака, который хлопает в ладоши, испуская воинственные крики.

Октав(готовясь опустить ребенка на пол). Ну все, малыш, хватит...

Жак. Еще, дедушка, еще!

Октав. Еще раз вокруг лужайки?.. Ну хорошо, только один раз.

Алина (мужу). Если этот ребенок станет совершенно невыносимым, это будет твоя вина.

Ивонна. К счастью, мама, есть ты – постоянный противовес!

Октав (Жаку). Ну, ладно. Остальное – завтра.

Мирей (подходя к малышу). Здравствуй, Жак! (Ласково треплет его волосы, но, поймав на себе пристальный взгляд Алины, резко выпрямляется. Ивонне.) Что, его опять искусали?

Ивонна. Я только минуту назад говорила: до тех пор, пока не будет осушен пруд...

Октав (Ивонне). Пойдем, я собирался тебе кое-что показать. (Выходит в правую дверь.)

Ивонна. Но поскольку здесь принцип – ничего не менять...

Алина. Перестань.

Ивонна. Ну, Мирей, будь ты свидетелем. Здесь полно мебели, совершенно ненужной, которая пригодилась бы в моем доме. Я ведь не говорю о дорогих вещах.

В этот момент возвращается Октав, он очень бледен.

Октав (вполголоса, Алине). Это ты унесла брошюры?

Алина. Да.

В застекленную дверь стучит садовник.

Октав (еле сдерживаясь). Могу я узнать, куда ты их положила?

Алина. Пожалуйста, потом.

Октав. Надеюсь, они хотя бы целы?

Алина. Я их просто убрала отсюда. Алексис, что там, вишня? Мы давно ждем ее! (Берет корзину.) Цветы?... Это, кажется, тебе, Мирей! (Протягивает ей букет.)

Мирей. Что это?

Алина. Их принес садовник господина Шантёя.

Ивонна. Мирей!.. Ты только погляди!

Октав. От Шантёя?

Мирей. Я имела глупость похвалить его розы «кримсон»: их видно с корта.

Алина. Я пошла надевать шляпу. Догони меня у выхода.

Ивонна (взяв малыша за руку, выходит вместе с матерью). Мама, неужели никак нельзя добиться, чтобы ребенок завтракал ровно в половине двенадцатого!.. (Продолжения разговора не слышно.)

Октав (с трудом беря себя в руки). Моя жена способна сжечь книжки. (Ожидает возражений, однако Мирей отвечает не сразу.)

Мирей (продолжая держать цветы, рассеянно). Нет... нет... Вы ошибаетесь.

Октав. Вы так думаете? (Порывисто.) Милая моя, если б вы знали... (Умолкает.) Но вы все стоите с цветами! Я скажу, чтобы их поставили в вазу.

Мирей (внезапно, со страстью). Нет, нет! Их надо выбросить.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же декорация.

Десять дней спустя.

Мирей пишет, сидя за столом; время от времени заглядывает в лежащую перед ней записную книжку. Вздрагивает при звуке приоткрывающейся двери, но, увидев Октава, успокаивается.

Мирей (тихо). Я написала для вас эти четыре письма. Возможно, вы хотите взглянуть... конечно, так было бы лучше. Во-первых, моя орфография... Октав (не расслышав). Что?..

Мирей. Я говорю, что было бы лучше, если б вы просмотрели эти письма.

Октав. Совершенно ни к чему, я уверен, что они написаны очень хорошо.

Мирей. Я написала в архив Дрё, как вы просили.

Октав. Хорошо.

Мирей. Однако я почти уверена, что нам удалось пролить свет на дело Дюпона. По-видимому, в 8-й роте служили два Гастона Дюпона, но один из них не упоминается в дивизионных списках.

Октав. Вы восхитительны, Мирей! Для меня было таким облегчением, что вы вызвались помочь мне с перепиской.

Мирей. Не стоит говорить об этом.

Октав. Когда я пишу подряд слишком долго, у меня здесь (показывает на предплечье) словно судорога. Не знаю, то ли ревматизм, то ли еще что-то...

Мирей (рассеянно). Как это неприятно.

Октав (присматриваясь к ней). Вы бледны.

Мирей. Пустяки.

Октав. Глаза немного усталые.

Мирей. Я не особенно хорошо сплю сейчас.

Октав. Да, я слышал ночью, как вы ходили по комнате. Не надо бы вам так утомляться с этими письмами.

Мирей. Нет, я счастлива, что было чем заняться ночью. Когда не спишь...

Октав. Да... но это неразумно. Если б только моя жена догадывалась...

Мирей. Не говорите ей, пожалуйста. Вообще лучше было бы убрать эти бумаги, свекровь может войти в любой момент.

Октав. Мне казалось, вы теперь ее называете мамой.

Мирей. Да, но в ее отсутствие...

Октав. По-моему, вы несколько удручены тем...

Мирей. Чем?
Октав. Тем, что вам приходится что-то держать от нее в секрете.
Мирей. Да, я предпочла бы ни от кого ничего не скрывать. Тем более от нее. Ведь то, что я делаю, так естественно. Но если она об этом узнает...
Октав. Вы полагаете, она рассердится?
Мирей (с запальчивостью). Ну, во-первых, это было бы мелочно... и потом, в конце концов я вольна поступать как считаю нужным.
Октав. Разумеется.
Мирей. Нет, это только чтобы ее оградить от волнений... Она и без того страдает!
Октав. Она здесь не единственная, кто страдает.
Мирей. Но у нее это – словно особый дар, я не знаю никого, кто был бы наделен такой способностью к страданию.
Октав. Вам не кажется, что ей не хватает какого-то... (помолчав, как бы подбирая слово) целомудрия? Я не хочу сказать, что она афиширует свое горе: скорее она его раздувает, как пламя – которое в итоге спалит вас.
Мирей. Для меня ваши слова обидны.
Октав. Для вас? Но почему?
Мирей. Все, что направлено против нее, попадает в меня.
Октав. Но, дорогая Мирей...
Мирей. Наверное, так рассуждала бы Ивонна.
Октав(изменившимся тоном). Ивонна... нет, ничего общего. Видите ли, когда я вспоминаю, какой моя жена была прежде... До войны мы никогда... и вот разразилось несчастье, и ее словно отравили. Да, это яд.
Мирей (резко). Чувствовать себя несчастным – это не болезнь... Вы, как и ваша дочь, находите этот дом слишком угрюмым? (Движение Октава.) Жизнь восстанавливается недостаточно быстро? Вам хотелось бы передышки?
Октав (ласково). Дорогая, в вас сейчас как будто говорит кто-то другой...
Мирей(с горячностью). Ну так вот, знайте, я всей душой с нею. Возможно, что все это ужасно, но на самом деле прекрасно лишь оно. Остальное же так заурядно... ничтожно... (Чувствуется, что она вот-вот разрыдается.)
Октав(внимательно глядит на нее). Мне не нравится, что вы так возбуждены.
Мирей. Это не возбуждение, это – самое сокровенное во мне; и если случаются минуты, когда я, кажется... но я ненавижу эти минуты!
Октав(с глубокой серьезностью). Однако если вы так безоговорочно согласны с моей женой, почему вы вызвались помочь мне с работой, которую она не одобряет? Это только ради меня?
Мирей(опустив глаза). Не надо считать меня утратившей свое «я»; повторяю вам, я делаю лишь то, что хочу.

Из правой двери появляется Г-жа Вердэ.

Г-жа Вердэ(сопровождающей ее Луизе). Спасибо, Луиза... Здравствуй,
Октав.
Октав. А, Марта!
Мирей. Тетя Марта, я прошу извинения за то, что все еще не выбралась навестить вас: каждый день – какая-нибудь помеха.
Г-жа Вердэ(с волнением в голосе). Вы у нас желанная гостья в любое время.
Октав. Пожалуйста, сядь. Андре нынче часто заходит; по-моему, он выглядит намного лучше, чем прошлой зимой.
Г-жа Вердэ(она готова разрыдаться). Мирей, милая, не сердитесь на меня... мне нужно сказать пару слов брату. Он вам расскажет после, но сейчас мне так тяжело... я не могу...
Мирей. Ну конечно же, тетя. (Тихо выходит из комнаты.)
Продолжительное молчание.)
Октав. Это касается Андре?
Г-жа Вердэ. Да.
Октав. Но, надеюсь, не в связи с его здоровьем?
Г-жа Вердэ. Увы.
Октав. Мне казалось, вы уже совершенно успокоились.
Г-жа Вердэ (упавшим голосом). Андре безнадежен.
Октав. Ну что ты говоришь!
Г-жа Вердэ(уже не сдерживая слез). Обречен.

Октав. Быть не может, ты все это...

Г-жа Вердэ. После того как Андре побывал на консультации... я получила от врача письмо, в котором он пишет, что не мог сказать Андре правду. Я тут же пошла к нему.

Октав. И что же?

Г-жа Вердэ. Было ясно уже по его виду... по его лицу... он не улыбался, он говорил тихо, словно...

Октав. Марта, милая, но ведь это все – чистейший плод воображения.

Г-жа Вердэ. Жизнь Андре – на волоске... достаточно несчастного случая, а он может произойти завтра, или через полгода, или...

Октав. Брось, Марта! Кто из нас гарантирован от несчастного случая?

Г-жа Вердэ. Нет, врач мне объяснил, что это у него – порок сердца!

Октав. Ну и что из того? У меня тоже порок сердца; а с тех пор, как я ушел в отставку, болезнь особенно часто дает о себе знать. Но я же еще не зачислил себя в покойники!

Г-жа Вердэ (дрожащим голосом). Послушай, Октав... не старайся меня успокоить. Повторяю тебе, он мне объяснил: дело в клапане, который может внезапно отказать – из-за усталости, чрезмерного волнения...

Октав. Но почему же в таком случае этого не обнаружили раньше? Ведь он же, черт возьми, не в первый раз прослушивает его сердце! А все эти визиты к врачам во время войны...

Г-жа Вердэ. Видимо, болезнь усугубилась в последние месяцы. Октав, я сейчас так жалею, что он не ушел на фронт, как он сам того хотел! Пусть бы даже... он был сразу убит... но тогда, по крайней мере... по крайней мере... (не в силах закончить фразу.)

Входит Алина. Увидев рыдающую золовку, бросается к ней.

Алина. Что случилось?

Октав. Марта к нам с плохими новостями... относительно Андре. Врач, у которого она побывала вчера... как бы это сказать... не питает оптимизма.

Алина. Но как же так? Марта, дорогая, это ужасно. (Обнимает ее.) А что же Андре нам говорил на днях?

Г-жа Вердэ. Ему нельзя знать правду. Это может его убить.

Алина. Прошу тебя, не плачь!

Г-жа Вердэ. Он даже не подозревает, что я была у врача; если он зайдет, не подавайте виду...

Алина. Можешь положитьсь на меня, Марта. Бог мой! Бедный ребенок!..

Г-жа Вердэ. Если бы я хотя бы могла утешаться мыслью, что он бывал счастлив; но в его жизни были одни разочарования. Никто не представляет себе его переживаний в годы войны.

Алина (ласково). Ну нет, мы представляем...

Г-жа Вердэ. Ему всегда казалось, что его презирают за то, что он не воюет. Он избегал своих двоюродных братьев, когда те приезжали на побывку... О, не Раймона – тот был всегда так добр!

Алина (задумчиво). Раймон его любил.

Г-жа Вердэ. Мы часто говорили о нем.

Алина. Правда?

Г-жа Вердэ. Подумай только, Алина... какая ему досталась молодость! Без радости, без единого светлого дня.

Алина. Ты преувеличиваешь.

Г-жа Вердэ. Пока был жив его отец, у меня не оставалось времени для Андре. И потом... вообще человек ничего не может для другого. Каждый одинок.

Алина (с глубокой убежденностью). Нет, Марта, человек не одинок.

Г-жа Вердэ. Благодарю, ты так добра... только страдая, как я, можно оценить твое сердце. (Нетерпеливый жест Октава.) Так же было и когда умирал мой бедный Шарль, я это как сейчас помню.

Алина. Да. Именно в несчастье люди находят друг друга.

Г-жа Вердэ. Где Октав? (Тот отошел к окну, смотрит на улицу.)

Октав (не оборачиваясь). Я здесь.

Алина (глухо). Подлинно только горе.

Г-жа Вердэ. Андре всегда говорит, что ты такая глубокая натура! С моей стороны глупо это тебе повторять, но он тоже, он все чувствует так глубоко; порой меня это пугает. Как он ни владеет собой, ему не удастся скрыть от меня того, что у него на душе.

Алина. Вы очень близки.

Октав (кому-то в окне). Здравствуй, здравствуй!

Г-жа Вердэ. С кем это он здороваётся?
Алина(привстает, чтобы взглянуть). С малышом. Он играет с Мирей:
Ивонна отправилась в Вильнёв.
Г-жа Вердэ. Мирей ведь очень любит детей?
Алина. Да.
Г-жа Вердэ. Какое счастье для тебя, что она здесь, с тобой... Что и говорить, Раймон умел выбрать...
Алина (сухо). Он не выбрал.
Г-жа Вердэ(понижая голос). Алина... Мне кажется, что Андре... тоже влюблен в нее.
Алина. Андре!
Г-жа Вердэ (горячо). Не сердись на него! Он боролся с собой, он едва смел даже себе в этом признаться...
Алина (ласково). Почему же я должна сердиться?
Г-жа Вердэ. Но ты могла бы... Это настолько в человеческой природе. Наверное, я испытала бы такое чувство, будь я на твоём месте.
Алина. Никто не может быть на моем месте, Марта. Но я... я не испытываю ничего подобного... Бедный мальчик!
Г-жа Вердэ. Спасибо, Алина, это так великодушно, так... Видишь ли, я опасалась, не встанет ли это между нами, и в то же время меня словно что-то вынуждало сказать тебе...
Алина. Вынуждало?
Г-жа Вердэ. С тобой часто говоришь не то, что хочешь... это правда. Октав. Забавный мальчуган! (Возвращается к обеим женщинам: они умолкают.) Отчего вы замолчали?
Г-жа Вердэ. Октав, если бы ты знал!
Алина (тихо). Не надо.
Г-жа Вердэ. Я только что открыла Алине... (Обращаясь к Алине.) А почему бы ему тоже не узнать об этом? Андре... он любит твою невестку.
Октав (вспылив, резко). Что значит – «твою невестку»? Мирей мне не невестка.
Г-жа Вердэ. Ну как же... По существу, это ваше дитя. (Молчание.) Он любит так, как умеет любить – всем сердцем, самозабвенно...
Октав (сурово). И ты считаешь, что это хорошо – выдать тайну несчастного ребенка?
Г-жа Вердэ. Как тебя понять?
Октав. В тот момент, когда ты узна... или, по крайней мере, вообразила... Не скрою, меня это глубоко возмущает.
Г-жа Вердэ. Октав!
Алина. Мы же не чужие.
Октав. Это еще хуже!
Алина. К тому же, я догадывалась.
Октав. Оставим эту тему.
Г-жа Вердэ. Я не узнаю тебя, Октав!
Октав. В конце концов, если наши страхи действительно... да, допустим, что они обоснованны, – неужели ты не отдаешь себе отчета в том, сколь жалко, трагично и смехотворно подобное чувство?
Алина. Напротив, в этом, может быть, спасение?..
Г-жа Вердэ. Спасение?..
Алина. Да, эта любовь может окрасить, может преобразить...
Октав. Это или бред, или просто чудовищно. Я не разрешу тебе заронить в душу Марты хотя бы малейшую надежду.
Г-жа Вердэ. Алина, ты и в самом деле считаешь возможным...
Алина. Какую надежду? Нет, нет, ты меня не так поняла, я не смею предполагать... Но именно для Андре столь глубокое чувство само способно служить поддержкой.
Г-жа Вердэ. Боюсь, ты ошибаешься.
Октав. Она не это хотела сказать; это она сейчас пошла на попятную.
Г-жа Вердэ. Всякий раз, когда он возвращается от вас, он не говорит ни слова, словно его лихорадит, почти не спит...
Октав (Алине). Ты только что пыталась дать понять Марте, что Мирей может, из сострадания или из... Марта, ты меня прости, но это слишком серьезно, и между нами не должно быть недомолвок на этот счет.
Г-жа Вердэ (ее лицо судорожно искажено). Но, Октав...
Октав. Марта, дорогая, ты славная женщина, и ты даже не представляешь себе, во что... страдание, да, именно страдание, – могло превратить такого человека, как Алина...
Г-жа Вердэ. Бог мой!
Алина (с улыбкой). Не обращай внимания...
Октав. Но я, к счастью, пока еще сохраняю ясность ума в том, что касается девочки; и я...

Г-жа Вердэ (поспешно встает). Мне лучше уйти. Алина, проводи меня, пожалуйста, до машины...

Алина (Октаву, вполголоса). Так ты вообразил... жалкий человек! (Уходит с Г-жой Вердэ.)

Октав понемногу успокаивается; он открывает дверь, ведущую в сад, и зовет:

Октав. Мирей!

Мирей (входит). Что, отец?

Октав. Пойдем, милая, надо, чтобы вы наконец поговорили со мной начистоту. Только выйдем отсюда: жена может вернуться с минуты на минуту.

Мирей. Однако эти секреты...

Октав. Это ради вас, Мирей, потому что я опасюсь...

Мирей. Чего?

Октав. Мне показалось... да просто я знаю, что позавчера утром вы беседовали наедине с этим Шантёем.

Мирей. Мы играли в теннис.

Октав. Ивонна видела вас.

Мирей. И что же?

Октав. Если вы... Что вы ему нравитесь, это вне всякого сомнения: цветы, которые он вам прислал, то, как он говорил о вас у Морелей... это слишком очевидно. Так вот, если с вашей стороны... дорогая, я бы не хотел, чтобы вас удерживали какие-либо соображения деликатного свойства... Ну, скажем, мысль, что он придется не по сердцу мне... или моей жене. (Нервное движение Мирей.) Волею обстоятельств вы вошли в нашу семью как наша дочь, но это не основание, чтобы вы были хоть как-то стеснены в вашей свободе. Должно быть, я очень неуклюже выражаю свои мысли, потому что...

Мирей (сухо). То, что вы говорите, направлено против нее. Моей свободе здесь никто не угрожает, вам незачем брать ее под защиту. Молодой человек, о котором вы говорите... чья любовница была здесь еще совсем недавно...

Октав. Кто вам рассказал об этой женщине?

Мирей. Я это узнала... случайно.

Октав. Мне говорили, что он вот уже год как порвал с ней. Вы не ребенок, Мирей, вы знаете, что мужчина, когда женится... насколько я могу судить, Роберу Шантёю не в чем себя упрекнуть.

Мирей. Вы провели расследование?..

Октав. Я справлялся.

Мирей. Из каких побуждений? И чего ради, кого вы защищаете?

Признайтесь же, что это обращено против нее, что вы хотите причинить ей боль. О, что за жестокая игра!

Октав. Это потому, что я хочу вашего счастья.

Мирей. И вы думаете, что я еще в силах вынести счастье?

Октав. Но, Мирей, это не ваши слова.

Мирей. Вы меня терзаете... ах, если бы я могла уехать!

Октав. Уехать?

Мирей. Но у меня не хватит на это духу.

Входят Андре и Алина.

Андре. Мама не сказала мне, что идет к вам.

Алина. Она зашла по пути.

Октав. Это ты? Здравствуй.

Мирей. Здравствуйте, Андре.

Октав. Ну, как дела?

Андре. Мама приходила сообщить вам что-то насчет меня?

Октав. Нет... (Мирей пристально смотрит на него.)

Андре. Может быть, о чем-то попросить? Она всегда говорит мне, куда идет, так что я удивлен. И потом, у нее сейчас было такое выражение лица...

Алина (с чрезмерной поспешностью). У нее мигрень.

Андре. Странно, с ней этого почти никогда не бывает. Мирей, вы виделись с мамой?

Мирей (смущенно). Да... но буквально минуту.
Андре. Почему только минуту?
Мирей (нерешительно). Я... Ивонна уехала в Вильнёв, так что сегодня во второй половине дня я занималась ребенком.
Андре. У всех у вас какой-то смущенный вид.
Мирей. Смущенный?
Алина. Да это смешно, Андре.
Октав. И что тебе приходит в голову!
Андре (подойдя к Алине, вполголоса). Если мама взяла на себя... она не имела права этого делать!
Алина (глядя на Мирей). Полно, Андре...
Андре (Алине). Боже мой, ей все известно!
Октав. Будет тебе, дорогой. Перестань.
Андре. Я не хочу, чтобы вы думали... У меня хватит силы духа... тем более теперь, когда он уезжает.
Мирей (умоляющим тоном). Андре, прошу вас...
Андре (Октаву и Алине). Ведь я угадал? Именно об этом мама приезжала поговорить с вами? Она так ужасно выглядела!.. Господи! Но я клянусь вам, что... эту мысль я отогнал от себя раз и навсегда. (Обращаясь к Мирей.) Вы мне не верите, вы думаете, что с моей стороны это... и теперь я лишусь и того небольшого, что у меня было. Ах, зачем она это сделала! Зачем?!

Мирей (подходя к нему). Андре, я не знала...
Октав. Во всем этом нет ни слова правды.
Алина (Октаву). К чему отрицать?
Мирей (обращаясь к Андре). Но я вам обещаю, что ничего не изменится, что... Прежде всего я уверена, что вы говорите правду.
Андре (счастливый). Мне так мало надо... теперь, когда я узнал, что он уезжает отсюда.
Октав. Кто – «он»?
Мирей. Андре!
Андре. Простите, что я боялся... этого.
Мирей (с болью, вполголоса). В вас нет целомудрия. (Андре пытается взять ее за руку.) Нет, нет, оставьте меня!
Октав. Кто уезжает? Не Шантёй, случайно? (Андре утвердительно кивает головой.) Отчего он уезжает? (Андре смотрит на Мирей, та опустила глаза.) И что тебе за дело до него? Ответь, пожалуйста!
Алина. Октав!
Октав. О, ты...
Андре (проводит рукой по лбу). Не знаю, как я позволил себе так забыть. Это недостойно, это... (Пошатнулся.)
Мирей. Что с вами?
Андре. Ничего, сейчас пройдет...
Алина. Он не может уехать в таком состоянии...
Андре. Я посижу минутку в саду.
Алина. Пойти помочь тебе?
Андре. Нет, спасибо. (Уходит.)
Октав (обращаясь к Мирей). Теперь послушайте меня, Мирей. Мы скрыли от него правду, моя сестра и не думала никогда о... Она приезжала сообщить нам, что бедный мальчик смертельно болен.
Мирей (потрясенная). О!..
Октав. И я полагаю, что моя жена, чтобы не встревожить его, предпочла внушить ему мысль, будто... (Обращаясь к Алине.) Кстати, это было ни к чему, он так разволновался.
Мирей (с испугом). Так он безнадежен?
Октав. Во всяком случае, его мать была сама не своя после того, как побывала у врача. Правда, она всегда была склонна видеть все в худшем свете.
Алина (торжественно). Боюсь, что на этот раз она права.
Октав. Откуда тебе знать?
Мирей. И при этом ему кажется... но это ужасно.
Октав. Его счастье, что до сих пор окружающим удавалось поддерживать в нем иллюзии. Если б он осознал, что над ним нависла такая угроза...
Мирей. Да, но подобное заблуждение унижает человека, роняет его достоинство. Случись подобное со мной...
Октав. Не знаю, хватило бы у него душевной твердости взглянуть правде в глаза. Признаться, я в этом сомневаюсь.
Алина (резко). Ты находишь это великодушным – унижать его в такой момент?
Октав. Просто я вижу его таким, каков он есть.

Мирей. Но, может быть, чуточку жалости...

Октав. Я готов изобразить жалость, но только это может далеко завести. (Понимает, что сказал лишнее. Поспешно меняет тему разговора.) Вы знали, что этот Шантёй уезжает из наших мест?

Мирей (в замешательстве). Нет.

Алина. Откуда же Мирей может знать?

Октав. Он вам в то утро ничего не сказал о своем намерении?

Алина (обращаясь к Мирей). Так вы на днях общались?

Мирей (негромко). Мы играли в теннис позавчера утром.

Алина. Ты мне ничего не говорила.

Мирей (нехотя). Мне даже в голову не пришло... И потом, ты же знаешь, он бывает на корте почти ежедневно.

Октав. Совершенно непонятный отъезд! Он всем говорил, что собирается здесь обосноваться.

Мирей (вновь делая над собой усилие). Может быть, он просто уезжает на несколько дней.

Октав. Нет, судя по тому, что говорил Андре...

Мирей (еле слышно). Да что он знает!..

Алина отходит и садится у стола. Она раскрыла книгу, но не читает ее. Октав смотрит на жену: на ее лице – столь знакомое ему выражение.

Октав. Пойду взгляну, как он там. (Уходит.)

Мирей пребывает некоторое время в растерянности, затем, словно понуждаемая какой-то силой, подходит к Алине.

Мирей: Мама... (Алина не отвечает.) Что ты читаешь?

Алина. Не знаю.

Мирей. Как это – не знаешь?

Алина (откладывая книгу). Не имеет значения. (Продолжительное молчание.) Только что ты впервые причинила мне настоящую боль. (Мирей с тревогой смотрит на Алину, в ее глазах – немой вопрос.) Никогда бы не поверила, что ты способна на...

Мирей. Договаривай.

Алина. Слова – пустое. А то, что ты тщательно скрыла от меня этот разговор... твоя интонация, выражение лица, с каким ты только что произнесла... всего лишь одну фразу: «Мы играли в теннис позавчера утром». Ты попросту пыталась ввести меня в заблуждение.

Мирей. Мама, но я не обязана отчитываться перед тобой.

Алина. Только не произноси этого слова. Оно звучит как насмешка.

Мирей. Значит, у меня были причины умолчать об этом разговоре...

Алина. Ты должна была честно сказать, что не можешь передать мне содержание беседы.

Мирей. И ты бы этим удовлетворилась?

Алина. Вполне.

Мирей. Но в этом случае я не смогла бы остановиться на полпути...

Алина (мягко). Легче солгать.

Мирей. Ты оскорбляешь меня!

Алина. Это, может быть, единственное горе, какое я еще способна ощущать.

Мирей (горячась). А я хочу быть свободной в своих поступках! Одна только мысль о принуждении...

Алина. При чем здесь принуждение?

Мирей. Я ни за что не согласилась бы быть рабой... ничьей, никогда! Если бы я тебе призналась, что отказалась стать его женой...

Алина. Он сделал тебе предложение!

Мирей. Он уезжает, потому что я сказала «нет»... Если бы я тебе это рассказала – меня терзало бы сознание, что я отказала ему, чтобы заслужить твое одобрение. Для меня нестерпима сама эта мысль!

Алина. Дорогая моя...

Мирей. Это так естественно, что я тебе ничего не сказала. Ты не женщина, если не понимаешь этого... не знаю... словно тебе не хватает какого-то

очень важного чувства. О, я это часто замечала... Пойми, я хочу быть свободной – в противном случае я бы презирала себя! Я стала бы ничтожеством; но я бы и тебя возненавидела... Когда меня начинают одолевать подобные мысли, мне хочется уйти и никогда сюда не возвращаться. (Протестующий жест Алины. Обе молчат.)

Алина. Эти дни мне казалось, что ты чем-то удручена.

Мирей. Вечно ты все замечаешь!

Алина. Представь себе, я даже подумала, уж не...

Мирей. Как ужасно это твое стремление во все вникнуть, до всего докопаться!

Алина. Да нет, я как раз ошиблась: ведь в какой-то момент мне стало казаться, что он тебе не совсем безразличен, и я испугалась...

Мирей. В самом деле, что за дикое предположение... (Вдруг вскипая.) Но почему же – «испугалась»? А если бы я все-таки... да, допустим даже, если бы я его полюбила...

Алина. Судя по тому, что мне известно – я полагаю, это было бы несчастьем.

Мирей. Что же тебе известно?

Алина. Благодарение Богу, этого не случилось. Он тебе не нравится – раз ты ему отказала. (Нервное движение Мирей.)

Мирей. Однако ответь я ему согласием, я бы уже не потерпела ни малейшего проявления неодобрения.

Алина. Но тогда я бы приложила все усилия, чтобы скрыть от тебя свое отчаяние.

Мирей. Сомневаюсь, чтобы тебе это удалось. У тебя бы не хватило самообладания.

Алина. Родная моя, ты терзаешь себя напрасно, ведь ничего такого не случилось.

Мирей (вполголоса). Все это просто невыносимо.

Алина (после паузы). Видишь, я была права, когда несколько дней назад умоляла тебя довериться мне.

Мирей. К чему эти слова...

Алина. Однако из всего сказанного тобой я не могу не сделать грустного вывода: жизнь у нас начинает тебя тяготить...

Мирей. Вовсе нет, но только меня потряс этот несправедливый упрек – очень несправедливый! И потом, эта ужасная новость...

Алина. Ты об Андре?

Мирей. Да. (Молчание.) Ты знала о его чувстве?..

Алина. Догадывалась.

Мирей. Бедный Андре! Но почему он держался униженно?.. С вами он не должен был вести себя так!

Алина. Он был уверен, что его мать сообщила нам о его любви к тебе.

Мирей. И все-таки.

Алина. И потом, мне кажется, что в глубине души он себя ни во что не ставит. Причиной тому, возможно, оскорбления, насмешки, которым он подвергался в годы войны.

Мирей. Они должны были, напротив, обострить в нем чувство собственного достоинства.

Алина. Нет, он стыдился того, что не участвует в военных действиях.

Мирей. А мог он отправиться на фронт... если бы хотел?

Алина. Твой дядя мне часто говорил, что в этом случае его пришлось бы отослать в тыл в течение двадцати четырех часов.

Мирей (задумчиво). Да, верно, конечно... Однако такое самоуничтожение в мужчине...

Алина. Но ведь оно искреннее.

Мирей. Не думала я, что ты такого хорошего мнения о нем.

(Уклончивый жест Алины.) Так тетя Марта действительно не намекала на возможность?..

Алина. Она только посвятила меня в тайну Андре.

Мирей (вздрагивает). Но почему она тебе сказала об этом?

Алина. Мне кажется, это было сказано без определенной цели; должно быть, просто потребность излить душу.

Мирей. И потом, не могла же она всерьез думать... Ведь правда?

Алина. Да. (Мирей с беспокойством наблюдает за ней.) Да, разумеется.

Мирей (резко). Как это ужасно!

Алина. О чем ты?

Мирей. Что я не могу знать твоих мыслей.

Алина. Но если я так плохо владею собой...

Мирей (с горечью). О, все еще достаточно!

Алина. Ну подумай, какие у меня могут быть потаенные мысли? Ты меня

спрашиваешь, могла ли моя золовка вынашивать идею насчет... (Мирей болезненно вздрагивает.) Отвечаю тебе: вряд ли.

Мирей. Но ты-то, ты сама!..

Алина. Дорогая, к чему ты клонишь? что это? Зондирование почвы?

Мирей (яростно). Ты что же, и впрямь воображаешь, будто я могу пойти на подобное самоубийство?! Самоубийство! Я настаиваю на этом слове! И это не вселяет в тебя ужас? Ты хладнокровно допускаешь, что я могу выйти за этого полумертвеца... к которому не испытываю ничего, кроме смутной жалости и еще, быть может, презрения?!

Алина. Ну, это уже твой домысел.

Мирей. Как – домысел?

Алина. Речь не шла о моем согласии или неодобрении; ты ведь не спрашивала моего мнения. К тому же совершенно очевидно, что я ни за что на свете не хотела бы каким-то образом повлиять на тебя.

Мирей (глухо). Еще бы...

Алина. Самое большее, что я могла бы сделать, это помочь тебе разобраться в собственной душе.

Мирей (так же). Благодарю.

Алина. Возможно, ты отчасти ошибаешься относительно своих чувств, говоря, что питаешь к Андре лишь...

Мирей. Иными словами, ты хочешь доказать мне, что знаешь меня лучше, чем я сама?..

Алина. Очень может быть.

Мирей (страстно). Ах, будь живы мои родители – они бы не позволили, они бы защитили меня от меня самой!

Алина. От тебя самой? Так значит...

Мирей. Они бы позаботились о моем счастье!

Алина(с болью). Мирей!

Мирей. Прости, но ты... в твоих глазах счастье – это что-то малосущественное. О, я убеждена, что уже никогда не смогу ощутить его вкуса. Но если потом окажется, что я заблуждалась... если потом... Пойми ты это! (Молчание.)

Алина. Ясно одно: раз этот брак (болезненный жест Мирей) кажется тебе самоубийством – значит, вопрос о нем отпадает раз и навсегда.

Мирей(растерянно). Кто может знать?

Алина. Когда я заметила, что ты, пусть на миг, задумалась о счастье – я сказала себе: да, наверное, вот она, истина.

Мирей. Ты все прикидываешь за других, думаешь за них.

Алина. Мне тогда показалось, что для души, подобной твоей, – души, которую страдание закалило, сделало зрелой...

Мирей. Ты это называешь «зрелой»?

Алина. ...«счастье» могло бы быть лишь другим обозначением чего-то иного... скажем, самопожертвования. (Молчание.) Но, возможно, я ошиблась. (Вполголоса.) Ты молода...

Мирей. Я и сама подчас ощущаю что-то похожее... Но только мне хотелось бы быть уверенной, что это не просто... не знаю, как сказать... не просто порыв.

Алина. Ты сомневаешься... Но ты же знаешь: жить – значит отдавать.

Мирей. Достоянна ли я того, чтобы утверждать подобное?.. Да, мне случается думать так: но что если это лишь минутная экзальтация? И потом... вообще – вправе ли я?.. Может быть, если бы я не знала, что это... ненадолго, у меня не возникло бы такой мысли. Но в этом случае... (с содроганием) подумай только, какое это предательство! Вычислить развязку... возможно – как знать! – проявлять нетерпение, если она заставит себя ждать... что за ужас!

Алина (обнимая ее). Эти твои мысли – просто химеры, плод воображения; жизнь развеет их.

Мирей. Жизнь!.. Если бы я по крайней мере была уверена, что эта идея действительно моя, что я ее достойна, наконец...

Алина (вполголоса). Я не подозревала в тебе такой глубины... (Мирей внезапно резко отстраняется от нее.)

Мирей. А может быть, я заразилась... И это – вроде эпидемии? (Наступает длительное молчание.)

Входит Октав.

Октав. Ему лучше, он собирается домой. Но, по-моему, было бы очень неосторожно позволить ему возвращаться пешком. Что, автомобиль на месте?

Алина. Ты же знаешь, Ивонна воспользовалась им для поездки в Вильнёв.

Мирей. Кроме того... прежде чем Андре уйдет... мне нужно сказать ему несколько слов. (Выходит в сад.)

Октав. Это еще что?.. Я требую объяснения. Что здесь произошло? Неужели... Но, какого дьявола! Для этого в ней слишком много нравственного здоровья, здравого смысла... Алина!

Алина. Не могу тебе ничего ответить, это не моя тайна.

Октав. Теперь мне все ясно; но я этого не допущу, нет, нет и нет! (Идет к двери.)

Алина(очень спокойно). Одумайся, Октав.

Октав. Что такое?

Алина. Ты явно не отдаешь себе отчета в том, насколько ревниво Мирей относится к своей независимости.

Октав. И что?

Алина. Достаточно одного неосторожного слова, чтобы ускорить событие, которого ты опасаясь.

Октав. Так она еще не решила?

Алина. Не знаю.

Октав. Это уловка, чтобы заткнуть мне рот!

Алина. Уловка!.. Но, в конце концов, за кого ты меня принимаешь!

Октав. Я не дам тебе этого сделать!

Алина. Ты что, хочешь сказать...

Октав. Ты ее поработила. Да, связала по рукам и ногам.

Алина. Если бы она тебя слышала!

Октав. Она это смутно понимает. Берусь открыть ей глаза.

Алина. Вряд ли она поблагодарит тебя за это. И потом... это неправда. Никто не уважает чужую свободу так, как я.

Октав. Ну, это уже верх всего! ...Нет, ты это серьезно, скажи?!

Алина. Известно ли тебе, что ты кричишь?

Октав. Мне все равно! Если ты думаешь, что я не разгадал твою игру...

Алина. Октав!

Октав. Эта нравственная изоляция Мирей именем...

Алина. Замолчи!

Октав....именем бедного ребенка, который уже не может ничему помешать, не может открыть Мирей глаза на то, что происходит!

Алина. Довольно!

Октав. Эти тиски, в которых ты держишь несчастную девушку, эта тирания под видом нежности... «Мама»... И она тебя называет мамой!

Алина. Прекрати, Октав!

Октав. И вот теперь... о, это самое отвратительное: ты приоткрыла для нее дверь – потому что речь идет об умирающем!

Алина. Ничтожный человек.

Октав (с расстановкой). Потому что речь идет об умирающем. Я только что наблюдал тебя с Мартой. Прежде ты не выносила ее. Но это твое пристрастие к несчастью, к смерти... (глухо) вот что ужасно. Не попадись на пути Мирей этот доходяга, полутруп, – ты бы ни за что не позволила ей строить личную жизнь.

Алина. Неправда, я ей сто раз говорила...

Октав. Это только слова, и ты это прекрасно знаешь.

Алина. Я обещала ей...

Октав. Свое великодушное отношение? Самый верный способ ее закабалить! Надо было требовать, чтобы она соединила свою жизнь со здоровым, крепким парнем. Она рождена жить, любить...

Алина. Итак. Раймон...

Октав. Нет, только не говори, что это – ради твоего сына! Ты это делаешь ради себя, из чувства... О, я не нахожу подходящего слова. Ты воспользовалась ее горем, ее благородством, восхищением, которое она испытывает к тебе... Ты использовала все это, чтобы связать ее; и теперь, когда, может быть, ей мерещится избавление, бегство, – на самом деле это снова ты...

Алина. Боже, как ты красноречив! К сожалению, у тебя есть причины предать все забвению и желать, чтобы все тоже забыли... Но я, я все помню: в этом – мое величайшее преступление, и понятно, что ты меня ненавидишь. Ты ведь меня сейчас ненавидишь, Октав. Иначе ты бы мне не предъявлял подобных... Я – коварна!

Октав. Может быть, это не коварство: может быть, ты сама не отдаешь себе отчет...

Алина(пренебрежительно). Брось, не стоит труда. Я тебя от этого избавляю. Мне остается сказать тебе только одно: людям, подобным тебе, никогда не понять той жажды самопожертвования, жажды абсолюта, какая

владеет Мирей.

Октав. Мирей? Да она любит Шантёя, к твоему сведению!

Алина. Это неправда.

Октав. Могу тебя в этом уверить.

Алина. Но если так, пусть она мне открыто скажет об этом!

Октав. Ты добьешься от нее лишь тех ответов, которые хочешь услышать: повторяю тебе, ты ее поработила.

Алина. Нет, это просто невозможно!

Октав. Ты никогда не узнаешь ее подлинных мыслей: таково извечное возмездие тиранам. К тому же очень может быть, что в твоём присутствии она сама их больше не знает... Ну, а теперь послушай: коль скоро дело дошло до этого... мне остается принять решение. Сегодня вечером я покидаю Франкльё и больше не вернусь.

Внезапно Октав подносит руку к груди. На миг остается неподвижен, на его лице – выражение страдания. Он словно ждет ответа, которого не последовало, – затем быстро выходит. Алина сперва неподвижна, безмолвна; потом, словно отбиваясь от обвинений, брошенных ей Октавом, бормочет ошеломленно, негодуя:

Алина. Коварство... во мне! (Тем не менее в ней растет тревога.) Это неправда, неправда!

Растерянная, Алина падает на колени. В этот момент входит Мирей, очень бледная.

Мирей(почти неслышно). Пришлось ему сказать, что я согласна выйти за него.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Год спустя, в Париже. Ноябрь. Четыре часа дня. Очень светлая гостиная в доме Андре и Мирей. Оба ее окна выходят на балкон.

Мирей вяжет, сидя в кресле; Октав, с пакетом в руках, в пальто.

Мирей. Вам стоит снять пальто, я боюсь, вы простудитесь, выйдя на улицу.

Октав. Спасибо. Я ненадолго.

Анна (входя). Мадам звонила?

Мирей. Анна, пожалуйста, приготовьте грелку для мсье. Я уверена, что он опять вернется с ледяными ногами. И можно опустить жалюзи, уже почти вечер.

Анна. Хорошо, мадам. (Уходит.)

Октав. Что вы вяжете с таким усердием?

Мирей. Пинетки для детей моего патроната.

Октав (неприязненно). Ах да, ваш патронат!

Мирей. Именно. В следующем месяце мы организуем распродажу; я рассчитываю на вашу щедрость.

Октав. Вы же знаете, что мне совсем не по душе филантропия у молодых женщин. Это – добродетель стариков. Святоши, сестры милосердия, с которыми вы имеете дело в патронате...

Мирей (очень серьезно). Я люблю монахинь.

Октав. Еще бы, не сомневаюсь! Достаточно поглядеть на жизнь, которую вы здесь ведете...

Мирей. Вы непременно хотите причинить мне боль?

Октав. никоим образом.

Мирей. К тому же, вероятно, вам это было бы нелегко. Помните – я прежде была обидчива, горячилась по любому поводу? Теперь со мной такого не случается.

Октав. Тем хуже.

Мирей. Это говорит о том, что я нашла свой путь.

Октав (отсутствующим тоном). Да, да...

Мирей. Обрела душевный покой.

Октав. Дорогая, я вам принес брошюру, она вышла сегодня утром.

Мирей (взволнованно). Ах! Наша книга!

Октав. О нет, не надо говорить: «наша». Это было хорошо для тех дней. (Мирей хочет развернуть пакет.) Нет, нет, после, когда я уйду. Но только прошу вас об одном: не показывайте ему.

Мирей. Вы об Андре?

Октав. Для него это пустой звук. Прежде всего он там не был, его это не может интересовать. И потом, возможно, он станет делать замечания. Словом, не знаю. Решено, не правда ли?

Мирей. Как вам угодно. Хотя...

Октав. Я полагаюсь на вас. Ну, вот и все. Теперь я могу готовиться к сборам с легким сердцем.

Мирей. Отец!

Октав. Дорогая, не надо больше называть меня так. (Помолчав.) А что, ее вы по-прежнему зовете мамой? Впрочем, это не мое дело.

Мирей. Я не могу видеть вас в состоянии такой... безнадежности.

Октав. Не нужно громких слов, прошу вас. Как по-вашему, на каком основании я еще должен держаться за жизнь?

Мирей (запинаясь). Ивонна... (Октав пожимает плечами.) Внук...

Октав. Жако. Да, первое время я пытался... я полагал... Но он не в нас... не в меня. Он будет торговать автомобилями, как его отец, – вот увидите. Конечно, мне следовало бы обзавестись новыми привычками. Но, знаете ли, это трудно в моем возрасте. И представить себе невозможно, до чего трудно. Например, читать. Не брошюрку, время от времени, а читать, изо дня в день.

Мирей (ласково). Это утомительно для глаз.

Октав. Несколько минут спустя я ловлю себя на том, что уже не вдумываюсь в текст. Но вот что любопытно... Послушайте, Мирей, если бы у вас был мальчуган, возможно, это бы меня... а? ...Представьте себе, месяца полтора назад я вообразил, будто нечто такое намечается. (Мирей вздрагивает.) Сам не знаю, с чего я это взял. (Молчание.) Ну, а как он?

Мирей (с несколько деланным воодушевлением). Когда я в последний раз говорила с лечащим врачом, тот был настроен безусловно оптимистично. Он сказал, что при соблюдении осторожности, щадящем режиме можно рассчитывать на существенное улучшение. К тому же Андре в последнее время значительно лучше выглядит.

Октав. Вот как?

Мирей. Не будь у вас предубеждения, вы бы и сами это заметили.

Октав. У меня нет ни малейшего предубеждения.

Мирей (горячась). Вам непременно хочется, чтобы все здесь шло хуже, чем идет. Поскольку вы мечтали о бог весть каком немислимом счастье для меня – да, немислимом! – вы теперь не можете смириться с тем, что я нашла, чем удовлетворить свою душу.

Октав. Опять вы – о вашей душе!..

Мирей. И тем не менее это правда. Я живу теперь, зная, что другой нуждается во мне. Не так давно меня поразила фраза... не помню уже в какой книге: «Достичь подлинной жизни можно лишь возвысившись над самим собой». Разве вы не чувствуете, как эти слова прекрасны, как они верны!

Октав (сухо). Не люблю цитат.

Входит Андре. В руках у него телеграмма; он немного запыхался.

Мирей (с упреком). Ты поднялся пешком!

Андре. Здравствуй, дядя Октав.

Октав (холодно). Здравствуй.

Мирей. Что это за телеграмма?

Андре (протягивая телеграмму Мирей). Мне ее только что вручили.

(чуть понизив голос.) От тети Алины.

Октав (не расслышав). Что?

Андре (говорит громче, с чувством неловкости). Это.. от тети Алины.

Октав (холодно). Она что, приехала?

Андре. Сегодня утром.

Октав. У нее все в порядке?

Мирей (отсутствующим тоном). Мы полагаем.

Андре. Она будет к обеду.

Октав (встает). Ну а я уйду.

Андре (робко). Послушай, дядя Октав...

Октав. Что такое?

Андре. Нам чрезвычайно больно...

Мирей. Не надо, Андре...

Андре. Чувствовать, что между тетей Алиной и тобой...

Октав. Что?

Андре. ...все еще существует... это недоразумение.

Октав. Нет никакого недоразумения. Не было никогда.

Андре. Тебе не кажется, что при наличии доброй воли с одной и с другой стороны...

Октав. А как же!

Андре. ...при искреннем желании понять друг друга...

Октав. Вот именно.

Андре. Ужасно, в вашем возрасте...

Октав (его прорвало). Не суйся не в свое дело, договорились?

Андре. Если бы мы могли содействовать... Мирей, разве я не прав?

Мирей (без всякого выражения). Да, конечно... Когда вы нас навестите?

Октав. Зайду на днях... Ах нет, ведь она теперь здесь...

Мирей. Дайте нам телеграмму – или позвоните.

Октав. Гм! Я – и телефон... Ну, в общем, посмотрим. Только – слышишь, Андре? – больше ни слова на эту тему. Впрочем, тут разговор недолгий.

Малейший намек – и ноги моей у вас больше не будет.

Андре. До чего ты упрям, дядя!

Мирей. Андре!

Октав (с трудом сдерживаясь). До свидания. (Уходит.)

Андре. Удивляюсь, что ты меня не поддержала.

Мирей (меняя тему). Я велела приготовить для тебя теплый табурет.

Каждый раз приходится повторять распоряжения.

Андре. Не стоит об этом беспокоиться. Отчего ты мне не отвечаешь?

Мирей. Если хочешь, чтобы я высказалась совершенно откровенно, – так вот, я считаю, что ты был нескромен.

Андре. При чем здесь скромность?

Мирей. Нам не следует играть роль арбитров...

Андре. Да никто не говорит об этом.

Мирей. ...ни даже вмешиваться каким бы то ни было образом.

Андре. Я – другого мнения. Когда я думаю об одиночестве тети Алины... ну, вообрази себя на ее месте.

Мирей. Это очень трудно. (Молчание.) Хорошо, что мы можем еще немного побыть вместе, в тишине, до ее прихода.

Андре. Почитать тебе?

Мирей. Нет, нет... просто побудь возле меня, дай мне руку.

Андре. Я видел – на улице Виктора Гюго продается подержанный Гаво, по доступной цене... Ты не хотела бы зайти, попробовать инструмент?

Мирей (ласково). Спасибо, дорогой. Я тебе уже говорила, я не скучаю без музыки. (Молчание.)

Андре. Ты грустна.

Мирей (без выражения). Нет, ничуть.

Андре. Я все время боюсь, что ты сердиться на меня за то, что случилось.

Мирей. Что за ребячество.

Андре. Ты об этом сказала дяде Октаву?

Мирей. Нет.

Андре (с жаром). И правильно. Мне не хотелось бы, чтобы он знал о наших разочарованиях.

Мирей. Я с тобой согласна.

Андре. А тетя Алина в курсе?

Мирей. Но она и не знала, что у нас были основания надеяться.

Андре (тихо). Я ей писал об этом.

Мирей. Как же так, без моего ведома...

Андре. Но к чему делать тайну из вещи столь простой и прекрасной? Я понимал, какая это будет для нее радость, – и у меня до сих пор не хватает духу сказать ей... Она словно подстерегает любое счастливое для нас событие.

Мирей. Ты это очень верно заметил. Но именно такого рода активность я совершенно не приемлю в людях.

Андре (с упреком). «В людях»! И ты говоришь так, когда речь идет о тете Алине!

Мирей. Ну брось, это смешно.

Андре (с горечью). Странно, подчас у меня складывается впечатление, что твои чувства к ней уже не те, что прежде.

Мирей. Да нет; а если бы и так...

Андре. Для меня это было бы настоящим горем.

Мирей. Но почему?

Андре. Видишь, ты уже не отрицаешь этого... Между тетей Алиной и мной, я чувствую это, существует некая внутренняя связь.

Мирей (выразительно). По сути так оно и есть.

Андре. Каким тоном ты это произнесла!..

Мирей. Послушай, ты меня начинаешь пугать.

Андре. Но тетя Алина играет в нашей жизни огромную роль.

Мирей. О да, мне это известно.

Андре. Тебе это покажется странным, но я бы даже сказал – большую, чем мама.

Мирей (со вздохом). Вероятно, ты прав.

Андре. Прежде всего, она так нуждается в нас... ведь только мы с тобой и есть у нее на свете.

Мирей. Но то же самое можно сказать и о ее муже.

Андре. Нет. Во-первых, он гораздо менее чувствителен. В нем нет душевной тонкости... Ты не находишь? А я-то думал, что тебя обрадует встреча с ней!

Мирей. Разумеется, я рада, но только...

Андре. Что?

Мирей. Тетя Алина... никогда не знаешь наверняка, с чем она придет.

Андре. По-моему, нет человека более постоянного.

Мирей. С ее появлением... достаточно ощутить ее рядом, и тебя уже словно подменили... на все начинаешь смотреть другими глазами.

Андре (с тревогой). Что ты хочешь этим сказать?

Мирей. Да не важно.

Андре. Понимаешь, я хотел бы быть для нее... в какой-то мере – сыном, которого она потеряла. Разве я не прав? Я очень явственно ощутил, что она приняла меня. Как тебе кажется?

Мирей (со скрытой иронией). Да, я согласна с тобой; у меня сразу же сложилось такое впечатление.

Стучат.

Андре. Что это? (Идет к дверям.) Как, тетя Алина, это ты? Мы не слышали, как тебе открыли.

Возвращается с Алиной.

Алина. Дети мои! (Целует их.)

Мирей (машинально). Мама!

Алина. Мне кажется, прошло столько времени!

Андре. Да, верно...

Алина. Прежде всего дайте на вас взглянуть. (Обращаясь к Андре.) Ты как будто немножко пополнил за эти три месяца?

Андре. Я чувствую себя вполне здоровым.

Алина(порывисто). Как я рада!

Мирей. Вполне здоровым! Не будем преувеличивать. Впрочем, в последнее время он лучше выглядит.

Алина. А ты, дорогая? (Внимательно ее изучает.) Ты не...

Мирей. Кажется, Андре тебе написал...

Алина(в крайнем волнении). Так что же, это была ошибка?

Андре(как бы извиняясь). Нам пришлось пережить разочарование.

Алина. Что... несчастный случай?

Мирей. Пожалуй, слишком громко сказано.

Алина(голосом, сдавленным от волнения). Что произошло?

Мирей(с растущим раздражением). Не стоит делать из этого трагедию.

Андре. Мы пошли на обед к родственникам на улице Ассомпсьон.

Алина(осуждающе). Выйти вечером!..

Мирей. На обратном пути Андре пожаловался на легкую усталость. В этом квартале вечером трудно найти машину. Проехало свободное такси; мне пришлось пробежать немного, чтобы остановить его.

Алина. Нельзя было идти туда!

Мирей. Но сидеть взаперти тоже невозможно... Кроме того, я не люблю, когда Андре выходит без меня; мне беспокойно, если он далеко. Накануне с ним чуть не случился обморок... я об этом услышала от других.

Алина. Я в полнейшем отчаянии... (К Андре.) Если бы ты знал, какую я испытала радость, получив твое письмо!

Андре. Естественно!

Мирей. Это лишний раз доказывает, что никогда нельзя спешить с такого рода новостями.

Алина. А я уже строила столько планов!

Мирей. Это всегда неосмотрительно.

Андре. Но, в конце концов, через несколько месяцев..

Алина. Будем надеяться. Но только прошу тебя, дорогая, будь благоразумна!

Андре. Она собирается завтра вернуться к своему патронажу. Рановато!

Алина. У тебя – патронаж?

Мирей. Надо же мне как-то разнообразить свою жизнь.

Андре. Наверняка тетя Алина смотрит на это так же, как и я.

Мирей (сухо). Что ж, очень сожалею. (Молчание.)

Алина. Я ведь до сих пор не видела вашей квартиры.

Мирей. Мы еще не устроились окончательно.

Андре. Но уже сейчас можно судить о ее достоинствах.

Алина. Не ожидала, что здесь такая большая гостиная. Правда, когда у вас будет фортепьяно...

Мирей. У нас его не будет.

Алина. Отчего?

Мирей. Андре не любит музыку. К тому же я сама настолько отвыкла...

Алина. Мне кажется, очень жаль забрасывать...

Мирей(с горечью). Жаль? Кому? Играть только для себя... Да и когда мне упражняться?

Алина. Но находишь же ты время для патронажа!

Мирей. Это совсем другое, там я нужна.

Алина (обращаясь к Андре). Вообще-то я ее понимаю.

Андре. Да, это в твоём духе. (Глядя на Мирей.) Тетя Алина находит совершенно естественным, что человек служит чему-то. Я вспоминаю, что Раймон не раз говорил: «Удивляюсь – мама из тех людей, кто любит несчастных». И добавлял: «Ну а я их боюсь!» (Молчание.)

Мирей(подавляя раздражение). Ну а что нового там?

Алина. Да ничего такого, о чем стоило бы рассказывать.

Андре. У Морелей все в порядке?

Алина. Я полагаю. Мы не поддерживаем отношений, должна тебе сказать.

Андре. А тот молодой человек, который так тебя раздражал?

Алина (с чувством неловкости). Я не знаю, кого ты имеешь в виду.

Андре. Шантёй. Что он сейчас делает?

Алина. Но ведь...

Андре. Что?

Алина молчит.

Андре. С ним что-то случилось?

Алина. Вы не читаете газет?..

Мирей. А что, им занимаются газеты?

Алина (очень тихо). ...Автомобильная катастрофа.

Андре. Что?!

Алина. Он попал в аварию.

Андре. И?.. (Движение Алины.) Он умер?

Алина. Да.

Андре. Бедняга! (Поворачивается к Мирей. Ее лицо неподвижно.) Ты

слышала?

Мирей. Печально.

Андре. Должно быть, несся, как сумасшедший.

Мирей (у нее вырывается). Да откуда тебе знать!

Андре. У него всегда был вид сорви головы.

Алина (нерешительно). Я не уверена, что он сам был за рулем.

Андре. А что, были еще жертвы?

Алина. Она была тяжело ранена.

Андре. Она?..

Алина. Женщина... которая была с ним.

Андре. А, его любовница. (Молчание.)

Мирей (овладев собой). Ты нам ничего не рассказываешь о себе, о своих планах. (Проводит рукой по лбу.) В последние дни у меня легкая мигрень.

Андре. Дать тебе таблетку?

Мирей. Нет, спасибо.

Андре (Алине). Я ходил смотреть квартиру на улице Удино.

Алина. Я ее не сниму, нет.

Андре. Тем лучше, она производит мрачное впечатление.

Алина. Я поищу семейный пансион.

Андре. Да ну!.. Ты же не переносишь шума, суеты.

Алина. Буду спускаться только к обеду.

Андре. Но что это за жизнь!

Мирей. Многие приспособляются.

Андре. Ну а до тех пор?

Алина. Побуду в «Лютеции».

Андре (взволнованно). Ни в коем случае, мы этого не допустим. Здесь есть совершенно свободная комната... Нет, нет, не возражай. Я сейчас велю приготовить белье и распорядюсь, чтобы из «Лютеции» забрали твои вещи.

Алина (обращаясь к Андре, направившемуся к двери). Полно, Андре, это же смешно. (Дверь за Андре закрылась.) Мирей, дорогая, скажи мне: этот несчастный случай... Как ужасно! Для меня невыносима мысль о постигшей вас неудаче... Ну, а как он? Он так бледен.

Мирей. При условии, что он побережется...

Алина. Да, да, боже мой, только бы... (Замолкает.)

Мирей (с мрачной иронией). Только бы у нас хватило времени занять другого. (Молчание. Мирей смотрит на Алину с ненавистью. Та не замечает.)

Алина. Когда я звонила к вам, только что, – ты не представляешь себе, с какой тревогой...

Мирей. Да, знаю, знаю.

Алина. Временами меня так пугает мысль... что ты, может быть, несчастлива.

Мирей (сухо). Андре очень добр... он нежно любит меня. У меня – жизнь, которую я выбрала... (С неожиданной запальчивостью.) Которую я сама выбрала.

Алина (непроизвольно). Ты уверена?

Мирей. Я запрещаю тебе сомневаться в этом!

Алина (вздрагнув, словно от удара). Боже мой!..

Мирей (голос ее постепенно заглушают рыдания). Если я решилась выйти за Андре, то это потому, что я знала... знала, что кругом меня ждут одни разочарования, горечь... потому, что у меня не оставалось ни сил, ни желаний – слышишь, ни желаний! – искать счастья, наслаждений любви. Все, что мне было нужно, – это разрядка, мир в душе. И он у меня есть... есть... (Слезы душат ее.)

Алина. Ты плачешь!.. плачешь! Ты обманываешь себя. (Протестующий жест Мирей.) Моя девочка! Так это правда! Это по моей вине. И может быть, этот бедный Шантэй...

Мирей (поддаваясь порыву ярости). Чего ты добиваешься, каких признаний ты ждешь от меня?! О, твоё раскаяние так же терзает душу, как и твоя тирания!.. (Почти кричит.) Я ненавижу тебя!

Входит Андре.

Андре. Ну вот, я распорядился. (Озадаченно смотрит на обеих.) Что случилось?

Алина. Это мы по поводу вашей неудачи.

Андре (с растущей тревогой). Но, в конце концов, это же не самое

страшное!

Алина. Ну, разумеется.

Андре. Ведь это не то же, как если бы мы потеряли ребенка! И потом, перед нами еще целая жизнь.

Алина (с деланным воодушевлением). Да, конечно же, вся жизнь впереди!

Андре (смотрит на нее – и внезапно словно подается назад. К Мирей.) Не так ли, дорогая?

Мирей. Нет, нет, довольно слов... пожалуйста, оставьте меня в покое. Я больше не могу, я не выдержу больше!..

Садится к камину и смотрит на огонь. Немой диалог между Андре и Алиной; последняя тихо выходит, сделав Андре знак остаться.

Андре(подавленно, сам с собой). Целая жизнь!

Подходит к Мирей, опускается на колени и внимательно смотрит на нее.

Мирей. Я просила, чтобы меня оставили в покое.

Андре. Чего-то я не понимаю. Ты разговариваешь не так, как всегда.

Мирей. Я тебя предупреждала.

Андре. Но ведь это не из-за тети Алины? Она совсем не изменилась.

Мирей (с горечью). Это верно. (Резко.) Послушай, ты только что предложил ей пожить с нами...

Андре. Ненадолго.

Мирей. Хотя бы и ненадолго. Я категорически против.

Андре. Но почему? (Молчание.) Почему, Мирей?

Мирей. Бесплезно объяснять. Ты не поймешь.

Андре (настойчиво). Я хочу понять. В конце концов, ты же не станешь отрицать, что мы ей очень многим обязаны.

Мирей (с горячностью). Это неправда! Мы ей не обязаны ничем. Очевидно одно: с ее появлением жизнь здесь делается невыносимой.

Андре (с дрожью в голосе). Как?.. Так ты что-то имеешь против нее?

Мирей (спохватившись). Нет... Но это человек, который не способен отойти на задний план... это мешает жить.

Андре. Ты упрекаешь ее в том, что она слишком сильная личность?

Мирей. Пусть так.

Андре. Сильнее, чем ты?

Мирей. Возможно.

Андре. Но это не очень-то красиво с твоей стороны.

Мирей. Согласна, я – мелочна.

Андре. И почему ты так меняешься в ее присутствии? Минуту назад... уверяю тебя, можно было подумать, что ты несчастна... и что ты меня не любишь. Или это правда?

Мирей. Андре!

Андре(упавшим голосом). Скажи: быть может, это правда?

Мирей. Ты с ума сошел. Нет... только, видишь ли, уж очень она боится за нас, боится, что что-то у нас вдруг сложится не наилучшим образом.

Андре. Это потому, что она нас любит!

Мирей. Она чересчур откровенно желает нашего счастья.

Андре. И ты упрекаешь ее в этом? Чудовищно.

Мирей. У нее слишком веские причины его желать.

Андре. Как это понять?

Мирей (сдерживаясь). Подумай, до чего же это все-таки странно. Всего час как она здесь, – и вот мы впервые за все время нашего брака разговариваем друг с другом в таком тоне. Словно она не может помешать себе разрушать... не поступками, а одним своим присутствием. Я думаю, она слишком много страдала – и вот...

Андре. Ты мне не ответила. Почему у нее есть веские причины желать?..

Мирей. Не придавай слишком большого значения случайным словам.

Андре (мягко). Вот сейчас ты говоришь неправду.

Мирей. Но пойми наконец, если бы оказалось, что мы не... если б все у нас сложилось плохо, возможно, она стала бы корить себя.

Андре. Отчего? В чем ее вина?

Мирей. Я не говорю, что здесь была бы ее вина – но она была бы склонна так считать.

Андре. Не понимаю.

Мирей. Что поделаешь... (Молчание.)

Алина (из-за двери, нерешительно). Можно войти?

Андре. Входи, тетя Алина. Ты нам нужна!

Мирей. Боже мой...

Алина (входит. Видно, что она плакала; говорит глухим голосом.)

Дети, выслушайте меня не прерывая, хорошо? Я подумала. Если вы уговорите меня остаться с вами хотя бы на несколько дней, может быть, мы после пожалеем об этом. Возможно, это будет означать конец чего-то, что связывает нас троих.

Андре (резко). Почему?

Алина (растерянно). Но...

Андре. Так поведение Мирей не является для тебя неожиданностью?

Алина (слабым голосом). Какое поведение?

Андре. О, какими взглядами вы обменялись!

Алина (запинаясь). Видишь ли, я вызываю у Мирей слишком много горестных воспоминаний; ей надо жить, отрешившись от прошлого.

Андре. Это что-то новое!

Мирей (изменившимся голосом). Ты словно добиваешься ссоры, хочешь, чтобы мы высказали друг другу все.

Андре (с тревогой). Так в вас накопилось столько взаимных обид? Но ведь прежде... Можно подумать, что с тех пор произошло что-то, чего Мирей не может тебе простить. А ты, ты как будто и сама не уверена... (Внезапно.) Тетя Алина, ты что, очень настаивала, чтобы Мирей вышла за меня замуж?

Мирей (опустив глаза). Да нет.

Алина. Я думала, вы будете счастливы.

Андре. Мы счастливы. (Мирей утвердительно кивает головой.) Все отлично! (Нарочито приподнято.) Перед нами – жизнь, исполненная радости... конечно, если не произойдет какого-то несчастья, катастрофы, – как, например, с Шантеем.

Алина (невольно). К чему говорить о Шантее!

Андре. А почему не говорить о Шантее?

Мирей (взрываясь). Мама, скажи, ты вернулась сюда, чтобы окончательно все разрушить? Ты боишься, как бы тут не уцелело еще чуть-чуть жизни?... Только, ради бога, не надо этого взгляда жертвы! С тобой – страшно: мало того, что ты надрываешь людям душу, – ты еще умудряешься вынудить их просить у тебя прощения!

Андре (в отчаянии). Мирей, скажи: Шантэй... значит, ты так его любила?

Мирей. Не знаю... Оставь меня... я не знаю.

Алина. Прощайте.

Мирей. Брось! Ты думаешь, я не понимаю тебя. Ты все рассчитала наперед: мою слабость, мое раскаяние...

Алина. Прощай. Я не в обиде на тебя. (Уходит.)

Андре погружен в мрачное раздумье. Мирей тихо подходит к мужу, кладет ему руки на лоб.

Мирей (голос ее дрожит). Но ведь, в конце концов... все будет, как до сих пор. Для нас ничего не изменилось...

Андре (с заметной иронией). Действительно.

Мирей. Ты сам убедишься со временем.

Андре. Время. Для этого понадобится время. Понадобилось бы время... (Невольное движение Мирей. Внезапно.) Скажи: не будь я болен, ты бы вышла за меня?

Мирей. Полно, Андре!

Андре. Ты мне ответила. Благодарю тебя.

Мирей. Ты не понимаешь.

Андре. Да нет, я как раз начинаю понимать. Ведь я обречен?

Мирей (с жаром). Ты будешь жить, я сберегу тебя, и даже... (Что-то шепчет ему на ухо.)

Андре (печально). Будем надеяться... Ах, я это сказал совсем как она.

Мирей, ты в самом деле считаешь ее злой?

Мирей. Нет. Это несчастный человек. (Молчание.)

Андре. Она сказала: «прощайте».

Мирей (встревоженно). Ты уверен, что она так сказала? Но ведь не могла же у нее возникнуть мысль о... как ты думаешь? Это же невозможно!

Андре. Однако...

Мирей. А ведь она столько перенесла... В самом деле, что ее удержит? Она не верующая. ...Но если она... Андре, если она что-то с собой сделает... (говорит, как потерянная) жизнь станет невозможна. Необходимо во что бы то ни стало... (Мирей направляется к секретеру, лихорадочно что-то ищет.)

Андре. Что ты ищешь?

Мирей (в ее голосе – подавленность, покорность). Номер телефона «Лютеции».

Занавес

ЗАВТРАШНЯЯ ЖЕРТВА
(Le Mort de demain)

Пьеса в трех действиях. Написана в 1919 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ноэль Фрамон

Антуан, брат Ноэля

Моника, сестра Ноэля

Г-жа Фрамон, их мать

Жанна, жена Ноэля

Розина де Мюрсэ

Андре, Пьер, сыновья Ноэля и Жанны

Горничная

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Осень 1916 года. Провинциальный город. В доме мадам Фрамон. Четыре часа дня; лампа уже зажжена. Жанна перечитывает письма, сидя в углу у камина.

Моника (входя). Вы совсем одна?

Жанна. Да. Дети вышли погулять с дядей.

Моника. Они обожают Антуана.

Жанна. Это так понятно; ваш брат исключительно хорош с ними.

Моника. Антуан всегда любил детей. Помню, еще задолго до женитьбы... Если бы бедняжка Тереза оставила ему ребенка...

Жанна. Да, оказаться совсем одному... в тридцать девять лет. И он ничем не выдает, как ему тяжело.

Моника. Это верно. Он очень много берет на себя.

Жанна. И делает это так просто...

Моника. А ведь надо признать, что самое страшное в каком-то смысле случилось еще раньше.

Жанна. До смерти Терезы?

Моника. Да... конечно: когда он узнал, что она обречена.

Жанна. Вы думаете, у него не оставалось никакой надежды?

Моника. Никакой.

Жанна. А как... она?

Моника. Увы! Бедная, милая девочка... Она надеялась до последней минуты. И вот... когда она поняла, что это – конец, последовал такой взрыв отчаяния, что я не в силах вспоминать об этом даже сейчас, четыре года спустя.

Жанна. Так она совсем не была к этому подготовлена?

Моника. Видите ли, Жанна, моя золовка не была набожной... Едва ли даже она была верующей. В этом – одна из причин, почему мама и я с трудом согласились на этот брак. Мы словно предчувствовали...

Жанна. Я не совсем это имела в виду.

Моника. Тогда я вас не понимаю.

Жанна. Это так ужасно – дать судьбе застигнуть тебя врасплох. Для меня подобная мысль нестерпима.

Моника. И все же, очевидно, лучше, что у Терезы оставались какие-то иллюзии. Иначе – вообразите себе, чем был бы для нее этот последний год...

Жанна. Я была едва знакома с вашей золовкой. Но знаю точно: сама мысль, что, будь я на ее месте, я могла бы так страшно обманываться на собственный счет, для меня невероятно унизительна. И потом... Но, повторяю, я не знала вашу золовку, так что сужу лишь по себе...

Моника. Вы остановились на полуслове.

Жанна... Я думаю о ней и о ее муже, об этом страшном умолчании между ними: он, который знал, и она – не подозревавшая ни о чем.

Моника. Она знала, что больна.

Жанна. Но она не знала, что обречена... Такая двусмысленность ее положения мне кажется ужасной. В конечном счете он обошелся с ней как с малым ребенком. (Молчание.)

Моника. Вы перечитывали... письма Ноэля?

Жанна. Да. Прежние письма.

Моника. И вы сжигали их?

Жанна. Да. Некоторые.

Моника (с волнением). Но почему?

Жанна. Чтобы не было искушения когда-нибудь вернуться к ним.

Моника. У меня не хватило бы на это мужества.

Жанна. Я их сжигаю, потому что знаю, что лишена мужества: иначе зачем было бы это делать?... (Помолчав.) Моника, Ноэль вам часто писал?

Моника. До вашего брака мы фактически не разлучались. Ну а потом... Вас не удивит, если я скажу, что Ноэль был для нас с мамой весьма посредственным корреспондентом. Его письма с фронта...

Жанна. Не употребляйте это ужасное выражение: «письма с фронта» – поневоле представляешь себе публикации.

Моника. Почему вы спросили, часто ли мой брат писал нам?

Жанна. Меня интересует все, что связано с ним; я хотела бы увидеть письма, которые он адресовал своим друзьям, и переписать их.

Моника. И однако вы, не колеблясь, сжигаете некоторые из тех, что он писал вам самой... Должно быть, это какие-нибудь малозначащие записки?

Жанна. Так вы думаете, я уничтожаю их оттого, что не дорожу ими? Те, что я сжигаю – самые бесценные для меня, я не могу их перечитывать без того, чтобы... Как мало вы меня знаете, Моника!

Моника. Но, Жанна...

Жанна. К тому же, увy, я их помню наизусть... (Моника удивленно смотрит на нее.)

Входит Антуан.

Жанна. Добрый день, Антуан. А где дети?

Антуан. Мы встретили мадам Летурнёр, она просила отпустить их попоудничать с Симоном и Адриенной. Мы договорились, что я зайду за ними.

Жанна (Антуану). Вы – идеальная бонна!

Антуан. Конечно... А знаете, в чем я убедился? У Андре – истинное

призвание к музыке.

Жанна. Это уже что-то новое. Вчера вы то же самое утверждали относительно естествознания.

Антуан. Смейтесь сколько угодно. Но факт, что он узнал мотив военного марша, который в свое время напевал денщик Ноэля.

Жанна. Ну, в этом еще нет ничего необыкновенного. Подождем радоваться.

Антуан. Я в его возрасте не был способен на такое!

Моника. Отсюда еще ничего не следует. Ты и музыка имели между собой так мало общего.

Жанна. Это удивительно. Как подумаю о Ноэле... (повернувшись к Монике) или о вас...

Антуан. Особенно о ней.

Жанна (с живостью). Ноэль невероятно музыкален. Будь у него учителя получше, он бы многого достиг.

Антуан. Скажите, не слышно чего-либо нового об отпусках?

Жанна. Нет, ничего. И потом... Я уже не верю в эти увольнения.

Моника. Но отпуска возобновлены, Жанна.

Антуан. И Ноэль должен быть одним из первых.

Жанна. И снова уступит свою очередь, как в прошлый раз.

Антуан. Не думаю. Дважды такое не повторяют.

Моника. Мне иногда кажется, что Жанна почти боится этой побывки. Да и понятно: после нее жизнь начинает казаться ужасающе пустой, а пока существует перспектива...

Жанна (изменившимся голосом). Не говорите мне о перспективе, Моника. Есть лишь одна перспектива... Вы знаете, какая. По крайней мере для меня, пока длится весь этот ужас, не может быть другой. И даже когда все кончится – если это время еще застанет нас в живых, – даже когда они вернутся, страх не ослабеет. Этот медленно действующий отравляющий газ...

Антуан. Жанна, прошу вас... вы не имеете права так безоглядно предаваться отчаянию!

Жанна. Это не отчаяние, уверяю вас.

Антуан. Как же вы будете жить, если позволяете этой страшной мысли одолевать вас!

Моника. Жанна, вы знаете, что он прав...

Жанна. Вы не понимаете... вам кажется, что я поддаюсь каким-то кошмарным наваждениям. Это не так. Просто... я знаю, чего я не хочу, не допущу. И этого не будет.

Входит г-жа Фрамон.

Г-жа Фрамон. Что-то случилось, Жанна?

Жанна. Ничего, мама.

Г-жа Фрамон. Мне кажется, вы не слишком благоразумны. Вы не выходите из дому – а надо бы пользоваться последними теплыми днями! Ноэль нас не похвалит за ваш вид. Не забывайте, что мы в ответе за вас с тех пор, как вы живете с нами.

Жанна. Не стоит говорить об этом, я чувствую себя хорошо.

Г-жа Фрамон. Да и любое занятие вне дома было бы для вас лучше, чем проводить все дни у камина. Сегодня утром прибыла большая колонна тяжелораненых.

Моника. Откуда они? После Соммы?

Г-жа Фрамон. Думаю, что да. Почему бы вам не предложить свою помощь? Помимо того, что вы были бы полезны...

Жанна. Нет, нет, не требуйте от меня этого... Они, наверное, с ранениями лица?

Г-жа Фрамон. Да, с тех пор как у нас появился специалист, ученик Морестена, к нам действительно присылают много таких раненых.

Жанна. Вот увечья, к которым я никак не могу привыкнуть...

Г-жа Фрамон. Вы правы, бывают ужасающие раны. Но вас могли бы использовать в бельевой.

Жанна (резко). Не надо, прошу вас. Я не пойду... Когда будут служить заупокойную мессу по убитым 422-го полка?

Моника. В воскресенье, в восемь, в церкви Сен-Клеман. Вы пойдете?

Жанна. Возможно.

Г-жа Фрамон: Это хорошо... Скажите, Жанна: ходят слухи – у меня не хватает духа это повторить, – что отпуска как будто опять откладываются... Ну

да ведь столько чего говорят!

Жанна. Я только что сказала вашим: я уже не рассчитываю ни на что. (Нервно стискивает руки.)

Г-жа Фрамон. Бедная моя... Слушай, Моника, я ведь зашла еще и вот по какому поводу: нам надо в пять быть у Леони.

Моника. Да, верно. На обратном пути мы могли бы забрать детей от мадам Летурнёр. Тогда Антуану не понадобится выходить.

Г-жа Фрамон (Антуану). Вот и хорошо. Сегодня такой туман. Сырой воздух вреден тебе.

Выходит вместе с Моникой.

Антуан. Жанна, милая, вы надрываете мне душу... и я боюсь за вас. Жанна. Не понимаю, почему.

Антуан. Эта растущая мания... Утром я смотрел на вас во время завтрака. Если бы вы могли взглянуть на себя со стороны! Вы даете загипнотизировать себя самым страшным призракам.

Жанна. Это не так. Вот только мысль, что Ноэль может вернуться обезображенным, как этот несчастный, – ну, вы знаете, тот, что живет рядом, на улице Винь-Руж... да, мне еще не удалось с ней свыкнуться. Я пытаюсь... но пока еще не могу. Вероятно, потому что знаю, что все будет совсем иначе.

Антуан. Нет, друг мой, ведь вы ничего не знаете!.. Мне остается только предположить, что вы имели безрассудство обратиться к какой-то прорицательнице.

Жанна. Нет, клянусь вам, ничего подобного я не делала. Когда я говорю, что знаю... я имею в виду нечто куда более простое... и ужасное.

Антуан. Что-то вроде интуиции?

Жанна. Если хотите. Я не нахожу подходящего слова. Скорее это уверенность, овладевшая мной однажды – не могу сказать, в какой именно день. Заверяю вас, ее источник – не во мне, она пришла откуда-то извне.

Антуан. Но это иллюзия, образ, ставший неотвязным только в силу ужаса, который он вам внушает. Подобно головокружению при страхе высоты. Вдумайтесь, Жанна: это именно головокружение. Страшно, потому что притягивает... Это болезнь, и надо хотеть вылечиться от нее.

Жанна. Нет. И даже не будь у меня такой уверенности, достаточно самой возможности несчастья, чтобы мысль о нем меня больше не покидала. Я так устроена, Антуан. Видите ли... мне всегда казалось, что принимать в расчет следует только худшее, именно потому, что оно – худшее.

Антуан. Я не понимаю вас. К тому же, вы ведь верующая.

Жанна. Мне случается сомневаться в этом... С самого детства я страшно боялась неожиданностей, связанных с потусторонним миром; возможно, именно этот терроризирующий страх и составляет основу моей религии. Вспоминаю день, когда наш лицейский преподаватель говорил нам о пари Паскаля: и в каких ребяческих выражениях, с какими «мудрыми» светскими комментариями!.. Я вернулась потрясенная; я не могла ни пить, ни есть...

Антуан. И все-таки прежде я не замечал в вас этой одержимости худшим. Помнится, перед последним отъездом Ноэля...

Жанна. Верно, пока он болел, я безумно надеялась, что он уже не попадет на фронт; но с тех пор, повторяю, у меня больше нет иллюзий. Ноэль не вернется... Я не имею в виду увольнение, которым вы так стараетесь меня отвлечь. Я не это зову возвращением; это – передышка, не более того.

Антуан. До чего же вы несправедливы по отношению к жизни! Вы не знаете цену настоящему, каждому его мгновению.

Жанна. Да. Для меня мгновение – ничто. Не существует счастливых мгновений. Единственное счастье, которое я признаю, – это счастье, у которого есть будущее. Знать, что сейчас – только начало, что все еще впереди, что его будет все больше; вот это называется быть счастливым. Тот, кто познал такое счастье, не может довольствоваться крохами.

Антуан. Я не уверен, что вы правы. Видите ли, в былые дни... Жанна, я ведь вам не часто говорил о своем прошлом: оно – словно тяжкая ноша, которая мне почти не под силу... В те долгие мучительные месяцы, что мы провели с женой за городом, – вы не представляете себе, с какой благодарностью я принимал такие просветы: а это были просто дни, когда она не страдала. Обрести в мгновении бесконечность, ощущать его неповторимое дыхание, не думая ни о чем... Вряд ли в этом можно видеть лишь заурядное благоразумие, недалёковидность ума...

Жанна. Как бы то ни было, для меня такое невозможно... О нет, быть

вынужденной внушать себе: наслаждайся, радуйся, потому что завтра этого не будет, – значило бы чувствовать себя раздавленной безжалостной судьбой; нет, лучше презирать эти жалкие проблески, эти подачки... (Помолчав.) Я, кажется, причинила вам боль...

Антуан. Мне приходится ворошить самые тяжелые воспоминания. Если бы вы лучше знали Терезу... Вы ее видели уже больной. Но прежде, первые два года... эта молодость, эта щедрость в искусстве наслаждаться... самые неприметные мелочи способны были наполнить ее душу радостью: прогулка, обед за городом, цветы, купленные у зеленщицы, – ей этого хватало сполна; никаких тревог по поводу завтрашнего дня. Она была совершенно не похожа на тех детей, которые, выслушав сказку, забрасывают тебя вопросами: «А потом? Что потом?» Услышанным она удовлетворялась вполне.

Жанна. Так, по-вашему... это дар?

Антуан. Несомненно. Более того, быть может, это единственное, что не конечно в человеке.

Жанна (с горечью). Ваши слова не могут обмануть мое сердце... и ваше тоже. К тому же... я сильнее, чем вы думаете. Как выразилась на днях разносчица хлеба: я свою жертву принесла уже давно. Другие, чтобы испить чашу до дна, ждут полного краха, завершения трагедии. Я же предпочла, чтобы это было сделано еще при его жизни.

Антуан. Жанна!

Жанна. Да, я, кажется, привыкаю говорить о Нозле в прошедшем времени. Видите ли, я слишком живу воспоминаниями... В течение этих двух месяцев я делала все то, на что позже у меня скорее всего не хватит мужества. Разбирала письма... кое-что написала. Не смотрите на меня такими глазами, Антуан; под этим взглядом силы оставляют меня. Понимаете, я не скрываю от себя, что это будет ужасно. Про горе не знаешь, не лишит ли оно тебя рассудка. Надо действовать, пока ты еще на это способен. Приводить в порядок. Не только это (показывает на письма). И мысли тоже.

Появляется Розина.

Розина. Как поживаете, дорогая? Я не могла, проходя мимо вашего дома, не заглянуть на секундочку, чтобы справиться о вас и о капитане. От него что-нибудь есть?

Жанна. У мужа все в порядке, благодарю вас.

Розина. Вы скоро ждете его в отпуск?

Антуан. Брат может быть здесь с минуты на минуту.

Розина. Вот счастливец! Муж мне пишет, что на нем столько обязанностей, и чтобы его не ждали раньше чем через полтора месяца.

Антуан. Господин де Мюрсе по-прежнему в штабе 171-го?

Розина. Да. Несчастные штабные! Подумать только, сколько злословят на их счет! Но, вы знаете, без них все бы остановилось. Конечно, я прекрасно понимаю, что мой муж рискует меньше, чем ваш, Жанна, – хотя не следует ничего преувеличивать. Он выходит на передовую чаще, чем от него требуется, чтобы ознакомиться с ситуацией на боевых участках. Слава богу, он осторожен. Но что меня положительно беспокоит, так это его бессонница. Представляете, три ночи подряд он вообще не сомкнул глаз! Что поделаешь... но, согласитесь, это ужасно.

Жанна. Безусловно.

Розина. Заметьте, я полностью отдаю себе отчет в том, что мое положение – не из худших. (Жанне.) Что и говорить, на вашем месте я сошла бы с ума! Но вы тем не менее – вы шикарно выглядите.

Жанна. Спасибо.

Розина. Когда он вернется, надо будет его пожурить. Отчего бы ему не... нет, я, конечно, не говорю – окопаться в тылу, но вот, между прочим, требуются офицеры для отправки в Румынию, в Россию. Я понимаю, возникнут большие трудности с перепиской. Но, в конце концов, это же совсем не то, что сидеть с утра до ночи в траншеях! Кругом одна грязь – подумать только! Еще Робер говорил мне в свой последний приезд: «Опасность – это ладно... но грязь!» Надобно сказать, что и для офицеров кавалерии все обстоит не лучшим образом. Мой молоденький кузен из Люрвиля – он из драгун – очутился в траншее на какой-то ферме... и вот результат: ребенок был – сплошной энтузиазм, огонь! – теперь с этим покончено... Понятно, нельзя под одну гребенку! Скажем, такой парень, как ваш муж; я ведь его знаю достаточно давно – вы, конечно, в курсе, что он был моим первым партнером по танцам, – и могу говорить с уверенностью: страшно подумать, что ему приходится воевать таким вот образом! Недаром на днях генерал Русселье сказал о нем: «Он по темпераменту настоящий кадровый офицер...»

Жанна. Это очень лестно.

Розина. Все словно нарочно делается для того, чтобы лишить их стойкости! Если так будет продолжаться и дальше, – нравственный дух в войсках продержится недолго. Отовсюду мне пишут...

Жанна. Но мне муж никогда не писал ничего подобного.

Розина. Он видит только свой боевой участок или вообще только свою роту. И при своей потрясающей храбрости выделяет все, что ему вздумается. Но помяните мое слово, если положение вещей не изменится – быть грандиозному скандалу. Генерал Русселье – а он, заметьте, не последний человек в армии – сказал, что ему абсолютно непонятно, что там, на Сомме, делается. Ведь очевидно, что можно было бы прорвать оборону десять раз, если б захотели.

Антуан. Так отчего же не хотят, как вы думаете, сударыня?

Розина. Да вечно та же история: политика, кругом политика! Вы же понимаете, в таком деле потери неизбежны; так что опасаются интерpellации, поднимется буча в Палате депутатов... Прискорбно – но это так! Куда мы идем? Впрочем, если вы обратили внимание, на днях монсеньер Бонанфан высказался совершенно недвусмысленно, упомянув о крови мучеников... Как любит говорить генерал Русселье, не разбив яиц, омлета не приготовишь!

Жанна. И часто вы видите генерала Русселье?

Розина. Вообразите себе, это поистине офицер старой закваски! Я без ума от таких людей; а как он восхитителен на коне! Как-нибудь я вам расскажу историю его отставки – это тоже нашумевший в свое время скандал... Вообще-то все было очень просто: к нему приклепали, прошу извинить за выражение, части территориальной армии, которые тут же начали отступать... вину, конечно же, возложили на него; и, представьте себе, был среди этих территориальных депутат, звали его то ли Турто, то ли Тортю... нет, как-то иначе, который при первом же пушечном выстреле заорал: «Мы угодили в Г..., спасайся кто может!» И этот-то подлец, который, разумеется, на фронте не пробыл и недели, вернувшись в Палату, сразу же настроил донос на генерала. Нет, вы только подумайте! Когда слышишь такое... Я всегда была убежденной республиканкой, к тому же, вы ведь знаете, и мой папа был республиканец; но в конце концов начинаешь понимать королевских молодчиков. Депутаты все окопались в тылу... То, что происходит в штабах, – ужасно: разумеется, я говорю не о штабах пехотных дивизий и не о штабах передовой, – нет, о штабах армейских корпусов, армий! Робер утверждает, что их следовало бы всех послать на передовую пинком в... Робер, как известно, не стесняется в выражениях, и я считаю, что он абсолютно прав. Но я заболталась... Так вот, пожалуйста, не забудьте передать вашему мужу, чтобы он непременно зашел ко мне на чашечку чая. С вами, разумеется. И потом, скажите ему, что со времени отъезда он не написал мне даже открытки и что я считаю его вероломным другом. Ну, счастливо, до встречи! (Убегает.)

Жанна (миролюбивым тоном). Я полагаю, вам известно, что эта женщина была любовницей Ноэля до нашего брака.

Антуан. Что вы такое говорите...

Жанна. Не делайте вид, будто вы не в курсе этого приключения; не может быть, чтобы вам о нем не рассказывали. К тому же я ведь не склонна преувеличивать значение этого эпизода.

Антуан. Ноэль делал вам подобное признание?

Жанна. Во всяком случае, мне это ясно.

Антуан. Клянусь вам...

Жанна. Я пришла к такому убеждению в последнее время, перечитывая старые письма и припоминая некоторые забытые детали. И у меня нет полной уверенности, что окончательный разрыв между ними не произошел уже после того, как мы поженились, – а с этим мне было бы труднее примириться. Хотя, повторяю вам, Антуан, я не воспринимаю этот эпизод драматически.

Антуан. Но даже будь ваши предположения обоснованными...

Жанна (глядя ему в лицо). Так у вас нет причин согласиться с ними?

Антуан. Никаких.

Жанна. Хочу вам верить. Мы с Ноэлем действительно долго шли к взаимопониманию и, собственно, только после рождения Андре...

Антуан. Зачем вы все это мне рассказываете?

Жанна. Не знаю... Не могу этого не делать. И потом, вы все-таки должны мне помочь лучше во всем разобраться, если можете... Удивительно, есть определенный вид ревности, который долгое время после замужества оставался мне неведом. Выходя за Ноэля, я ни секунды не сомневалась в том, что до встречи со мной у него были женщины, но эта мысль меня несколько не волновала. Когда мы поженились, я испытывала странное чувство... ну, вы помните, каким был в то время Ноэль: чувственный, грубоватый, полный жизни... Я решила тогда, что мне удастся одухотворить эту натуру, и что прошлое не в счет. Возможно, оттого, что я наблюдала вблизи интимную жизнь моего брата,

я не склонна была принимать многие развлечения слишком всерьез. Я думала: когда он полюбит меня по-настоящему, все будет иначе. Как видите, я была права. В верности Ноэля в течение этих лет невозможно усомниться.

Антуан. Но тогда зачем ворошить смутное прошлое?

Жанна. Я делаю это, потому что хочу понять... Я хочу читать его жизнь, как свою собственную, вспоминать о ней, как о собственной.

Антуан (с иронией). И вы это называете упорядочением ваших мыслей?

Жанна. Возможно... По крайней мере, когда падет ночь, когда между нами будет лишь вечное молчание, мне послужит сладостным утешением думать, что вся эта жизнь, полностью, без остатка, открыта мне, что в ней нет ни малейшей тени или тайны...

Антуан (с горячностью). Жанна, я вам скажу, что за этим стоит на самом деле. Для вас Ноэль – уже мертвец, не более... даже не тот, кто ушел из жизни, но кого постоянно ощущаешь рядом, с кем продолжаешь общение – а отсутствующий «третий», о ком задаются вопросы, высказываются суждения.

Жанна. «Третий»... когда мое сердце полно им, когда у меня нет иного желания, кроме как слить с его душой свою! О! как вы несправедливы... Если бы вам довелось прочесть (указывает рукой на камин) эти уничтоженные огнем письма, может быть, вы бы скорее меня поняли и не позволили себе кощунства. (Она готова разрыдаться.)

Антуан. Простите...

Жанна. Нет, в вас нет ко мне жалости. Не притворяйтесь. И потом, моя ли вина, что я обладаю столь страшным преимуществом...

Антуан. Только что казалось, что вся ваша воля страстно устремлена на то, чтобы все предвидеть и приготовиться к худшему, – а сейчас вы говорите о каком-то фатальном свойстве вашей природы.

Жанна. Воля и фатальность – это одно и то же. Антуан, что станется со мной, когда у меня не будет никого, кроме вас, – если вы меня не понимаете... Очевидно, исток моего бесконечного доверия к вам – в вашей загубленной жизни. Те, кто все потерял, наделены особой способностью понимать, присущей только им. По крайней мере, мне так казалось. Видимо, я ошиблась – раз вы меня обвиняете.

Те же и Моника.

Моника. Жанна, я сейчас вернусь с детьми.

Жанна. Пойду взгляну, как они там. (Выходит.)

Моника вопросительно смотрит на брата.

Антуан (вполголоса). Жанна очень тревожит меня.

Моника. Вы все это время проговорили?..

Антуан. Наш разговор был прерван визитом Розины.

Моника. И что она рассказывала?

Антуан. Я не способен это передать. Вот уж действительно сорока...

Моника. Антуан, отчего Жанна рвет письма Ноэля? Какая жена могла бы так поступать? В какие-то минуты я убеждаюсь в правильности моих первых впечатлений о ней, восемь лет назад... и меня мучает вопрос...

Антуан. Не продолжай. Ты ведь никогда не была справедлива к Жанне.

Моника. Она думает только о себе.

Антуан. Она страдает.

Моника. Эгоистически.

Антуан. Страдать – это уже немало. Посмотри вокруг – как легко многие ко всему относятся и как быстро утешаются.

Моника. Часто требуется хоть малая толика внимания к другим, а у нее этого нет совершенно. Внимание по отношению к маме, и даже – к Ноэлю. Ну, взять хотя бы какие-то мелочи, которыми его можно порадовать: ведь об этом всегда думаем только мы с мамой. Он просил вязаные фуфайки для своих людей – сделала она хоть что-нибудь?.. Даже ее отношение к детям оставляет желать лучшего. Она почти не занимается ими: за столом, глядишь, один оставляет еду на тарелке, другой ест неопрятно...

Антуан. Моника, милая, это все мелочи. Чтобы понять Жанну, нужно представить себе тех несчастных, у которых все, вся их жизнь словно

сконцентрировалась вокруг надвигающихся бед, тяжелых недугов.

Моника. Тебе кажется, что она больна?

Антуан. Есть нравственные недуги... Между телом и душой существует почти полная аналогия. С душой, которой не хватает пищи, может случиться что угодно.

Моника. Ты слишком терпелив, слишком добр, как всегда.

Антуан. С ней я только что разговаривал иначе, но думаю, что был не прав. Достаточно тебе начать ее обвинять, как я ощущаю прилив невероятной жалости к ней.

Моника. Не знаю, у меня ее рассуждения не вызывают сочувствия.

Антуан. Те, кто постоянно говорят о своих страданиях, – они, по-моему, и есть самые уязвимые.

Моника. Когда я страдаю, я не рассуждаю по этому поводу... Но верно, Жанна всегда была спорщицей. Помнишь, как в первые месяцы своего замужества она доводила до отчаяния нашего бедного папу. Очень хотелось бы знать, какова она с Ноэлем, когда они остаются наедине.

Антуан. До чего же ты, однако...

Моника. Нежна ли она с ним, по крайней мере? А ее письма... мне кажется, они такие короткие.

Антуан. Ну ладно, довольно.

Моника. Кстати, по-моему, ты и сам в глубине души не вполне ей доверяешь. Ты хотя бы поделился с ней своими планами?

Антуан. При чем здесь это?

Моника. Вы оставались одни, был такой удобный случай, и ты ничего не сказал!

Антуан. Подожди, я еще не принял окончательного решения.

Моника. Меня поражает, что ты все еще колеблешься. Девушка влюблена, это для тебя единственный шанс устроить заново свою жизнь.

Антуан. Бывают минуты, когда я чувствую себя таким старым...

Моника. Что за глупости!

Антуан. Мадемуазель Гребо – совсем дитя.

Моника. Вчера у тебя был вид человека, полностью решившегося; не понимаю, как можно быть таким непостоянным в своих намерениях.

Антуан. Что поделаешь...

Моника. Я поневоле задаюсь вопросом, не вызваны ли твои колебания разговором с Жанной...

Антуан. Но, повторяю, она ведь ничего не знает! Впрочем, признаюсь, что два-три слова, сказанных ею, смутили меня.

Моника. Вот видишь!

Антуан. Ей и в голову не приходит, что я могу думать об устройстве своей жизни заново.

Моника. Вечно – этот чудовищный эгоизм; говорю тебе, она думает только о себе.

Антуан. Нет, Моника, возможно, здесь совсем другое... И потом, она видит, что я нездоров, не годен к военной службе...

Моника. Брось. Ты мобилизован – здесь, в тылу, но мобилизован.

Антуан (продолжая свою мысль). И она, наверное, права. Когда проходишь через то, через что прошел я... Ведь вспомни: Тереза, чувствуя, что дни ее сочтены, ни словом не обмолвилась о том, что я свободен. Очевидно, мысль, что я мог бы жениться снова, была для нее невыносима...

Моника. Ты отлично знаешь, что у нее не было времени на подобные размышления.

Антуан. Я не хочу на этом спекулировать... Вдобавок, такая мысль не требует длительного вызревания.

Моника. Смотря у кого. И потом, даже если эта мысль была для нее тягостна, ничто не давало ей права сковывать тебя подобным образом.

Антуан. Как ты можешь говорить такое!

Моника. Достаточно вспомнить о твоём образе жизни после ее кончины... о твоём заточении! Разве ты не вправе желать вкусить хоть немного радостей?

Антуан. Слова из романа!..

Моника. А что, эта крошка, Элен, она тоже ни на что не имеет права?

Антуан. Она молода, ей понравятся другие... Во всяком случае я подожду с решением до конца войны.

Моника. Но ты с ума сошел. Кто знает, сколько еще продлится война!

Антуан. Ты боишься, как бы Элен Гребо не передумала? Ну что тут поделаешь (жест сожаления).

Моника. Что ты за странный человек! Но, конечно, если ты не дорожишь ею...

Антуан. Моника, если бы я не дорожил ею, как ты говоришь – вообще ни о чем бы речи не было... Ты же знаешь, ведь она гораздо богаче меня.

Моника. И дальше что?

Антуан. К тому же ее отец может захотеть, чтобы я взял на себя управление заводом в Жироманьи, где дела идут неважно, тогда как здесь господин Бейяр вполне обойдется без меня.

Моника. Все это отговорки.

Антуан. Нет, здесь я ему действительно не так нужен. Он без труда найдет другого управляющего. А вот если понадобится переезжать в Жироманьи...

Моника. Ты этого опасаться из-за мамы?

Антуан. Нет, Моника, это не из-за мамы... просто... если несчастье случится... и Ноэль не вернется... Моника, надо все предусмотреть. Подумай о бедной Жанне, о детях; ведь даже материально их положение будет очень шатким. Но это еще ничего, хотя не может не тревожить. Моника, согласись, она так будет нуждаться в душевной поддержке, помощи.

Моника. Полно, перестань, Антуан...

Антуан. У меня сердце разрывается при мысли, что около них не будет никого, кто бы...

Моника. Послушай, даже если предположить эту ужасную вещь, которую я и в мыслях не хочу допустить...

Антуан. Увы, ее нельзя исключить.

Моника. ...так рядом с ней будем мы.

Антуан. Да, конечно, мама, ты; но для нее... Будем откровенны, здесь потребуется некто вроде опекуна, и только я мог бы взять на себя эту роль. Но если я буду далеко... к тому же я чувствую, что, женившись, утрачу всякое влияние на Жанну. Одно из великих достоинств ее натуры – быть может, именно эта непреклонность.

Моника. И в этом же – один из ее бесчисленных недостатков. Послушай, Антуан, для меня невыносимо подобное опережение событий...

Антуан. Согласен с тобой, это невероятно мучительно...

Моника. Мы должны жить настоящим.

Антуан. Именно это я только что говорил Жанне; но не знаю, имеем ли мы право так жить.

Моника. Антуан, дорогой, твоя щепетильность, совесть погубят тебя. У тебя сейчас... был повод говорить с Жанной на эту тему?

Антуан (подчеркнуто серьезно). Жанна одержима мыслью, что Ноэль не вернется.

Г-жа Фрамон (входя). Как хорошо дома! Антуан, представь себе, я только что встретила господина Гребо. Мы немного поговорили; должна тебе сказать, он явно удивлен, что ты все еще не делаешь Элен предложения.

Антуан. Он тебе это сказал?

Г-жа Фрамон. Почти что. Я, разумеется, сделала вид, что не понимаю, о чем речь, но минуту спустя заметила, что ты наверняка на днях попросишь о встрече с ним.

Антуан. Послушай, мама... ты поступила довольно неосмотрительно. Я только что говорил Монике: мне необходимо сперва разобраться в себе самом.

Г-жа Фрамон. Не могу тебя понять. Столько времени!.. Моника, ты согласна со мной?

Моника. Абсолютно.

Г-жа Фрамон. Достаточно видеть вас вместе, чтобы не осталось сомнений относительно ваших взаимных чувств. Господин Гребо человек мнительный, недоверчивый; эти долгие колебания могут его задеть.

Моника. Я говорила Антуану то же самое.

Входит Жанна. У нее усталый вид.

Жанна. Как дети расшумелись! У меня раскалывается голова. Так всегда, после того как они побывают в гостях. Они очень возбуждаются...

Г-жа Фрамон. Я убеждена, что и Жанна согласится со мной.

Моника (вполголоса матери). Жанна не в курсе.

Г-жа Фрамон. Но ведь не может быть, чтобы она не замечала происходящего!

Антуан (нервно). Мама, публичное обсуждение моих дел мне было бы крайне неприятно.

Г-жа Фрамон. Публичное! Жанна – не посторонняя.

Жанна. Что случилось?

Антуан. Да ничего, просто не можем прийти к единому мнению по поводу одного малосущественного вопроса.

Г-жа Фрамон. Ты это называешь малосущественным вопросом! В этом доме все теперь вверх дном. Жанна, дорогая, рассудите нас...

Антуан(с упреком). Мама!..

Г-жа Фрамон. Ухожу, ухожу. (Выходит, хлопнув дверью.)

Жанна. Что-то мать нервничает в последнее время.

Моника. Она так переживает из-за Ноэля!

Жанна. И все-таки я не убеждена, что у нее достаточно четкое представление об опасностях, которым он подвергается. Вчера она мне сказала: «К счастью, Ноэль – офицер». Как будто капитан не рискует в десять раз больше, чем простой солдат!

Антуан. Это преувеличение...

Жанна. Он подает пример другим; и в атаке он... да достаточно посмотреть вокруг! (Помолчав.) Мне сейчас бросилось в глаза, что вы что-то стараетесь от меня скрыть. Впрочем, я нахожу совершенно естественным, что вы мне говорите не все... Только не нужно лжи во спасение. Особенно когда дело касается Ноэля... Для меня это невыносимо.

Моника. Уверю вас, Жанна, Ноэль здесь ни при чем; да и скрывать нечего. (Поворачивается к Антуану.) Верно ведь?

Антуан. Абсолютно нечего.

Жанна. Повторяю, я ни о чем не спрашиваю.

Моника. Позже вы будете удивлены, почему такая вещь держалась от вас в секрете.

Антуан (после паузы). Вы знаете мадемуазель Гребо?

Жанна. Элен Гребо?

Антуан. Да.

Моника. Мой брат и она почти помолвлены.

Антуан. Моника, ты ведь знаешь, что это не так.

Моника. Напомнить тебе, что ты мне говорил вчера вечером?

Жанна. По-моему, девушка очаровательна; сейчас я припоминаю, что у меня создалось очень отчетливое впечатление, что вы ей нравитесь.

Антуан. Более чем вероятно, что этот брак не состоится.

Жанна. Но почему вы мне об этом не сказали, если не далее как вчера...

Моника. Вы не всегда бываете настроены благожелательно; возможно, Антуан опасался вашего слишком сурового суждения.

Жанна. Неужели я так нетерпима? (Молчание.)

Г-жа Фрамон (зовет за дверью). Моника! Мне нужно кое-что тебе сказать. Тебе одной.

Моника. Эти сцены маме действительно ни к чему, надо стараться их избегать. (Выходит.)

Жанна и Антуан долго молчат; наконец Жанна решается прервать неловкую паузу.

Жанна. Однако же не было нужды вызывать меня на разговор о вашей загубленной жизни. (Растерянный жест Антуана.) Зачем же сейчас колебаться? По-моему, самая разумная партия. К тому же, этого страстно хочется вашей матери.

Антуан. Аргумент не самый убедительный.

Жанна. Вы любите эту девушку?

Антуан. Да.

Жанна. Так в чем же дело? (Молчание.) Я не понимаю.

Антуан. Вы действительно не понимаете?

Жанна. Уверю вас.

Антуан. Жанна, но если болезнь, разрушающая вас... что, если она заразна?

Снова воцаряется тягостное молчание. Оба погружены в свои мысли. Слышен шум подъехавшего автомобиля, затем – детский крик: «Папа! Это папа!»

Жанна. Как!.. Но это... (идет к двери и падает на руки Ноэля, входящего в сопровождении детей). Мой дорогой... Ты!.. (Слезы душат ее.)

Ноэль. Любовь моя!

Жанна. Это... это выше моих сил... (Не может продолжать.)

Ноэль (Антуану). Здорово, старина.

В эту минуту входят г-жа Фрамон и Моника; шум, гул голосов.

Ноэль. Я узнал об этом в последний момент.
Моника. Мы бы встретили тебя на вокзале!
Г-жа Фрамон. Ты ел что-нибудь?
Ноэль. Успокойся, ел до отвала!
Г-жа Фрамон. Правда, мы сейчас будем обедать.
Моника. Ну, не совсем сейчас.
Ноэль (указывая на маленького Пьера). Этот – знаешь, я бы его не узнал! А ты – ну-ка покажись... (Усаживает Андре к себе на колени.)
Андре (показывая на военный крест на груди у отца). Папа, что это?
Моника. Как!..
Г-жа Фрамон. Жанна, посмотрите! У него – орден!
Моника. Отчего же ты скрыл от нас?..
Ноэль. Думал позабавить вас таким сюрпризом.
Моника. Замечательно! А текст приказа? Ну, ты нам потом зачитаешь.
Андре. Папа, у меня тоже есть боевой крест! Я сбегал за ним.
Г-жа Фрамон. После, после. Ну, расскажи же немного! Когда ты выехал?
Антуан. Прежде всего, где вы располагались?
Моника. Что за странное обыкновение – никогда не сообщать, где ты находишься. Никто так не делает!
Антуан. Но он совершенно прав.
Ноэль. Мы были в резерве во Фрамервиле.
Моника (торжествующе). Вот видите! Я всегда говорила, что они не на передовой.
Жанна. Я и не спорила.
Моника. Давно вы там?
Ноэль. Дней пятнадцать. До этого мы были в другом месте – в Розьер.
Антуан. И что ты думаешь о Сомме, каково там положение?
Ноэль. Я знаю об этом не больше вашего. Если верить тем, кто выходит из траншей, я бы сказал, что дела идут плохо. Но что они там видят? (Пьеру.) А ну-ка, перестань обшаривать мои карманы!
Моника. Тебе известно, что с вами дальше собираются делать?
Ноэль. Не имею ни малейшего представления: на войне ведь живешь сегодняшним днем. В настоящий момент мы вполне прилично расквартированы; я ночую в постели доброй старой женщины, она мне как мать.
Г-жа Фрамон. Что же она делает, бог мой?
Ноэль. Она мне готовит лакомства, буквально закармливает. Да это видно по мне!
Моника. Правда, ты хорошо выглядишь.
Ноэль. То есть я никогда не был в такой отменной форме.
Г-жа Фрамон. Вы не согласны, Жанна?
Жанна (неподвижная, с потерянными видом). Да, наверное..
Ноэль. Я взвесился на вокзале д'Орсэ: за два месяца прибавил четыре кило! Пожалуй, даже, за этим надо будет последить.
Андре. Папа, я тебе покажу свой аэроплан.
Г-жа Фрамон. Аэроплан. Потом, попозже.
Андре. Нет, сейчас!
Г-жа Фрамон (делает большие глаза). Андре, что это значит? Если бабушка говорит!..
Моника. Детям пора обедать.
Андре. Папа, ты еще придешь проведать нас вечером?
Ноэль. Конечно, конечно.

Взяв детей за руки, Моника уводит их из комнаты.

Г-жа Фрамон. А говорили, что отпуска снова откладываются на неопределенное время.
Ноэль. Их еще только возобновляют!
Г-жа Фрамон. Да, верно. Знаешь, у Тайяндье – новости. Люсиль разводится.
Ноэль. Ну, подумай.

Г-жа Фрамон. И, конечно, все вокруг шокированы: он производил совсем другое впечатление!

Антуан. Послушай, мама, оставим Ноэля и Жанну вдвоем... К тому же, Ноэль, ты, наверное, хотел бы немного привести себя в порядок к обеду.

Г-жа Фрамон. К сожалению, о ванне не может быть и речи; колонка неисправна.

Ноэль. Я поднимусь через минутку. Но полный туалет я совершил в поезде перед прибытием.

Антуан. Пойдем, оставим их. (Уходит с матерью.)

Ноэль. Так как?.. (Жанна идет к мужу, останавливается, берет его руки в свои, смотрит на него.) Ты не говоришь ни слова.

Жанна (еле слышно). Я не в силах.

Ноэль. Ты еще не пришла в себя: все было слишком внезапно! Я телеграфировал из Крея, – но я знал, что депеша запоздает.

Жанна. Не говори ничего. Побудь возле меня, вот так...

Ноэль. Бедное мое сокровище, мне кажется, ты выглядишь не блестяще, – тебе это известно?

Жанна. Уверяю тебя, я прекрасно себя чувствую.

Ноэль. Я видел по твоим письмам, что не все в порядке. Пустячные письма, ни о чем.

Жанна. Не надо на меня сердиться.

Ноэль. Никаких подробностей. Только о детях: несварение у Андре, вспышки раздражительности у Пьера; ты знаешь, этого мало! О себе – ни слова.

Жанна. Не о чем было.

Ноэль. Я даже начал думать, не скрываешь ли ты чего-нибудь... может быть, заболевания.

Жанна. Нет.

Ноэль. Там, у нас, письма – это почти все.

Жанна. Прости.

Ноэль. Однако это вовсе не значит, что все это время мы терпели лишения.

Жанна (изменившимся голосом). Ты едва не погиб двадцать шестого...

Ноэль. Я?..

Жанна. Нет смысла обманывать. Котье мне все рассказал.

Ноэль. Что за осел! Я ему дам такую взбучку...

Жанна. Но я предпочитаю знать.

Ноэль. А я хочу иметь возможность говорить только то, что считаю нужным.

Жанна. Как же ты хочешь, чтобы я верила тебе после этого?

Ноэль. Но ты же видишь, голубка моя, вот я опять выпутался, и то же будет и в следующий раз! А пока – я полон решимости (понижает голос) сделать очаровательную сестренку нашим мальчуганам. Когда я сказал тебе, что я в форме... (шепчет ей на ухо).

Жанна (отпрянув). Нет, нет... я не хочу, я больше не могу!.. (Бурно рыдает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На следующее утро. Там же. Ноэль сидит, погруженный в свои мысли. Входит Г-жа Фрамон.

Г-жа Фрамон. Ты завтракал?

Ноэль (нервно). Да.

Г-жа Фрамон. Никак не думала, что ты сегодня окажешься столь ранней пташкой!

Ноэль (тем же тоном). Мама, прошу тебя...

Г-жа Фрамон. А где Жанна?

Ноэль (сухо). Жанна не готова.

Г-жа Фрамон. Послушай, Ноэль, раз ты здесь, я хотела бы сказать тебе пару слов по поводу твоего брата. Помнишь, я тебе писала.

Ноэль. Это насчет младшей Гребо?

Г-жа Фрамон. Он никак не может решиться.

Ноэль. Но, в конце концов, это касается только его.

Г-жа Фрамон. Сама малютка, которая мне нравится необычайно, без ума от него.

Ноэль. Ну, уж в это ты едва ли заставишь меня поверить. Антуан не из тех, к кому можно воспылать страстью.

Г-жа Фрамон. Почему ты так думаешь?

Ноэль (устало). Ладно, допустим.

Г-жа Фрамон. Притом он находит ее прелестной.

Ноэль. Тогда в чем дело?

Г-жа Фрамон. Вот это-то и непонятно: может быть, в нем говорит щепетильность. Ведь ее отец очень состоятелен.

Ноэль. Ну нет, это уже в стиле романов Октава Фёйе... Хорошо, я с ним поговорю.

Г-жа Фрамон. Ты явно не в духе.

Ноэль. Я ужасно плохо спал.

Г-жа Фрамон. Как это все-таки грустно. Ждешь, ждешь отпуска как величайшего праздника...

Ноэль. Поверь, я здесь ни при чем.

Г-жа Фрамон. Мне кажется, я немного догадываюсь о причине... (Ноэль пожимает плечами.) Отпуск... пришлось на неудачные дни?

Ноэль. Терпеть не могу таких расспросов.

Г-жа Фрамон. Вчера я обратила внимание на то, что Жанна плохо выглядит. Но ведь это – дело нескольких дней.

Ноэль. Может быть, оставим эту тему?

Г-жа Фрамон (вошедшему Антуану). Ноэль полностью разделяет мою точку зрения. Впрочем, он сам тебе об этом скажет. (Вполголоса, Ноэлю.) У тебя прекрасная возможность повлиять на брата. (Уходит.)

Ноэль. Мне незачем говорить тебе, что у меня не может быть по этому поводу никакого мнения. Ты тысячу раз прав, что тщательно все взвешиваешь. Ты в том возрасте, когда человек знает, как ему поступать, так что можешь быть уверен, что я не стану докучать тебе неуместной назойливостью.

Антуан. Благодарю.

Ноэль. дай бог разобраться с собственными проблемами; не хватает еще вмешиваться в дела других!

Антуан. Ты прекрасно знаешь, что с твоей стороны это никогда не было бы вмешательством. У меня слишком живо в памяти, чем ты был для меня в непростых ситуациях...

Ноэль. Да когда же это, бог мой?..

Антуан. Во время болезни Терезы и после... Знаешь, я часто думаю об этом. Ты один понимал тогда, что надо было говорить – и, главное, что следовало хранить про себя. Мама, Моника...

Ноэль. Жди от наших женщин такта и разума!

Антуан. Мне особенно вспоминается день – это было вскоре после трагедии, я еще оставался в Шевинье. Ты приехал неожиданно, и мы провели вместе воскресенье.

Ноэль. Да, действительно.

Антуан. Мы совсем не говорили о ней, но я понимал, что все твои мысли были только об этом. Я очень часто вижу тебя таким, каким ты был в тот день. Мы шли по длинной аллее, обсаженной тополями, ты поддевал тростью опавшие листья... Эта картина подчас совершенно произвольно возникает у меня перед глазами.

Ноэль. Занятно. А передо мной образы тех или иных людей встают только тогда, когда появляется конкретный повод подумать о них.

Антуан. Но для вас, там, это совсем другое; там полностью поглощают насущные дела.

Ноэль. Брось. Как будто у тебя нет насущного дела!

Антуан. Это не то... Я тебе почти перестал писать, ты прости. По правде говоря, не знаешь, что сказать. Так унижительно сидеть здесь сложа руки, в то время как вы...

Ноэль. Что за глупость! Терпеть не могу, когда ты так говоришь. Ты нужен на своем месте. А оттуда тебя эвакуировали бы в течение сорока восьми часов.

Антуан. Да, вероятно. Хотелось бы быть для тебя лучшим корреспондентом; но рассуждать о боевых операциях... сам понимаешь, штатский для этого не годится.

Ноэль. И военный – тоже. Клянусь, если б мы хоть что-нибудь в этом понимали!.. Чего ждут от Соммского наступления? Эффекта внезапности? На него уже не приходится рассчитывать. Мы задохнулись в грязи, в траншеях, моральное состояние людей – хуже некуда. Так что...

Антуан. И если мы, в тылу, не способны вас ободрить, то чего мы

стоим! Лучше молчать.

Ноэль. Но ты вовсе не обязан говорить о войне! Война – это так докучно; избитая, затасканная тема. И в то же время есть вещи, о которых я хотел бы знать, и я не вижу, кто бы мне в этом помог, кроме тебя. Даже что касается дома... ты не представляешь себе, до чего я не в курсе. От Жанны приходят записки буквально в три строки; в письмах мамы и Моники речь только о домашних неурядицах или о делах мадам такой-то...

Антуан. Честно говоря, в нашей жизни не случается ничего из ряда вон выходящего. Глядишь, как растут дети: пожалуй, вот главное. Ты ведь знаешь, я не придаю большого значения воспитанию...

Ноэль (продолжая свою мысль). И все-таки... Послушай, старина, мне понадобилось не так много времени, чтобы обнаружить, что что-то неладно.

Антуан. Что ты имеешь в виду?

Ноэль. Я хочу тебе сказать, что этой ночью я пережил с Жанной очень тяжелые минуты. Когда я хотел... выказать ей свою нежность, то был ошеломлен ее реакцией – настоящим взрывом отчаяния. Стенания, слезы – и так до утра...

Антуан. Ты не думаешь, что это объясняется исключительно потрясением, вызванным твоим приездом?

Ноэль. Нет. Я почувствовал в Жанне твердую решимость отказать мне. И это лишь подкрепляет впечатление, которое сложилось у меня от ее немногословных писем, – я о них только что упомянул; подчас я боялся обнаружить в них умышленное уклонение от ответа на какие-то мои порывы. А ведь стоит только вспомнить, какой она была... совсем недавно, перед самым моим отъездом на фронт! Это непостижимо.

Антуан. Понимаю тебя.

Ноэль. Так что же случилось? У тебя нет никаких догадок на этот счет? Вернуться домой, чтобы застать такое!.. поверь, это ужасно. Я ведь... ты понимаешь... я жил мыслью об этом свидании, я не позволял себе ни малейшего... отвлечения. Я отнюдь не хочу сказать, что жалею об этом! Но я... меня одолевает беспокойство.

Антуан. И все-таки я полагаю, что это связано с невероятным волнением, в которое ее поверг твой приезд.

Ноэль. Нет, ты сам в это не веришь. Где здесь логика? Она бы мне сказала: «Не сегодня... Завтра».

Антуан. Бесспорно одно – она страстно тебя любит.

Ноэль. Это все слова...

Антуан. Нет, это – единственная реальность. Видел бы ты, как она поджидает почтальона, как набрасывается на твои письма... Ты абсолютно не прав!

Ноэль. Отчего же так изменился тон ее писем? Здесь может быть только одно объяснение, и ты прекрасно это знаешь.

Антуан. Мой бедный Ноэль, клянусь тебе, ты просто бредишь: твои подозрения были бы чудовищны, не будь они... смешны.

Ноэль. Если здесь что и смешно, так это мое положение.

Входит Жанна; она в явном смятении.

Жанна. Извините, я только и делаю, что вхожу и выхожу... Я ищу свою сумочку, мне казалось, что я ее оставила здесь.

Антуан (тихо). Жанна, ради бога, одумайтесь. (Громко.) Ну, я пошел, мне пора взглянуть, что делается в моей конторе! (Уходит.)

Жанна. У меня сложилось совершенно определенное впечатление, что в момент, когда я вошла, вы говорили обо мне.

Ноэль. И дальше что?

Жанна. Но, Ноэль, я не могу допустить мысли, что ты поверил брату некоторые... интимные вещи!

Ноэль. Я не стану тебе отвечать, пока сам не получу от тебя объяснений.

Жанна. Ах... так ты все о том же!

Ноэль. Твое поведение порождает во мне худшего рода беспокойство.

Жанна. Но, бога ради, что ты хочешь сказать?

Ноэль. Повторяю: худшего рода беспокойство.

Жанна. Ноэль!

Ноэль. Если ты настолько безответственна, что не осознаешь всей серьезности иных слов и поступков...

Жанна. Так вот степень твоего доверия!

Ноэль. Доверие – это то, что должно подкрепляться.

Жанна. Вот так ты меня любишь...

Ноэль. Брось, пожалуйста. Оценить, как я тебя люблю, зависело только от тебя!

Жанна(глубоко взволнованная). Неужели ты действительно считаешь, что я лишила тебя возможности проявить свою любовь?

Ноэль. Еще бы!..

Жанна. Единственная любовь, имеющая в моих глазах цену...

Ноэль. Не знаю, что ты собираешься сказать, но предупреждаю, что война пока еще не отшибла у меня память.

Жанна. Я тревожусь, не повлияла ли она странным образом на характер твоей любви, – это было бы страшнее.

Ноэль. Итак, мне следовало принять твои милости с горячей признательностью...

Жанна. Тебе следовало... О, человек ни при каких обстоятельствах не имеет права не понимать!

Ноэль. Что все это значит? Я хотел бы разъяснений... Возьми любого мужчину: ты увидишь, найдется ли хоть один, кто согласится с тобой. Что я здесь должен понимать? Что ты меня не любишь – скорее всего, потому что любишь другого? Конечно, тебе, насколько я тебя знаю, эти месяцы разлуки должны были показаться утомительно долгими – как впрочем, и мне. Стало быть...

Жанна. Я запрещаю тебе повторять эту низость!.. Так вот до чего ты дошел, вот, оказывается, каково твое представление обо мне... и такие мысли зрели в тебе в сени смерти!

Ноэль. А смерть здесь при чем? (Молчание. Другим тоном.) В том, как ты держишься со мной, Жанна, есть нечто отталкивающее, мне кажется, ты должна это понимать. Женщина не вменяет мужчине в вину то, что он желает ее: ты пытаешься сделать вид, будто усматриваешь в этом влечении бог весть какой животный инстинкт.

Жанна. По сути... оно именно таково.

Ноэль. Ты же великолепно знаешь, что... это сама жизнь.

Жанна. Жизнь!

Ноэль. И прекрасная.

Жанна. Нет, неправда... в этом нет прекрасного.

Ноэль. Нет прекрасного? В полном обладании?.. Слиться в единое существо!..

Жанна. В единое тело, ты хочешь сказать. Но это не слияние двух душ!

Ноэль. Не начиталась ли ты ненароком благочестивых романов издания Плон-Нурри, по три с половиной франка за штуку?.. Но я тебе запрещаю это. Может быть, религия...

Жанна. Друг мой, прошу тебя, не произноси сейчас этого слова.

Ноэль. «Друг мой»!.. Но, в конце концов, если б я мог быть уверен, что это только кризис... ну, скажем, нравственная щепетильность, внушенная духовником!

Жанна. Как бы то ни было – это то наиболее глубокое, что есть во мне самой; и потом, это не щепетильность.

Ноэль. Ну, так ты безжалостна. Если б ты только могла себе представить, на какую жизнь там обречены бедные парни вроде меня!

Жанна (горячо). Ты полагаешь, я не думаю об этом? Да нет мгновения, когда бы меня не преследовала мысль об этих лишениях, об этой вечной угрозе!

Ноэль. Верится с трудом...

Жанна. Как представлю себе, что твоя жизнь – на волоске, что любая неожиданность может оказаться роковой, – я готова сойти с ума...

Ноэль. Если ты сама признаешь, что в твоём поведении этой ночью было что-то от помешательства...

Жанна. Но, Ноэль, ты говоришь не о том: ведь это все – не в счет, это – не мы. Ты что же, не можешь понять?.. Неужели ужас постоянной опасности, постоянной неопределенности не открывает тебе глаза? Неужели ты не избавишься от этой мании, не сможешь побороть ее в себе? Два бранных тела... (С дрожью.) Бранных...

Ноэль. С той минуты, как ты отказываешь мне безо всякой причины, ты перестаешь быть моей женой. Ты... делаешь из меня вдовца.

Жанна. Не произноси это ужасное слово. Ноэль, возможно ли, что даже в такой момент нам не будет дано отнестись к жизни с глубочайшей серьезностью?..

Моника. Жанна, было бы неплохо, если бы вы заглянули в детскую. Жюли только что собралась одеть Андре в костюм моряка; мне кажется, лучше его оставить для воскресных дней, – но вам виднее.

Жанна. Какое это имеет значение?

Моника. Вероятно, не помешало бы дать этой неопытной бонне кое-какие инструкции; по-моему, она довольно-таки глупа. Но, конечно, как сочтете нужным. Я хотела бы еще добавить, что Андре ее совершенно не слушается. Наверное, пора и тут навести порядок.

Жанна (выведенная из терпения). Хорошо. (Уходит.)

Ноэль. Моника, у меня к тебе вопрос. Жанна заметно изменилась. Не можешь ли ты мне помочь разобраться в причинах этого? Что, аббат Рушет часто бывал здесь в последнее время?

Моника. Раз в неделю, как и прежде.

Ноэль. Ты ведь знаешь, я считаю его опасной личностью.

Моника. Я знаю только то, что у тебя против него – предубежденность, недостойная тебя.

Ноэль. Аббат Рушет – зловерный человек; он не только напичкан всеми предрассудками, присущими его собратьям, но – кроме того, помнится, я обнаружил в нем наряду с невыносимо вкрадчивыми манерами, которые в этих господах никого не должны удивлять, склонность соваться в чужие дела – что ему стоило в свое время нескольких колкостей с моей стороны. (Вставая.) Ведь это он умудрился тогда вбить клин между Шарлем Кордые и его женой, как тебе известно.

Моника. Ну можно ли быть до такой степени несправедливым! Неужели аббат Рушет виноват в том, что этот негодяй..

Ноэль. О Шарле Кордые у меня очень давно сложилось мнение как об одном из лучших парней на свете. Его выходки, вызывающие твое негодование, меня мало волнуют; но я точно знаю: это аббат Рушет восстановил против него его святошу-жену. И, проводя параллель, я уже не удивляюсь некоторым вещам.

Моника. Не знаю, чего ты добиваешься. К несчастью, Жанна никогда не беседовала с аббатом. Я говорю: к несчастью, потому что будь у нее okazия послушать этого божьего человека, возможно, у нее бы ума прибавилось.

Ноэль. Думаю, это не то, чего ей недостает. Во всяком случае, я пожелал бы, чтобы визиты аббата Рушета к нам стали реже... значительно реже. К тому же, совершенно незачем приглашать его к обеду. Если мама или ты нуждаетесь в его поучениях, можете приглашать его в те часы, когда Жанны нет дома. Надеюсь, я ясно выразился.

Моника. Как ты со мной разговариваешь!

Ноэль. Не вдаваясь в детали, повторю тебе еще раз: у меня есть основания предполагать, что он оказал на Жанну пагубное влияние... И, кроме того, я не хотел бы, чтобы вы таскали Жанну с собой на все ваши приходские лицедейства.

Моника (резко). Успокойся, она совершенно непредсказуема, в том числе и в посещении служб. Вчера она нам сказала, что пойдет к мессе, которую должны отслужить по погибшим 422-го полка. Моему удивлению не было предела!

Ноэль. По-видимому, ты плохо помнишь, что когда я просил маму взять к себе Жанну с детьми, я поставил несколько условий.

Моника. Можешь не возвращаться к этому; ты нас тогда достаточно оскорбил.

Ноэль. Я рассчитываю, что мне не придется к этому возвращаться. Имеющий уши да слышит. (Выходит из комнаты.)

Моника (подходя к двери). Жанна! Жанна!

Жанна (за сценой). Я занята.

Моника ходит взад и вперед в сильнейшем возбуждении. Она зовет Жанну еще раз.

Жанна (входя). Что случилось?

Моника. Можно подумать, что вы поклялись всех нас тут свести с ума. Из-за вас Ноэль разговаривал со мной так, как не разговаривал за всю свою жизнь!

Жанна. Из-за меня?

Моника. Он перекладывает на нас вину за тот более чем странный

прием, какой вы ему оказали... Не можете же вы вообразить, что я ничего не заметила. Я не слепая. Мама – тоже.

Жанна. Не понимаю, к чему вы клоните.

Моника. Разумеется, я не могу точно знать, в чем он вас упрекает.

Жанна. Если ни вы, ни я не знаем, о чем речь, разговор мне кажется беспредметным. (Собирается уйти.)

Моника. Видели бы вы, какое у вас сейчас выражение лица!.. (Жанна пожимает плечами.) Вы слишком склонны забывать, что живете у нас.

Жанна. Но вы не пренебрегаете ни малейшей возможностью напомнить мне, что я действительно не у себя; и я хотела бы предупредить вас, что у меня уже не хватает сил терпеть этот постоянный надзор за тем, что я говорю и что делаю.

Моника. Не я одна нахожу, что вы нуждаетесь в опеке.

Жанна. Что вы хотите этим сказать?

Моника. Ничего.

Жанна. Я жду.

Моника. Антуан, единственный, с кем вы здесь хоть как-то считаетесь...

Жанна. Так что же?..

Моника. Он того же мнения, что и я.

Жанна. Сильно сомневаюсь в этом.

Моника. У меня есть доказательства.

Жанна. Могу я их знать?

Моника. Нет.

Жанна. Моника, я не привыкла к подобному обращению; и если вы не выскажетесь яснее, сегодня же нас с детьми в этом доме не будет.

Моника. Это может решать только Ноэль.

Жанна. Ноэль не допустит, чтобы меня здесь оскорбляли.

Моника. Никто вас не оскорбляет, вас только считают безответственной, вот и все. И, повторяю, Ноэль полностью разделяет это мнение; он вынужден усматривать в этом дурное влияние...

Жанна. Ваше, вы хотели сказать?

Моника. Он еще не в курсе некоторых странных вещей; знал бы он, что вы сжигаете его письма!.. Сжигать письма мужа, когда неизвестно, вернется ли он вообще! Вот – одно из доказательств бессердечия, по поводу которых вы так негодуете; это все до того противоестественно!

Жанна (резко). Довольно.

Моника. Бедный, к счастью, ему это и в голову не приходит; если ему суждено отдать богу душу на поле боя, пусть он хотя бы сохранит свои иллюзии...

Жанна (со страстью). Я вам запрещаю говорить о его смерти! Вы не имеете права вообще касаться этой темы. Это дозволено лишь тем, кто любит всем своим существом. С вашей стороны это кощунство, преступление!

Моника. Вы смеете утверждать, что я не люблю своего брата? Да есть ли что-нибудь выше нашей с ним взаимной привязанности!

Жанна. Не будем касаться чувств.

Моника. Вы не знаете, что такое семья, вы (помолчав)... это, пожалуй, единственное, что может вас извинить. Ну, конечно, когда перед глазами – известные нам примеры...

Жанна. Замолчите.

Моника. ...тогда женщина, возможно, действительно не способна правильно вести себя в жизни. И ей можно посочувствовать.

Жанна. Не пытайтесь чернить меня вашей жалостью: оставьте ее при себе.

Моника. Все же очень горько думать, что... (Замолкает.)

Жанна. Опять!

Моника. Очень горько...

Жанна. Я поставлю Ноэля в известность, что больше не проведу ни одной ночи под этой крышей.

Моника. Давайте, продолжайте. Надеюсь, хоть это откроет ему глаза.

Входит Антуан. Он плохо выглядит; останавливается, чтобы отдышаться.

Антуан. Ничего, не обращайтесь внимания... Там, на заводе, у меня началось головокружение, это со мной случается.

Моника (торопливо). И ты вернулся один? Какая неосторожность! Ты так

изменился в лице... я принесу что-нибудь от сердца.

Антуан. Маме ничего не говори.

Моника. Не беспокойся; это ее привело бы в такое состояние!.. (Кивая в сторону Жанны.) О! Она... как вспомню, что ты мне говорил вчера вечером! (Поспешно уходит.)

Антуан. Не смотрите на меня с таким испуганным видом, ничего серьезного, я показался врачу. Однако похоже на болезнь, вот в чем идиотизм.

Жанна. Но что это может быть?

Антуан. Неважно; допустим, анемия. Не стоит много говорить об этом. Мне уже гораздо лучше.

Жанна. Если бы вы знали... Но, видимо, вы с ней заодно в готовности оскорблять меня, презирать...

Антуан. Что вы такое говорите, Жанна?..

Жанна. Вы заявили, что мне необходима опека.

Антуан. Кто вам это сказал?

Жанна. Моника... только что. Что вы ей говорили вчера вечером?

Антуан. Не следует обращать внимание на слова Моника. Временами жизнь, которую она ведет, ужасно ее гнетет; ее надо скорее пожалеть.

Жанна. Вы пытаетесь сбить меня с толку. Речь не о Монике и не о ее характере. Она ведет ту жизнь, которая ей только и подходит, притом, повторяю, у нее на роду написано быть старой девой.

Антуан. Я с трудом нахожу оправдание этим вашим выпадам, Жанна. К тому же... (Не заканчивает фразы.)

Моника (входя). На, выпей горячего. (Протягивает брату кипящий грог.)

Антуан. Спасибо.

Моника. Тебе следует отдохнуть. Пойди, ляг в постель. Неразумно оставаться здесь; да и о чем говорить, бог мой?

Антуан. Нам с Жанной нужно побеседовать, Моника.

Моника. Уж не льстишь ли ты себя надеждой, что сумеешь объяснить ей, чем она нам обязана!..

Антуан. Жанна нам ничем не обязана.

Моника. Я ухожу... ты меня очень огорчаешь. (Уходит.)

Жанна. Не скрою, Антуан, для меня нестерпима мысль, что Ноэль посвятил вас в вопросы, касающиеся только его и меня.

Антуан. Он был не прав. Это надо отнести на счет пережитого им неожиданного удара.

Жанна. Его реакция была грубой, недостойной.

Антуан. Существует некая нравственная утонченность, развитию которой не может способствовать война.

Жанна. Вы хотите сказать, что война поражает самое личное человека, что она убивает душу так же, как и тело?.. О, если бы я могла думать...

Антуан. Жанна, вы несправедливы.

Жанна. К тому же речь идет не об утонченности, а всего лишь об элементарной деликатности. Прежде – если бы вы знали...

Антуан. Деликатность, о которой вы говорите, – это все же своего рода роскошь.

Жанна. Для меня это единственное необходимое качество.

Антуан. Для вас, Жанна... а для него! Подумайте о той жизни, где остается место только для простейшего, где все, что не необходимо – запрещено... может быть, губительно.

Жанна. Я не понимаю вас.

Антуан. А я это чувствую так остро... Как он ест, например. Есть стало для него чем-то, что важно само по себе: поступком.

Жанна. Ноэль всегда был гурманом.

Антуан. Как странно, что вы не понимаете... Между тем надо... надо... нельзя допустить, чтобы он уехал так – разочарованным, озлобленным, может быть, возмущенным... и уже менее способным защитить себя.

Жанна. Вы хотите сказать...

Антуан. Жанна, теперь им жизненно необходимо опрощаться.

Ожидающаяся атака, смена часовых, довольствие – вот грубые реальности, из которых состоит их жизнь. Жизнь, направленная на конкретные цели, вне которых нет ничего.

Жанна. Ваши слова меня возмущают. словно у этих людей не осталось идеалов!

Антуан. Они есть... подспудно, где-то в тайниках души.

Жанна (резко). И потом, что вы знаете об этом? ...Простите.

Антуан (с горечью). Ничего.

Жанна. Мне стыдно... ведь вы такой добрый, все понимающий.

Антуан (смущенный, мягко). Ваши похвалы меня немного задевают.

Жанна. В вас столько деликатности... словно за всех в этом доме.

Антуан. Прошу вас...

Жанна(другим тоном). Некоторые письма Ноэля... словом, уверяю вас, это не письма дикаря!

Антуан. Но, бедная моя Жанна, было бы прекрасно именно примириться с инвалидностью такого рода: что может быть выше?.. И потом, я вовсе не хочу сказать, что не бывает кратких мгновений, когда люди на войне как бы вновь овладевают всеми сторонами своего существа, принесенными ими в жертву. Но это – вспышки, в них слиты героизм и трагедия.

Жанна. Будь это даже так... как он не оправился здесь, вырвавшись из ада?

Антуан. Вы в самом деле полагаете, что достаточно одного дня, одной встречи? Любовь, даже сама смерть становятся для этих людей стихийной, материальной силой. Для вас – совсем другое дело. В вашей ситуации разлука – воспитание чувств, в их положении – голод.

Жанна. Не всегда.

Антуан. Можно восхищаться теми, в ком душа осталась невредимой, но не следует презирать остальных.

Жанна. До сих пор вы не говорили со мной так.

Антуан (тихо). Потому что сейчас мне больше жаль не вас.

Жанна. Все же, если допустить, что вы правы... это будет означать, что Ноэль – всего лишь посредственность. Если даже на пороге... (колеблется) вечности мы не можем быть только душой...

Антуан. Вы меня пугаете.

Жанна. Как можно ополшить последние земные минуты, которые дарует нам судьба?

Антуан. Чувствуется, что вы упиваетесь этими фразами, что они выношены вами! Разумеется, у вас было на это свободное время... Нужен досуг, чтобы подняться до подобной... духовности. Не возражайте, Жанна. Мне тяжело слышать ваши рассуждения.

Жанна. Поразительно! Вы не лучше других. В вас не больше милосердия.

Антуан. Вам ли говорить о милосердии? Подумайте.

Жанна (вполголоса). Тело не отдают из милосердия.

Антуан (задумавшись). Но ведь... нет, такое вторжение в чужую жизнь чудовищно.

Жанна. Поздно же вы это заметили!

Антуан. Но ваша откровенность...

Жанна. И его...

Антуан. ...оправдывает мою смелость. И потом... Жанна, вы мне сестра. Это – помимо моей воли. Так получилось.

Жанна. Удачно найденное слово для обоснования моральной опеки, которую, как я слышала, вы собираетесь мне навязать.

Антуан. Вы во всем видите только оскорбления.

Жанна. Справедливости ждать неоткуда. В усиллии, которое я делаю над собой, чтобы себя преодолеть, подняться выше, вы усматриваете лишь результат праздности или влияние невесты какой пошлой литературы. Но мне отвратительны те рассудочные жеманницы, к которым вы меня относите. Страх конкретный, физический, владеющий мной...

Антуан. Вы не справляетесь с ним.

Жанна. Скажите мне, как это сделать.

Антуан. Жанна, насколько я вас понимаю, вы живущего сегодня приносите в жертву тому, кто будет убит завтра. Этот преждевременный, поспешный культ погибшего не дает вам удовлетворить мужчину во плоти, который вас желает. Вы дрожите? (Молчание.)

Жанна. Я поклялась не дать нашей любви стать единственно этим... я смогу пережить Ноэля, только если заставлю умолкнуть в себе – вы слышите, в себе – некий слишком мучительный зов... И когда Ноэль снова будет самим собой, в высший час, он поймет, что этот обет был мне в конечном счете продиктован им же.

Антуан. Нет, вы поклялись не ему – вы поклялись его памяти, поклялись бог знает какой возвышенной фикции, которую выстроили из обломков того, что было человеком. Этот боготворимый покойник, эта идея, во имя которой вы его умерщвляете, – только идол, и в нем нет ничего священного. И потом... По сути, ему ли – мертвецу, идолу – вы приносите эту жертву? Отказывая Ноэлю в том, чтобы... быть его женой, вы себе готовите менее мучительное вдовство – не так ли? Жанна, поверьте мне, такая прозорливость – предательство. Любить – значит говорить любимому человеку: «Ты не умрешь, ты не можешь умереть».

Жанна. У вас короткая память. А как во время ночей, которые вы

провели у постели жены, – что, эта чудесная вера поддерживала вас?
Антуан. Уверю вас, не было ни дня, чтобы я, входя в ее комнату, не повторял себе: «Она сможет вылечиться». Всегда надо надеяться, Жанна!
Жанна. Не все способны верить в чудо.
Антуан. До чего же убого все, что вы говорите! Да и разве речь идет о чуде? (После паузы. Подчеркнуто.) Если Ноэль вернется – простите ли вы ему его возвращение?
Жанна (глухо). Ноэль не вернется.
Ноэль (войдя, Антуану). Как? Ты здесь?
Антуан. У меня началось легкое головокружение, когда я был на заводе.
Ноэль. Бедняга...
Антуан. Бейяр настоял, чтобы я непременно вернулся домой.
Ноэль. Что ты и сделал...
Антуан. Это что, ирония?
Ноэль. Дружище, тебе нужен деревенский воздух. Здешний никуда не годится. (С трудом пересилив себя, Жанне). Ты согласна со мной?
Жанна. Полностью.
Ноэль. У тебя покраснели глаза... (Жанна отворачивается.) Я встретил папашу Гребо...
Антуан. Решительно – он попадает на глаза всем, повсюду.
Ноэль. С малюткой; она очаровательна. Поздравляю тебя: никак не ожидал, что она так похорошеет. Живые глаза... Боюсь, однако, не собрался ли ты надеть глупостей. (Жанне.) Что ты об этом думаешь?
Жанна. Ты ведь понимаешь, это не мое дело.
Ноэль. Ну и странный же вид у вас обоих.
Жанна. Меня немного напугало, как выглядел Антуан.
Ноэль. Но, в конце концов, что это за головокружения? Я понимаю – у малокровной молодой девицы. Но у мужчины в тридцать девять лет...
Антуан. Я только что это же говорил Жанне, здесь не из-за чего переживать; ничего серьезного.

Антуан медленно выходит из комнаты.

Жанна. Видишь ли, ему тяжело, когда с ним так говорят о его здоровье.
Ноэль. Да, но с другой стороны... (Пауза.) Как ты думаешь, он по этой причине не решается жениться?
Жанна. Что я могу тебе сказать? Я ведь не знаю.
Ноэль. Однако, судя по всему, у вас нет секретов друг от друга. (Неопределенный жест Жанны.) Ясно, что если он может свалиться в обморок в ответственный момент...
Жанна. Как грубо то, что ты говоришь! Нельзя шутить над подобными вещами.
Ноэль. Но я вовсе не шучу. Просто когда видишь малышку Гребо – крепкое, здоровое создание...
Жанна. Но ведь она его любит.
Ноэль. В том-то и дело: нельзя, чтобы она обманулась в своих ожиданиях.
Жанна. Обманулась! У тебя это словно наваждение. (Ноэль смеется.) Ноэль, когда мы поженились... вначале... уверю тебя, эта сторона... это мне не доставляло радости... Поверь мне, то, чего я от тебя ждала, было совсем иное.
Ноэль. Очень грустно слышать это!
Жанна. Почему же?
Ноэль. Если я не сделал тебя счастливой...
Жанна (возражая, с горячностью). Ты сделал меня глубоко счастливой! Но будь в жизни только эти моменты...
Ноэль. Счастливой, правда?.. Видишь ли, дело в том, что... там выпадают невеселые часы, когда терзаешься, упрекаешь себя...
Жанна. Понимаю, родной!
Ноэль. Так что в случае, если доведется остаться там...
Жанна (со страстью). Не говори так, ты вернешься!
Ноэль. Не гарантировано... Хотя, знаешь, в душе я сильно на это рассчитываю.
Жанна (менее убежденно). Ты должен.
Ноэль. Обещаю тебе, что в той мере, в какой это будет зависеть от меня...

Жанна. Ты не имеешь права рисковать собой без крайней необходимости.

Ноэль. Вообще-то это вопрос везения.

Жанна. Да... конечно... (Молчание.) Так ты не очень на меня сердишься?

Ноэль (двусмысленным тоном). Ну, видишь ли... (Жанна выразительно смотрит на него.) Признаю, что я, вероятно, немного поспешил...

Жанна. Рада видеть тебя более рассудительным.

Ноэль. Только не подумай, что я собираюсь и далее мириться с таким положением.

Жанна. Ты боишься, что слишком успокоил меня!.. Ну да, ты сегодня в лучшем настроении, это уже много; я, конечно, не спрашиваю, чем вызвана эта счастливая перемена. Возможно, ты просто призадумался.

Ноэль. Я много размышлял над этим; совесть моя спокойна. В моем страстном желании – пусть оно было несвоевременным – не было ничего криминального. И если кому-то из нас придется в будущем упрекать себя, то совершенно очевидно, что это буду не я.

Жанна (взволнованно). Что ты хочешь сказать?

Ноэль. Черт возьми, если дело все же примет скверный оборот...

Жанна. Бог мой, ты спекулируешь на этом ужасе!

Ноэль. Я ни на чем не спекулирую. Но, в конце концов, если я буду... ну, допустим, изрядно покалечен, ты, возможно, о чем-то пожалеешь.

Жанна. Но это уже просто шантаж!

Ноэль. Ничуть. Я только пробую поставить себя на твое место.

Жанна. Благодарю, но сомневаюсь, чтобы тебе это удалось. Так что оставь эти попытки.

Ноэль (резко меняя тему). Кстати, мы приглашены вечером на чай к Розине де Мюрсэ.

Жанна. Как так?

Ноэль. Я ее только что встретил.

Жанна. Не оттого ли у тебя изменилось настроение?

Ноэль. Все может быть. Крошка очень мила.

Жанна. Ну, знаешь, это слишком избитое средство!

Ноэль. Позволь?..

Жанна. Ты меня прекрасно понял.

Ноэль. Я говорю, что она, вообще-то, весьма кстати.

Жанна. Все женщины, любая...

Ноэль. Нет, разумеется, некоторые.

Жанна. Как бы то ни было, если ты собираешься идти, ты пойдешь один.

Ноэль. Все будет, как ты захочешь.

Жанна. Не думаю, чтобы ты был этим огорчен.

Ноэль. В жизни каждый должен поступать сообразно своему желанию.

Жанна. Я не привыкла к такому либерализму. Что же касается Розины де Мюрсэ, хочу тебя предупредить...

Увидев входящую г-жу Фрамон, не договаривает фразы.

Г-жа Фрамон. Ноэль! Возможно ли?! Жюли мне сказала, что ты еще не поцеловал ребят!

Ноэль. Где они? С удовольствием это сделаю.

Г-жа Фрамон. Жюли потрясена, она сказала: «Мсье еще не заходил поцеловать детей!»

Ноэль. Пусть не суется не в свое дело. Я только что собирался наведаться к ним, и тут услышал крики, словно им задали трепку: не выношу подобных сцен. Нервы и так на взводе...

Г-жа Фрамон(глядя на Жанну). Бедный мальчик! Невесело же начался твой отпуск...

Ноэль. Нет... вовсе нет! И незачем глядеть на Жанну большими глазами, она здесь ни при чем.

Г-жа Фрамон. Увы...

Ноэль (не скрывая раздражения). Я не хотел бы, чтобы мои слова ставились под сомнение.

Г-жа Фрамон. Рада бы тебе верить, но... Моника мне сказала...

Ноэль. Я очень сожалею, если Моника решила пересказать тебе некоторые замечания, которые я счел себя обязанным сделать ей только что; но я не отказываюсь ни от одного слова.

Г-жа Фрамон(покачивая головой). Ты знаешь не все.

Ноэль. И не стремлюсь узнать.
Г-жа Фрамон. Ты не поверишь своим ушам, если я тебе скажу, как Жанна обошлась с Моникой!
Ноэль. Мама, между прочим, Жанна – здесь.
Г-жа Фрамон. Мне сейчас трудно разговаривать с ней.
Ноэль. Очень жаль.
Г-жа Фрамон. Твоя пристрастность меня поражает.
Ноэль. Позволь мне не колебаться в выборе между Жанной и Моникой, устами которой ты сейчас говоришь.
Г-жа Фрамон (вздыхая). Пусть так. (Выходит.)
Жанна. Спасибо, родной. (Целует его.)
Ноэль (довольный). Все-таки!
Жанна. Моника только что...
Ноэль. Я знаю, какой она может быть. При лучших намерениях.
Жанна. Допустим.
Ноэль. Но она задела тебя?
Жанна. Глубоко. Ну, да это пустяки, не будем о них говорить.
Ноэль. Напротив, будем, непременно, я этого хочу.
Жанна. Возможно, я сама была слишком резка... Все это не имеет никакого значения – поскольку я снова узнаю тебя, мой Ноэль. (Делая над собой усилие.) Так этим вечером...
Ноэль. Ты пойдешь со мной?
Жанна. Нет, вряд ли. Сегодня Жюли уходит после обеда, мне надо будет заняться детьми... Ты пойдешь один.
Ноэль. Мне ведь это не так важно, ты понимаешь.
Жанна (не вполне искренне). Да, конечно.
Ноэль. Ну, посмотрим... Так я пойду, взгляну, что делают ребята. (Встает, чтобы идти.)
Жанна. Послушай, Ноэль...
Ноэль. Что?
Жанна. Не думай, что я так глупа. Я знаю, что Розина прежде была твоей любовницей.
Ноэль. Это бред.
Жанна. Я знаю, что говорю.
Ноэль. Обвинение столь беспочвенно, что я не стану даже оправдываться.
Жанна. Удобная позиция. Но я уверена в том, что говорю.
Ноэль (с напускной игривостью). И кто же тебя поставил в известность?
Жанна. В этом не было необходимости.
Ноэль. Даже так?
Жанна. Уверю тебя.
Ноэль. Иными словами, ты не хочешь назвать своего осведомителя... (Резко.) Скажи мне: это Антуан?
Жанна. Ты с ума сошел.
Ноэль. Мне кажется, вы так близки...
Жанна. Теперь ты должен понять, что мне крайне неприятен твой визит к этой женщине. Это для меня... почти нестерпимо.
Ноэль (довольный). Конечно, если у тебя такие мысли... Но будь это даже правдой, нет никаких оснований думать, что я ей нравлюсь и сейчас. Милейшая Розина очень капризна.
Жанна. Боюсь, что улыбка на твоём лице, когда ты вошел, не была улыбкой человека, который нравился... когда-то.
Ноэль. Сколько психологии!..
Жанна. К тому же у нее есть обыкновение всякий раз справляться о тебе.
Ноэль. Смотри-ка! Как неосторожно с твоей стороны рассказывать мне об этом...
Жанна. Ноэль, не думай, что сейчас я примирилась бы с таким предательством легче, чем прежде.
Ноэль. Разреши заметить тебе, что ты меня немного удивляешь. Когда человек уклоняется от своих... (с улыбкой) обязанностей, он тем самым лишает себя определенных прав.
Жанна. Ты только что говорил – может случиться, что... Одним словом, ясно: невозможно знать... увидимся ли мы еще. Так вот, для меня было бы невыносимо... хранить твой образ оскверненным!
Ноэль. Ты требуешь, чтобы я позаботился о своем образе? (С усмешкой.) Недурно... Но, голубушка, должен тебе сказать, что это зависит единственно от тебя. Если в тебе возьмут верх чувства более человеческие – обещаю тебе, Розине нечем будет похвалиться; но если ты меня обрекаешь... на полный пост...

Жанна(она шокирована). То, что ты говоришь, – ужасно!

Нозль. Возможно, я несколько груб, но чего ты хочешь? Все же есть какие-то вещи, с которыми надо считаться. А вообще-то у тебя могло бы быть побольше воображения.

Жанна (растерянно). Нозль!.. Нозль!.. (Нозль приближается к ней.) Нет, нет, не это... (С тоской.) Нозль, мой Нозль...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. Несколько дней спустя. Пять часов вечера. Нозль играет в кегли с Андре, который подпрыгивает, издавая радостные возгласы. Внезапно Нозль прекращает игру и опускается в кресло.

Нозль. Ну, давай сделаем перерыв.

Андре. Почему, папа? Это так весело...

Нозль. Унеси все это к себе в комнату.

Розина (за сценой). Вы говорите, мсье дома. Я зайду поздороваться. (Входит, протягивает Нозлю руку.) Как вы поживаете – с того дня?

Нозль. Как человек, которому завтра нужно возвращаться.

Розина. Бедный! (Сажает Андре на колени.) Ну что за прелесть этот ребенок!.. Так что же – дамы ушли?

Нозль. Они пошли к богослужению.

Розина. Поминовение убитых 422-го? Бог мой, но я же должна быть там... Я совсем забыла, что это сегодня! А вы не захотели пойти с ними?

Нозль. Не так уж это весело – подобная церемония накануне отъезда. Да и потом, мне эти мессы и прежде...

Розина. Да, верно, эти вещи вас никогда особенно не занимали.

Нозль. Там бывают минуты, когда все это вас волнует. Словно налетит внезапный шквал.

Розина. Да, об этом же мне пишет Робер.

Нозль. Но он не на фронте; это разные вещи!

Розина. Он мне прислал прелестную маленькую фотографию; полковой священник служит мессу в риге. Робер просил меня отправить этот снимок в журнал «Иллюстрасьон».

Нозль (насмешливо). Великолепная мысль! (Андре, дующему в дудку.) Приятель, займись этим где-нибудь в другом месте. А то мы не слышим друг друга. Только сперва поцелуй меня. (Берет его на руки и долго обнимает.)

Розина. Славный мальчуган! (Андре убегает.) Вы так и не ответили на мою записочку.

Нозль. Да.

Розина. Однако она предполагала ответ... Вы не находите?

Нозль. Возможно...

Розина. Когда вы зашли ко мне на чашку чая... мне показалось, и вряд ли я ошибаюсь...

Нозль. Да, по-моему, я высказался предельно ясно.

Розина. Но все-таки вы же не хотели бы, чтобы я сдалась по первому требованию, не так ли? К тому же, думаю, что с вашей стороны это было скорее для очистки совести, а это меня не устраивает. Вы не станете отрицать, что записочка, которую я вполне могла бы вам и не писать, была весьма сердечной.

Нозль. Что вам сказать? По сути, у меня нет желания обманывать жену.

Розина. Ну вот, теперь я, по крайней мере, успокоилась.

Нозль. Как это понимать?

Розина. Дорогой мой, в тот день у вас был такой мрачный вид, что это не могло не наводить на мысль о... не говоря уже о некоторых, совершенно прозрачных, намеках. Рада видеть, что мир восстановлен.

Нозль. Вы заблуждаетесь.

Розина. Да?..

Нозль (потягиваясь). Ничего не скажешь, веселая штука – конец увольнения.

Розина. Кому вы это говорите! Когда Робер уезжает, я делаюсь совсем

больной.

Ноэль. В вас верности в избытке: хватает и на долю мужа, и – отчасти – на мою.

Розина. То, что вы говорите, не очень-то любезно, но мысль забавна; она – ваша?

Ноэль. Должно быть; не задумывался... Знать хотя бы, когда все это кончится. Вы, наверное, видите с осведомленными людьми: что они говорят? Судя по всему, русские собирают еще силы.

Розина. Вероятно, с начала года дело примет другой оборот.

Ноэль. Такое всегда можно сказать.

Розина. Мне написал об этом из Парижа один весьма информированный человек. Немцы страшно истощены. Знаете ли вы, сколько немецких дивизий было направлено на Соммский фронт?

Ноэль. Нет.

Розина. То ли восемьсот, то ли две тысячи.

Ноэль(усмехнувшись). Такого быть не может, это ведь по меньшей мере два миллиона человек.

Розина. Значит, я ошиблась.

Ноэль. На один или два нуля, несущественно...

Розина. Я его переспрошу в письме.

Ноэль. Да ну, все это... (Качает головой.) Какие еще потери ждут нас этой зимой?..

Розина. Только не падайте духом. Если б вы читали письма Робера!.. Он пишет мне: «Здесь сильнее, чем когда-либо, веет ветер оптимизма...»

Ноэль. Еще бы, черт возьми! Можете не волноваться, ваш Робер к вам вернется.

Розина. Я надеюсь!.. Но вот у вас – невеселые сборы, и это меня сильно огорчает. Мне так хотелось вас подбодрить... Этот ваш отпуск не удался; по приезде вы выглядели лучше, чем сейчас... Нехорошо со стороны вашей жены так мало заботиться о муже. Я ей об этом скажу.

Ноэль. Нет, прошу вас, ни в коем случае.

Розина. Надо же, какой бирюк!

Ноэль. Она и так наслушалась этого.

Розина. Снова вижу образцового супруга.

Ноэль. Я ведь завтра уезжаю, вы знаете.

Входит Антуан. Розина встает и направляется к двери.

Антуан. Ради бога, сударыня, – надеюсь, вы не из-за меня?..

Розина. Я только забежала справиться о мадам Фрамон; я слышала, что она не совсем здорова.

Антуан. У нее всего лишь сильный насморк; она уже выходит на улицу.

Розина. Да, мне ваш брат так и сказал... Так я убегаю, до свидания, сударь.

Ноэль идет ее проводить и тотчас возвращается.

Антуан. Удивительно, до чего эта молодая особа меня раздражает. И вообще я не вижу, зачем...

Ноэль. Она еще не заходила к нам с тех пор, как я приехал.

Антуан. Да, но мы с Жанной видели ее в день твоего приезда, и в этом было мало приятного.

Ноэль. Жанна расспрашивала тебя о ней?.. ну... о ней и обо мне? Да?

Антуан. Насколько я помню, не очень.

Ноэль. Гм! (Молчание.)

Антуан. Ведь с этим покончено... или почти покончено?

Ноэль. Да...

Антуан. А точнее?

Ноэль. Да, да; чего тебе еще... И потом, истории такого рода всегда разочаровывают.

Антуан. Ну, а вы с Жанной... мне показалось...

Ноэль. Здесь, на месте, приходишь к грустным выводам.

Антуан. Например?

Ноэль. Да ко всяким. Во-первых, согласишься, мама и Моника не всегда делают ее жизнь приятной.

Антуан. Ты хочешь сказать – жизнь Жанны?

Ноэль. Да.

Антуан. У мамы с Моникой – готовые категоричные суждения обо всем на свете.

Ноэль. Ну, это давно известно.

Антуан. В этом случае какие-то стычки неизбежны.

Ноэль (с иронией). И ты делаешь все возможное, чтобы их смягчить.

Антуан. Я редко при этом бываю. Но, надо признаться, Жанна не всегда дипломатична.

Ноэль (с горечью). Да, это не самая сильная ее черта. Впрочем, и я... какой я дипломат!

Антуан. Не стоит преувеличивать серьезность всего этого.

Ноэль. Я ничего не преувеличиваю. Но только...

Антуан. Что?

Ноэль. Ничего.

Антуан. Не думай об этом.

Ноэль. Легко сказать.

Антуан. Когда женщины собираются вместе...

Ноэль. Конечно – и все же... К счастью, тут есть мужчина. (Молчание.)

Горничная(входит с Пьеро. К Ноэлю). Не знает ли сударь, когда вернутся дамы?

Ноэль. Нет, не могу сказать точно.

Горничная. Я в большом затруднении, так как мадам велела мне выкупать Пьеро – Жюли ведь нет сегодня, – но забыла вынуть купальный халат, а я не знаю, куда мадам их кладет. А если подождать – уже будет время обеда, дети ведь обедают в половине седьмого...

Ноэль. Но вы же понимаете, что я не знаю, где лежат купальные халаты.

Горничная. Не будь я новым человеком в доме...

Антуан. Пойдите, мне кажется, я знаю, я пойду с вами. Идем, малыш.

Уходит с Пьеро и с горничной. Ноэль остается один; видно, что он не находит себе места. Возвращается Антуан.

Антуан. Это было нехитрым делом.

Ноэль. Но надо знать, где что лежит... Я никогда не знал таких вещей.

Антуан. Да брось!

Ноэль. Уверяю тебя... Жаль, однако, что у тебя нет ребятишек, собственных. Я понимаю, что эти – почти как твои. Но все-таки... это не совсем то же самое. Все, что меня выводит из себя, тебе кажется восхитительным. Заставлять их показывать язык, водить на прогулку, рассказывать им всякие истории, и еще бог знает что. (Сдавленным, почти срывающимся голосом.) Правда, мне кажется, теперь бы меня это уже так не раздражало.

Антуан. Ноэль!

Ноэль. Поверь, это все же не так легко проглотить. Но, в конце концов, довольно заниматься мной. Сейчас речь о тебе. (Решительно.)

Дружище, тебе надо жениться на малышке Гребо. Тут не может быть сомнений, ни с какой точки зрения; в общем, это удача, такой партией не пренебрегают... О, я не говорю, что ей не повезло, – и все же...

Антуан. Но здесь есть масса вещей, которые следует принять во внимание, поверь мне.

Ноэль. Что именно? Ты имеешь в виду Жироманьи? Ну, так в Жироманьи отличный климат, он тебя поставит на ноги! Ты еще не в том возрасте, когда человек боится перемены мест.

Антуан. Нет, конечно.

Ноэль. Мама страстно жаждет этого, она мне за эти дни все уши прожужжала. О Монике я не говорю – она все повторяет вслед за мамой.

Антуан. И тем не менее я не решился бы оставить их совсем одних; ты себе не представляешь, до чего они склонны терять голову из-за ерунды. Для меня это в какой-то мере – проблема совести...

Ноэль. Сильно преувеличенная. К тому же, если они не переносят одиночества, пусть переселяются в Жироманьи.

Антуан. Но нужно поставить себя и на место молодой девушки: я не уверен, что ей хотелось бы...

Нозель. Предоставь ей решать; увидим, колеблется ли она.

Антуан. И потом, в мамином возрасте...

Нозель. Но повторяю тебе; мама будет безутешна, если дело не выгорит.

Антуан. Ну и выражения у тебя!

Нозель. Я употребляю те, что приходят на ум, и не собираюсь утруждать мозги в поисках выражений, которые удовлетворили бы твою деликатность. Нет, это все – не причины. А что касается Жанны и детей...

Антуан. Что?

Нозель. Я говорю: что касается Жанны и детей, то если мама и Моника будут в Жироманьи с вами... наконец, в любом случае... после войны...

Антуан (стараясь придать тону как можно большую естественность). Но, Нозель, ты же будешь здесь в это время!

Нозель. Я? Очень возможно, что я буду гнить в какой-нибудь воронке от снаряда...

Антуан. Нозель! Ты вернешься!

Нозель (бесцветным голосом). Не стоит слишком рассчитывать на это. И потом, ты сам... то, как ты обращаешься с Жанной... о, успокойся, у меня нет подозрений, я не круглый идиот... Вчера мне это впервые бросилось в глаза. Надо же – обратить внимание на эти вещи только в конце отпуска! Но ведь по приезде – другие заботы. А когда уже катишься по наклонной...

Антуан (с тревогой). Но, бог мой, что ты имеешь в виду?

Нозель. Ты меня очень хорошо понимаешь... Во всем – что-то предупредительное, доверительное. Никакой влюбленности – повторяю, я меньше всего подразумеваю это... может быть даже, мне в этом случае было бы не так тяжело; словом, не знаю... Нет, серьезный друг; тот, кто приготовился утешать. А с малышами... и еще хуже. Вспомни – хотя бы сейчас, когда пришла эта девушка: купальный халат... (Не может продолжать.)

Антуан (упавшим голосом). Но как я должен был поступить?

Нозель. Очевидно же, что на таком пути... рано или поздно это случится. Я не знаю, думаете ли вы об этом. Должно быть, да. Возможно даже, вы об этом говорите.

Антуан. Нозель, клянусь тебе...

Нозель. Для меня это ничего не меняет. Но только... надо бы тебе жениться на крошке Гребо. Пойду, взгляну на малыша в ванной. (Уходит.)

Антуан сидит, обхватив голову руками. Входит Жанна.

Жанна. Вы один? Что случилось? Вы больны?

Антуан. Нет. (Внезапно.) Жанна, вы знаете, что мы его убили?

Жанна. Кого?

Антуан. Он пришел к нам живой; он выйдет отсюда... мертвым.

Жанна (потрясенная). Но, Антуан, ради бога...

Антуан. Видите ли, минуты, которые я только что провел с ним... (С трудом приходит в себя.) Послушайте. Оставим в стороне скромность – ведь речь идет об агонизирующем... Вы продолжали отказывать ему?

Жанна. В последние дни он больше не настаивал.

Антуан. О, Жанна!

Жанна. И потом, сам способ недостойного торга... Вы не знаете – он грозился возобновить связь с Розинной!.. Могла ли я поддаться этому безобразному шантажу?

Антуан (сухо). Для него это вопрос самолюбия.

Жанна. Достоинства, Антуан, элементарного человеческого достоинства.

Антуан. И вы думаете, что он осуществил свою угрозу?

Жанна. Я ничего не знаю... это жестоко.

Антуан. Странно – но вы не вызываете во мне сострадания.

Жанна. Антуан, вы отлично знаете, что, не пусти он в ход эту чудовищную угрозу, я недолго бы еще сопротивлялась. Я бы бросилась в его объятия. Все зависело только от него. Вымолви он хоть слово раскаяния...

Антуан. Вы обошлись с ним как с ребенком, которого отказываются поцеловать, потому что он не попросил прощения. С ним – оскорбленным, грубо отвергнутым...

Жанна. Если бы он был бережнее со мной в первые дни...

Антуан. Как мелко то, что вы говорите! Как это убого, ничтожно... Вас надо было беречь. Но – во имя неба – почему?

Жанна. Нет женщины, которая не поняла бы меня.

Антуан. Тем хуже для женщин... Несчастный, он вторгся в ваш надуманный мир со своим страданием, усталостью, желанием – я готов выкрикнуть это слово! – он разрушил вашу прекрасную целомудренную мечту! Невозможно не содрогнуться; я возненавидел бы вас, если б не был так же виновен, как и вы.

Жанна. Вы!..

Антуан. Да, я. Так же виновен, еще больше... О, как мне стыдно жить! Жить – это что-то, за что надо вымаливать себе прощение, когда они – там...

Жанна. Я не понимаю. Вам совершенно не в чем упрекнуть себя. Вы никогда не вставали между нами...

Антуан. Но пытаться вас сблизить уже значило встать между вами. Я и на это не имел права.

Жанна. Антуан, это безумие...

Антуан. А дети... он не ошибся... они были уже немного моими... Я должен уехать! (Вошедшему Ноэлю, который направляется к нему.) Оставь... (Уходит.)

Жанна (делает над собой огромное усилие). Ноэль, прости меня.

Ноэль. В чем дело?

Жанна. Прости... Ты видишь, я ни о чем тебя не спрашиваю. Что бы ни произошло с того дня, я прошу у тебя прощения. Это я виновата во всем: я должна была понять, согласиться... Я была черствой, неблагодарной, я ненавижу себя.

Ноэль. Остановись, довольно. Лучше скажи: это Антуан посоветовал тебе сменить тактику?

Жанна. Ноэль!

Ноэль. Если тебя коробит выражение, замени его любим, на собственный вкус... Впрочем, можешь не отвечать на мой вопрос. И так все ясно.

Жанна. Но умоляю тебя, не сомневайся в моей искренности!

Антуан. Ноэль. О, я не говорю, что ты ломаешь комедию. Но дирижирует все же

Жанна (с жаром). Антуан здесь ни при чем!

Ноэль. Ах!..

Жанна. Но каких ты еще хочешь слов? Мое поведение было мерзким... непростительным...

Ноэль. Скажем: невысказанным. Нужны еще синонимы?

Жанна. Ты мне не веришь!

Ноэль. Да нет, верю... И потом, я ведь завтра уезжаю, не правда ли? Так что это, что называется, «мысли на подножке» – в момент, когда мы кого-то заталкиваем в... в... вагон.

Жанна. О!

Ноэль. Я ведь не сказал – в гроб, я сказал: в вагон. Тогда нас одолевает раскаяние. Но только – чуточку запоздалое.

Жанна (еле слышно). Это не раскаяние... это не только раскаяние, это безумное сожаление! Ноэль, я тоже...

Ноэль (глядя на нее, скептически). Гм! Любопытно.

Жанна. Ноэль, ты увидишь...

Ноэль. Нет... Ты и этими чувствами поделилась с Антуаном? Он одобрил твоё намерение открыть мне их?

Жанна. Для меня нестерпима мысль, что ты уедешь... так вот, и я не буду твоей... (Не в силах сдержать рыдания.) Быть может, в последний раз!..

Ноэль. Именно; ты так в этом убеждена. Нет, все же здесь уж слишком уверовали в мою смерть... Если тебе это нужно, чтобы пробудить... впоследствии свои воспоминания, то, ты уж не обессуди, но я предпочитаю, чтобы все оставалось как есть.

Жанна. Только ради меня, Ноэль, только ради меня...

Ноэль. Не настаивай. Я не хочу быть несправедливым, но в конце концов мне все это может показаться... довольно отталкивающим.

Жанна (в отчаянии). О!.. (Страстно.) Послушай, Ноэль: то, что ты мне сказал в самый первый день – когда я не хотела... (шепчет ему на ухо.)

Ноэль (с глубокой грустью). Ну, это было бы уже венцом всего. Он стал бы говорить «папа» Антуану!..

Занавес

СЕМЬЯ ЖОРДАНОВ
(Le Regard neuf)

Пьеса в четырех действиях. Написана в 1919 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Морис Жордан
Элиза Жордан, его жена
Этьен, их сын
Агата Клеман, кузина Элизы
Лорансо, приятель Мориса
Рене Бургуан, дальняя родственница Элизы
Шарлотта, ее дочь
Леони, горничная

Время действия весна 1919 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Богато обставленная столовая в доме Жорданов. Общий банальный стиль нарушают отдельные предметы, свидетельствующие об изысканном, строго определенном вкусе: старинные фаянсовые блюда, вазы Делалагерша... Над невысоким буфетом с дорогой посудой – картина в духе постимпрессионизма. Две двери: одна – в глубине, другая – справа. Элиза Жордан – за столом, покрытым клеенкой; она производит расчеты. Морис Жордан и Лорансо стоя рассматривают картину. Лорансо надел пенсне; он курит.

Морис. Ну, как?

Лорансо. Гм! Недурно... (У него размашистый жест любителя.)

Морис. Надо полагать. Сколько воздуха!

Элиза. Пять и четыре, девять; удерживаю в уме... (Нарочито громко кашляет.)

Лорансо. А женская фигурка, между прочим, выпадает...

Морис. Да ну?

Элиза (едко). Он вам говорил, во что ему это обошлось?

Лорансо. Нет, сударыня...

Элиза. И правильно сделал. (Качает головой.) Подумать только...

Морис. Дружище, мне очень жаль, но ты говоришь чушь. Маленькая нимфа сюда вписывается восхитительно.

Лорансо (идя на попятную). Хорошо, хорошо, я не спорю...

Морис. Разумно.

Лорансо. Притом, от твоей лампы очень мало света.

Элиза. Шестнадцать свечей. Более чем достаточно, если учесть, сколько приходится платить за электричество. Ну вот, ошиблась.

Лорансо. Так как Этьен?..

Морис. Ты же его видел.

Лорансо. Да, мельком; парень мне показался в отличной форме.

Морис. О! И потом, ты знаешь...

Лорансо. Пусть зайдет ко мне в ближайшие дни позавтракать.

Морис. Да, да... как-нибудь на днях.

Лорансо. Все боишься, как бы у тебя его не украли! (Элиза

ухмыляется.)

Морис. Не могу привыкнуть к мысли, что можно не дрожать.

Лорансо. Но, мне кажется, после того как он побывал в переделке в Палатина...

Морис. Ну, а несчастный случай в тире, удар копытом при верховой езде... да мало ли что! Нет, старина. Когда я отправился его встречать на вокзал – ты не можешь себе представить...

Элиза. Ты говоришь так, словно меня при этом не было!

Морис. Да вовсе нет... Так вот, свежесть впечатлений этого ребенка, его абсолютная искренность... Слово пребывания на фронте освежило видение им мира: он оглядывает его как бы сизнова.

Элиза(встает и забирает с собой расчетную книгу). Здесь невозможно заниматься делом. И потом – настоящая курилка! (Нарочито кашляет.) Уж лучше мерзнуть в комнатах.

Лорансо(притушив сигарету). Прошу прощения. Если б я заметил, что вы кашляете... (Элиза, пожав плечами, уходит.)

Лорансо. Твоя жена меня не выносит.

Морис. С чего ты взял?

Лорансо. Тем не менее я нахожу, что иногда ты обходишься с ней довольно бесцеремонно.

Морис. Прибереги свое сочувствие для других. Поверь, Элиза умеет постоять за себя.

Элиза(приотворяя дверь). Если Агата объявится, дай мне знать.

Лорансо. Ваша кузина сейчас живет отдельно?

Морис. Она каждый вечер обедает с нами, с меня этого вполне достаточно.

Лорансо. Но мне эта молодая женщина показалась очень приятной.

Морис. Молодая женщина! Да ей тридцать шесть.

Лорансо. Ей их не дашь никак.

Морис. Заметь, я ничего не имею против нее. К тому же на ее долю выпало много бед... Не могу вспомнить без содрогания приезд Агаты к нам в восемнадцатом. Когда она прибыла из Сен-Квентена, где более года жила, не имея никаких вестей от мужа, и когда пришлось ей сообщить, что она его больше не увидит...

Лорансо. Так ты знал ее мужа?

Морис. Вполне заурядная личность, скорее всего, сильно пил, однако она явно питала самые невероятные иллюзии на его счет. Я лично вижу основной недостаток Агаты в том, что она, как-никак, протеже Элизы.

Лорансо. Но она же приходится Элизе двоюродной сестрой.

Морис. И что из того?... Вначале она жила у нас; теперь Элиза предоставила ей бесплатное жильё в одном из принадлежащих ей домов.

Лорансо. Я всегда говорил, что у твоей жены есть хорошие качества.

Морис. Возможно, если б они у нее отсутствовали начисто, наша совместная жизнь казалась бы мне более сносной.

Лорансо. Опять – парадокс!

Морис. А так я лишен возможности утверждать, что связан с чудовищем. Элиза, увы, совершенно нормальна; прискорбная посредственность соседствует в ней с целым рядом достоинств, которые, увы, не привлекают...

Лорансо. Ей присуще сострадание...

Морис. Да, но как нелюбезно оно выражается – и как хорошо она знает ему цену!

Лорансо. Ты тоже не без недостатков.

Морис. Она не оставляет мне даже чувства горечи и раздражения, которые я мог бы испытать, поняв свою неправоту.

Лорансо. И признавшись ей в этом?

Морис. Ну, нет. Вот – роскошь, которую с ней нельзя себе позволить. О, эти женщины, дружище!.. Из нас двоих, по-видимому, именно ты избрал верный путь.

Лорансо(вполголоса). Вчера я порвал с Франсиной.

Морис. Да ну, что это на тебя нашло? Что, она...

Лорансо. Нет, не думаю. После того происшествия, летом, все было спокойно; но я внезапно почувствовал, что с меня хватит и что в глубине души я ей не простил.

Морис. Что за громкие слова! В конце концов, ты ведь и сам...

Лорансо. Да, именно; и это тоже внушает мне отвращение. Видимо, я не создан для подобной жизни.

Морис. Действительно, ты мне всегда рисовался солидным семьянином, и вокруг тебя – с полдюжины ребятишек...

Лорансо. Вероятно, врожденный холостяк – это ты.

Морис. Нет, дружище. Семья, настоящая семья...

Лорансо. У тебя есть семья.

Морис. Нет. Жить в согласии – вот что должно было лежать в ее основе.

Из правой двери входит Элиза; вслед за ней – Агата.

Элиза. Тебе следовало позвонить.

Агата. Не хотелось терять времени.

Элиза. Так что все-таки случилось?

Агата. Даже не могу сказать толком. Это оказались такие дальние концы! И бесчисленные поездки в метро...

Элиза. Уж не требуется ли тебе такси?.. Ты заходила в газовую компанию?

Агата. Я сейчас оттуда; они придут проверить счетчик на той неделе.

Элиза. Нужно было бы – с завтрашнего дня. Будь ты понастойчивее... А перетяжка зонта? Ты была в мастерской?

Агата. Я с этого начала.

Элиза. Наверняка они запросили не меньше двадцати франков.

Агата. Двадцать два.

Элиза. Чудовищно. Сделают они хотя бы как следует за такую цену?

Агата. Они меня заверили. Здравствуйте, сударь. Добрый день, сударь.

лорансо. Я восхищен тем, как вы выдерживаете темп парижской жизни.

Элиза. Ты принесла мне образчик обоев для спальни – раз уж непременно хочешь сменить прежние?

Агата (вытаскивая образчик из сумочки). Вот. (Элиза рассматривает его.)

лорансо. Вы собираетесь окончательно обосноваться на новом месте, сударыня?

Агата. Что может быть в мире окончательного? Думаю, что пока останусь там.

Элиза. Нужно быть сумасшедшей, чтобы не удовлетвориться этой уютной квартиркой. В такое-то время... Однако рисунок мне не нравится, мы еще вернемся к этому. (Зовет.) Леони! Накройте стол.

лорансо (Морису). Вы сейчас постоянно находитесь здесь, в столовой?

Морис. Похоже, тепло можно поддерживать лишь в одной комнате.

Элиза. Разумеется. Подумать только, сколько поглощает эта ничтожная печурка...

Агата. Я пока сбегая еще по одному делу.

Элиза. Что за идея – выходить в такую погоду без надобности!

Агата. Мне нужно купить книгу.

Элиза. Морис тебе даст.

Морис. Дружок, книга – не зонтик, любая здесь не сгодится.

лорансо (нерешительно). Сударыня, если позволите, я выйду с вами.

(Пожимая руку Морису.) Старина, как-нибудь на днях зайду проведать тебя в твоей конуре.

Элиза. Вам следует его предупредить заранее, он там почти никогда не бывает. Отличнейшая сенекура!

Морис. Синекура, Элиза.

лорансо (Элизе). До свидания, сударыня. (Уходит с Агатой.)

Элиза (вслед Агате). Раз уж ты выходишь, принеси, пожалуйста, фунт винограда от Моро – не самого лучшего, разумеется... А главное, Шарлотта и Рене все равно ничего не ценят.

Морис. Они придут обедать?

Элиза. Как пить дать. Нет, но скажи на милость – покупать книги, не имея ни гроша!

Морис. Может быть, это книга по кулинарии?

Элиза. Зачем она ей? Агата завтракает в кафе-молочной, обедает у нас. Мне надо с ней серьезно поговорить. Я всей душой стараюсь ей помочь, но если она будет бросать деньги на ветер... Убеждена, что тут сказались твои вкусы. Кстати, сегодня принесли счет еще за какую-то ерунду.

Морис. За что?

Элиза. Журнал по искусству или что-то там еще... Я не уплатила. Ничего, зайдут снова. (Обращается к Леони.) Я вам бог знает сколько раз говорила, чтобы вы этот сервис оставили для приемов.

Леони. Но ведь будут гости.

Элиза. Мои невестка и племянница – не гости. (Морису.) Что с тобой?

Морис. Ничего.

Элиза. А то ведь никогда не знаешь, что тебе приходит на ум. Вообще-то... нет, минутку. (К Леони.) Ужас, до чего вы медлительны... Ладно, достаточно, остальное я доделаю сама. (Леони выходит.) Ясно, что мы ее не будем дольше держать. Теперь, когда Тен дома, я не потерплю у себя разбитных девиц.

Морис. Да ты шутишь. Неужели юноша, подобный Этьену, станет совращать горничных!

Элиза. Как знать! Я помню историю, случившуюся с Шарлем в ту пору, когда у нас служила маленькая арлезианка.

Морис. Но ты же не станешь сравнивать Этьена с твоим братом!

Элиза. А что такого? Прежде всего, если кто-то здесь и имеет право нападать на Шарля, так это я. Это мои деньги он угрожал на затею с удобрениями или с чем-то вроде того... Ты меня слушаешь?

Морис (глядя на часы). Надо же, еще только половина пятого. Лекции кончаются в шесть.

Элиза. Я надеюсь, ты не пойдешь за Теном к концу занятий?

Морис. За Этьеном. Почему бы и нет?

Элиза. Анекдот! (Морис пожимает плечами.) Послушай, не вынуждай меня высказывать тебе некоторые вещи.

Морис. Какие? Напротив, я был бы рад услышать их.

Элиза. Я не выношу, когда ты с ним такой. На днях... когда мы вышли втроем... разумеется, вы тут же забыли обо мне. Вы все время болтали. Ты даже не оглянулся, переходя улицу.

Морис. Брось, это смешно.

Элиза. Никто бы не нашел это смешным. Ты ведь знаешь, я безумно боюсь машин. Еще вчера, на проспекте Опера, я попросила какого-то господина помочь мне перейти улицу. Вы все болтали... О, вам было о чем поведать друг другу! Время от времени я пускалась бежать, чтобы присоединиться к вам; я бежала, Морис, в моем-то возрасте! Я пыталась вмешаться в вашу беседу, говорила о только что увиденном. Ты просто не отвечал; мальчик говорил: «да, мама», или «нет, я не заметил» и снова обращался к тебе. И я опять отставала от вас... Это ты называешь – выйти вместе! В какой-то момент ты положил ему руку на плечо и вы продолжали беседу так, словно были одни. Я плелась сзади.

Морис (мягче). Так что?..

Элиза. Нам повстречался кто-то, какой-то знакомый, вы остановились. Он очень вежливо поздоровался со мной, но ты меня даже не представил; и, не помню, в связи с чем, говоря о Тене, ты сказал: «мой сын»... словно это не наш сын! Словно я не горжусь, как и ты, его боевой наградой и вообще всем! Словно я – пустое место. Со мной обходятся, как с идиоткой!

Морис (потеплевшим тоном). Но, видишь ли, если бы ты проявляла чуть больше интереса...

Элиза (с горячностью). Чушь! Когда я высказываюсь по тому или иному поводу, мне затыкают рот. Да как! В прошлый раз, когда были приглашены на завтрак эти художники...

Морис. Да, знаю. Но это было за два дня до возвращения Этьена, я нервничал, мне кажется, это понятно.

Элиза. Если ты думаешь, что с тех пор, как он дома, ты стал менее нервным – могу тебя заверить, что ты очень ошибаешься.

Морис. Во всяком случае, в его присутствии...

Элиза. Так, значит, в его присутствии ты берешь себя в руки? Как мне приятно это слышать! Впрочем, в этом можно было не сомневаться. А он – он же всегда был таким мягким! – он великолепно видит твою нервозность. В ответ на каждое мое слово – целый электрический разряд... Почему, в конце концов? О, ты никогда не был слишком любезен, и все же это было не так, как в последнее время.

Морис. Не могу тебе объяснить. Я сейчас чувствую что-то такое...

Элиза. Да что мне за дело, что ты чувствуешь? Разве тебя интересует, что чувствую я? Тебе это абсолютно безразлично. В день его возвращения – не станешь же ты спорить – ты собирался ехать на вокзал один. Ты всячески старался, чтобы я не поехала. Говорил о сквозняках, о том, что поезда опаздывают, о моем больном горле... Тут ты вспомнил о моем горле!

Морис. Давай, давай, продолжай.

Элиза. А в такси по пути на вокзал ты рта не раскрыл!

Морис. Видишь ли, я из тех, кто в минуты очень сильного волнения ощущает необходимость побыть в одиночестве. (Помолчав.) Но, наверное, ты права. До его ухода на фронт я не был таким. Возможно, тревоги этих лет надломали меня душевно. Ты ведь знаешь, был период, когда мне казалось, что я не выдержу.

Элиза. А я?

Морис. Элиза, это вопрос темперамента.

Элиза. Ты ведь знаешь, у меня со здоровьем дело обстоит куда хуже, чем у тебя.

Морис. Может быть, это еще и оттого, что мы оказались с тобой с глазу на глаз, в полном одиночестве... Уехали все наши друзья, кроме Лорансо...

Элиза. Ну, будем теперь говорить об этом болване! Доктор Блондэн нашел, что с горлом у меня плохо. Придется опять делать прижигания.

Морис(безразличным тоном). Как это неприятно.

Элиза. Он настаивает, чтобы я непременно съездила летом на курорт.

Морис. Очень печально... Возможное действительно в чем-то сдал. Но и вы изменились.

Элиза. Кто – вы?

Морис. Этьен и ты. Он стал гораздо острее замечать какие-то вещи. Впрочем, так было уже во время его последних отпусков... Перед войной это был еще ребенок. С другой стороны, ты... совершенно очевидно, что ты... стала больше выказывать свой характер. Не думаю, чтоб он у тебя в действительности изменился – изменилось то, как ты держишься, манера разговаривать, в тебе появилась уверенность, какой я прежде не замечал. Может быть, это оттого, что со времени войны практические вопросы стали больше значить в нашей жизни и что тем самым твоя... твоя роль возросла?.. Все же...

Элиза (горячо). Что за дурной человек, господи боже мой! Сколько в нем злости!

Возвращается Агата.

Элиза. Что, этот дурень проводил тебя до самого книжного магазина?

Агата. Ты говоришь о господине Лорансо?

Элиза. Разумеется!

Агата. Я не знаю, почему он кажется тебе глупцом.

Морис. Она тоже не знает, но это несущественно.

Агата. Он производит впечатление весьма порядочного человека.

Морис. Это золотое сердце.

Элиза. Главное, простофиля. Все им всегда вертели, кому только не лень. Да достаточно взглянуть на него. Рот всегда открыт...

Морис(поднимаясь). Я пошел в Сорбонну за Этьеном.

Элиза. Это после всего, что я тебе сказала?

Морис. Я не понял. До свидания, Агата. (Уходит.)

Элиза. О!..

Агата. Что ты?

Элиза. Нет, ничего... Какую книжку ты купила?

Агата. «Триумф смерти».

Элиза. Ну и название! Кого это?

Агата. Д'Аннунцио.

Элиза. Это о ней Морис и Этьен говорили вчера вечером?

Агата. Да.

Элиза. Тебе бы ее дали почитать.

Агата. Элиза, я вправе иметь какие-то свои книги.

Элиза(горничной, на стук). Что там такое?

Леони. Сударыня, принесли телеграмму.

Элиза (берет телеграмму). Из Буржа. Какая-нибудь неприятность.

«Мирное улаживание дела продиктованных вами условиях невозможно но процесс может иметь неблагоприятный исход как быть желательны формальные инструкции». Ну вот. Мне надо ехать. Еще развлечение!

Агата. Что за процесс? Это по поводу того дела – о ремонте дома за счет арендатора? Но ведь в арендном договоре должно быть указано...

Элиза. Голубушка, я тебе объясняла тысячу раз...

Агата. Хорошо, можешь не повторять. Ну, а если написать очень обстоятельное письмо?

Элиза. С такими канальями это значило бы попусту изводить чернила. И потом, письмо: кто его составит? Морис?!.. Когда надо говорить, тут у меня все получается само собой, срабатывает инстинкт; а когда я оказываюсь перед бумажкой – ну, это уже совсем не то... Так что снова – расходы, трата сил. К счастью, у меня железное здоровье.

Агата. Все же ты должна побережь себя.

Элиза. Только не говори ерунды, ладно? Кто, кроме меня, этим займется? Он-то, с его ленью, он бы давно избавился от недвижимости – и на каких условиях! Страшно себе представить. Все, на что он способен, это

тратить. Знаешь, сколько стоил этот кошмар? Три тысячи пять франков уплачено за мазню, дитя мое, – каково? А я должна приноравливаться ездить в Бурж вторым классом. До войны со мной такого не бывало! Все эти вшивые фабричные ездят вторым, получая по сорок су в день. На днях я сказала об этом Морису – и знаешь, что он мне ответил? «Вот и отлично, поезжай третьим классом; наверняка встретишь там одних буржуа». А сам он – ему в путешествии подавай только спальный вагон... Вообще один бог знает, что они станут делать в мое отсутствие. И кухарка новая, она тут же усвоит дурные привычки, это сейчас в моде.

Агата. Но ты будешь отсутствовать очень недолго.

Элиза. Неизвестно. Вполне может случиться, что на это уйдет пять-шесть дней. (Решительно.) Послушай, милая, ты мне должна оказать услугу. Ты поселишься здесь на это время.

Агата. Не понимаю, в чем будет заключаться...

Элиза. А между тем дело нехитрое. Я не хочу по приезду застать в доме все вверх дном.

Агата. Но у меня нет для этого необходимых качеств.

Элиза. Ты смеешься. Все, что требуется, это заботливость и авторитет.

Агата. Именно: я не умею заставить повиноваться.

Элиза. На самом деле тебе это неприятно, уж лучше было бы сказать мне это начистоту. Я признала бы, что это весьма любезно с твоей стороны.

Агата. Но, Элиза...

Элиза. Мне кажется, что после того, что я сделала... Впрочем, ты, конечно, свободна. Не в моем характере напоминать людям, каких хлопот и денег они мне стоили: если они этого не понимают сами, тем хуже для них.

Агата(сдерживаясь). Во-первых, я не убеждена, что это не будет крайне неприятно твоему мужу.

Элиза. Почему?

Агата. Я раздражаю его. Ни он, ни твой сын не будут испытывать ни малейшего желания видеть меня рядом во все время твоего отсутствия.

Элиза. И что из того?

Агата. Терпеть не могу навязываться.

Элиза. Известно, что ты гордячка.

Агата. Будь я гордячкой, как ты выражаешься, – уверяю тебя, меня бы здесь давно уже...

Элиза. Гм... (Молчание.) Так ты боишься помешать им вволю попользоваться моим отсутствием? Пожалуйста, не возражай. Отец и сын будут иметь удовольствие остаться наедине друг с другом. «Наконец одни», – как говорится в той дурацкой пьесе, которую я видела на днях. Докучливая жена хоть раз уедет. Важно будет извлечь отсюда выгоду... Но именно это меня и не устраивает. Я разрушу их тет-а-тет. Ты их стесняешь – тем лучше! Ты поняла?

Агата. Неуверена.

Элиза. Но тут не требуется большого ума.

Агата. Ты что... не доверяешь своему мужу?

Элиза. Я? Не доверяю? О, дело вовсе не в этом – если ты это имеешь в виду. Мориса я бы оставила в Париже одного хоть на три месяца – пусть бы спал с кем ему заблагорассудится, я бы и пальцем не пошевелила! Но меня не устраивает, что он окончательно перетянет на свою сторону мальчика, он станет измышлять невесту что насчет меня. Все же в твоём присутствии он воздержится от каких-нибудь чудовищных нелепиц... В конце концов, то, о чем я прошу, так естественно! Да ты просто бессердечна.

Агата. Элиза, но здесь вопрос элементарной деликатности...

Элиза. Ненавижу это слово! Одни, ссылаясь на деликатность, позволяют вить из себя веревки, другие отказываются делать то, о чем их просят; у меня нет никакой деликатности, и я горжусь этим. Эта добродетель для таких, как Морис. К тому же так удобно быть деликатным. Это не мешает жениться на богатой, не имея в кармане ни единого су.

Входят Морис и Этьен.

Элиза (Морису). Тут у меня неприятность. Завтра утром мне надо ехать в Бурж: дело Роберто принимает скверный оборот, и поскольку возможно, что мне придется отсутствовать несколько дней, Агата на это время переселится к нам.

Агата. Элиза!

Элиза. Мы договорились. Только я должна тебе показать кое-что в

доме. И чем скорее, тем лучше; пойдём.

Агата (тихо). Ты поступила дурно! (Выходят.)

Морис. Что все это значит? Мы должны будем терпеть присутствие этой вдовствующей воблы? Ну, нет! Подожди меня, я поговорю с твоей матерью.

Этьен. Не нужно, папа, прошу тебя; не сейчас. Агата выглядела явно очень удрученной.

Морис. Гм!

Этьен. Мне кажется, ты не вполне справедлив к ней. И потом... у нее всегда страдающий вид, а безутешный человек не может быть совершенной посредственностью.

Морис. Безутешный! Что за громкие слова! Вспомнить только ее мужа, это жалкое ничтожество... Может быть, она и прежде была такой. Есть дети, у которых всегда – вид жертвы, безо всякой на то причины. Слово их заставляют выпить рыбий жир.

Этьен (улыбаясь). Каким же ты, однако, можешь быть злокой!

Морис (с неожиданной нежностью). Я рассчитываю стать добрее благодаря тебе... Видишь ли, это, может быть, не только моя вина.

Этьен. Папа, тебе незачем оправдываться!

Морис. И потом, в действительности я бы хотел, чтобы ты знал мои недостатки. Впрочем, обнаружить их нетрудно!

Этьен. Как замечательно, что мы можем так доверять друг другу! И это всецело твоя заслуга. До чего ты не похож на других отцов!

Морис. Ты так считаешь?

Этьен. Взять хотя бы то, что ты мне говорил на днях относительно твоих переживаний, когда я был на фронте. Не думаю, что найдется много мужчин, чувствовавших так. Женщин – да. Я часто видел письма, которые писали моим товарищам их отцы; они ничем не напоминали твои. Речь шла о наступлении, о больших пушках, о новых удушливых газах, об американской помощи; на завтра всегда пророчилась победа. Это были ободряющие письма. Ну а ты мне никогда не писал ободряющих писем.

Морис (улыбаясь). Но это было очень плохо с моей стороны.

Этьен. Ты знал, что письма такого рода мне не помогут.

Морис. Так что же, мои и в самом деле...

Этьен. О, папа!.. От мамы тоже было очень приятно получать письма.

Морис. Не сомневаюсь.

Этьен. Но они были столь несхожи... Вы никогда не показывали своих писем друг другу?

Морис. Нам бы и в голову это не пришло.

Этьен. Я так и думал. Твои письма были словно письма брата. Даже – не старшего брата. Не могу тебе объяснить... так что когда я временами думал, что, может быть, не вернусь, – ведь в глубине души у меня не было той уверенности, какую я стремился выказывать... И все же я не до конца осознавал...

Морис. Что именно?

Этьен. Что я так нужен тебе... Я говорил себе: конечно, библиотека Сент-Бёв не много значит; но – он пишет труды, он будет путешествовать. На свете столько прекрасного, столько еще надо повидать! Подчас я больше боялся за маму.

Морис. В самом деле?

Этьен. Да, но так было до последней побывки; с тех пор, мне кажется, я стал лучше во всем разбираться. И... когда я думаю о том, что могло случиться, меня охватывает ужас, я задаюсь вопросом...

Морис (спокойно). Мой мальчик, это совсем просто. Если бы ты не вернулся, я бы свел счеты с жизнью.

Этьен. Папа!

Морис. Для меня это было решено.

Этьен. Тебя не остановила бы мысль о маме?

Морис. Н-нет... Не думаю.

Этьен. Так ты готов был оставить ее одну на свете? Бог мой...

(Умолкает, Морис с тревогой наблюдает за ним.) Но ты не имел права на это!

Морис. Что значит – «права»? Если только исходить из убеждения, что жизнь была нам вверена... ну, допустим, как вклад...

Этьен. Или как пост. Разве нужно обязательно находиться в траншее, чтобы ощущать себя на страже?

Морис. Иногда мне доводилось чувствовать нечто подобное. Но это впечатление было таким мимолетным.

оба замолчали, думая каждый о своем. Молчание прерывает Этьен.

Этьен. Ты знаешь, я много размышлял. Особенно – в последнее время, в Германии. Мне пришли на ум некоторые вещи... я расскажу тебе; правда, боюсь, что мы разоидемся во мнениях.

Морис. Но почему ты боишься этого? Признайся, ты думаешь, что я закостенел? Мой мальчик, если б ты знал, как мало это соответствует действительности! Как я хочу тебя понять! Страшная вещь – замкнуться в себе, закостеть... Поверь, мне это не грозит.

Этьен(с теплотой). Ты и в самом деле решил, что я этого боюсь?

Морис. Увы, это обычная вещь. Мой отец... как-нибудь я тебе расскажу поподробнее о твоих предках, ты о них почти ничего не знаешь. Но что касается меня... ты и вообразить не можешь, до какой степени я готов отринуть большую часть своего прошлого. Этьен, у нас были дурные учителя; нас надо переделывать.

Этьен. Кого – «нас»?

Морис. Тех, кого я называю полустариками: Лорансо, меня, многих других. Так что не жди от меня мрачной иронии, свойственной людям «с опытом». Что он мне дал, этот опыт, до сих пор?

Этьен. Папа, ты так разволновался!

Морис. Я рассчитываю на тебя – ты не представляешь себе, в какой степени! Дорогой, я, конечно, не знаю, но если ты за это время обрел некую веру, то – мало сказать, что я буду ее уважать. Дурацкое слово: уважать. Я буду счастлив, если смогу ее разделить. Только от тебя будет зависеть – ты и не подозреваешь, в какой мере, – чтобы я не состарился в никчемности, в лени мысли. По натуре я...

Этьен. Но я не знаю, что ты вообразил, папа; это вовсе не вера, в религиозном смысле: я не посещаю никакой церкви и даже не убежден, что верю в Бога. Это лишь ощущение, что истина, видимо, на стороне верующих. Вот, скажем, молитва. Я не могу молиться. Я пытался на фронте; например, однажды ночью... я тебе когда-нибудь расскажу... одно воспоминание о ней заставляет меня содрогнуться... Папа, умоляю тебя, ведь все уже позади, ведь я здесь! Но теперь мне кажется, что есть нечто, чего я не знаю и не умею, но что мне, может быть, когда-нибудь... будет дано.

Морис. Да, конечно.

Этьен. Как это замечательно – чувствовать, что ты не насмеяешься надо мной!

Морис. Смеяться? Над тобой!..

Этьен. Да, потому что когда люди любят – как мы с тобой – ясность, четкие, завершенные линии, чистоту – в рисунке, в музыке – то увлеченность чем-то смутным, неопределенным может показаться деградацией. Однако бывают минуты, когда действительно чувствуешь себя погруженным... поглощенным чем-то... Словно какая-то стихия находит на тебя извне, но в этом нет ничего пугающего; такое вторжение чудесно... (После паузы.) О, очень возможно, что все эти ожидания могут реализоваться на самом деле недорогой ценой. (С уверенностью.) Но как раз этого я не хочу. Не хочу.

Морис (серьезно). Да, ты прав: до тех пор, пока в тебе будет жить это чистое рвение...

Этьен. Главное – оставаться честным. И потом я хотел бы... давать.

Морис. Давать?

Этьен. Да. Быть проводником жизни, света. Быть в помощь вам обоим. (Тихо.) Особенно тебе, папа.

Морис (глубоко растроганный). Благодарю, мой мальчик. Благодарю тебя.

Входит Агата. Она явно взволнована.

Агата. Морис, можно вас на два слова?

Морис (удивленно). Разумеется. А Этьен помешает?

Агата (после колебаний). Нет... нет, пожалуй. Так вот... Элиза так настаивала на том, чтобы я провела здесь эти несколько дней...

Морис. Да, знаю.

Агата... что я не могла ей отказать. Но я хотела бы вам сказать, что мне это крайне неприятно. Так что... хотя бы не сердитесь на меня.

Морис. За что я должен на вас сердиться?

Агата. Я знаю, вы предпочли бы быть только с сыном в отсутствие Элизы. Это так естественно... Еще кто-то за столом вам будет в тягость. К

сожалению, мне часто приходится делать то, чего совсем не хочется (грустно усмехается), иначе... Повторяю, у меня не было возможности отказаться. Но обещаю как можно меньше вас обоих стеснять. Бывают скромные компаньонки, с которыми встречаешься только за столом.

Морис. Ну, зачем вы так!..

Этьен деликатно отходит в сторону; достает свою записную книжку, листает ее.

Агата (понижив голос). Уверю вас, я поняла, как вы любите сына и что значит для вас лишний час, проведенный с ним. Возможно, именно потому, что мне это стало ясно, я могла стерпеть... (Умолкает.)

Морис. Что?

Агата. Ничего, это несущественно. Только не думайте, пожалуйста, что я с легкостью согласилась... Вы, кажется, удивлены?

Морис. Признаюсь, я не предполагал...

Агата (не без горечи). Естественно, вы никогда не казались мне особенно пронизательным... (Говорит громче.) Так ваша золовка придет сегодня с дочерью на обед?

Морис. Да. Вот уж кто несносен!

Агата. По правде говоря, они и мне не слишком симпатичны.

Этьен. Я уже три года не видел тетю Рене, ведь она только с лета живет в Париже.

Морис (Агате). Девочка страшна как смертный грех: вы не находите?

Агата. Но черты у нее недурны.

Морис. Ну, а этот творожный цвет лица! Как бы не кончилось туберкулезом, как у ее отца... Звонят, это они. (Этьену.) Пойдем... Агата, будьте так любезны, примите их.

Этьен. Боюсь, что это не очень...

Морис. Идем, идем. (Оба выходят из комнаты.)

Рене и Шарлотта входят в сопровождении горничной.

Агата. Добрый день, сударыня; добрый день, мадемуазель...

Рене (сухо). А мадам...

Агата. Кузина сейчас подойдет, она, наверное, не совсем готова.

Рене. Я не думала, что Элиза так занята.

Агата. У нее проблемы с одним из арендаторов.

Рене. А, да; вот она, обратная сторона медали.

Элиза (за сценой). Агата! Подойди на секундочку, прошу тебя! Я тебе не показала, где в доме белье.

Агата. Извините меня, пожалуйста. (Выходит.)

Рене. Очаровательный прием!.. Хотелось бы знать – что, эта Агата Клеман всю жизнь проводит здесь? Я-то на ее месте предпочла бы голодать. Нет у людей сейчас гордости... Что за странная идея – принимать в столовой! Вероятно, чтобы мы заранее восхитились кушаньями?.. (Смотрит на стол.) Это – не тот красивый сервиз.

Шарлотта. По-моему, тетя Элиза в прошлый раз сказала, что отапливают только эту комнату.

Рене. Может быть. В каких-то вещах твоя тетка – скряга... ну а с нами она, разумеется, не церемонится. Придется после обеда оставаться здесь, вдыхать запах еды, от которого меня тошнит, или идти мерзнуть в гостиную. Если только не откроют здесь окно – может, додумаются! Ах, если будет омлет, я его в рот не возьму: в прошлый раз он был из яичного порошка, и мне всю ночь было плохо. Имея средства, можно бы и не покупать эту мерзость. Я...

Шарлотта. Это дядя Морис привил моей тете такие привычки?

Рене. Ни в коем случае! Он только и умеет, что тратить женины деньги.

Элиза (входя). Здравствуй, моя хорошая. Как дела, малышка? Извините, я вас заставила ждать. Но не задержись я на кухне, вы бы остались без обеда. Нечего сказать, спокойная жизнь!

Рене. Не жалуйся. Вот была бы ты на моем месте...

Элиза. Да, конечно. Но что у тебя за хозяйство в сравнении с моим! И потом, Забет преданная служанка.

Этьен (входит с отцом). Здравствуй, тетя Рене; здравствуйте, Шарлотта.

Морис. Здравствуйте.

Рене. Добрый день. (Элизе.) Ты знаешь, Забет очень сдала, притом она гложет.

Шарлотта. И становится неопрятной. Вы и представить себе не можете, тетя, до какой степени.

Элиза. Я тебе еще в прошлом году говорила: зря ты ее держишь. Прислуга после какого-то возраста...

Рене. Нельзя же вышвырнуть за дверь женщину, которая проработала у тебя двадцать пять лет...

Элиза. Неважно, если ты нашла помоложе за ту же плату... К тому же для этих людей существуют приюты.

Рене. Платные.

Элиза. Не обязательно.

Рене. Ну, тогда это для прислуги депутатов.

Элиза. Может быть. И все-таки было бы лучше, если бы ты меня послушала. (Указывая на Шарлотту.) Ну а она – как она себя чувствует?

Рене. Да не блестяще, как всегда. Мы ходили к Сабурену.

Элиза. Так. Пятьдесят франков – псу под хвост. Сколько раз я тебе говорила, что от этих «светил» мало проку!

Рене. А многие на этот счет другого мнения.

Элиза. Вот уж меня это не волнует, я знаю, что говорю. На вот, посмотри, я вырезала из газеты специально для вас.

Рене. Не люблю газетных объявлений.

Элиза. Все-таки можно туда написать.

Рене (читает). «Мадемуазель Аглае Монтилье, улица Пот-о-Роз, 26, Нуаршан». Отметь у себя, Шарлотта. Ну, уж марки для ответа мы не приложим. (Шарлотта достает из сумочки авторучку и блокнот.)

Элиза. Что, у нее теперь – автоматическая ручка?

Рене. За пять франков девяносто пять сантимов.

Элиза. Это самые хорошие.

Этьен (Морису, почти с содроганием). Папа, как ты это...

Морис. Что, дорогой?

Этьен. Нет, ничего. (Берет руку отца в свою и крепко сжимает ее.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Спустя несколько дней. Место действия – прежнее. В комнате – Морис и Агата.

Морис(шутливо). Агата, мне только что в библиотеке нанес визит Лорансо.

Агата. Да?

Морис. Вы совсем не догадываетесь, какими планами он со мной поделился?

Агата. Не имею ни малейшего представления.

Морис. Он пришел единственно для того, чтобы поговорить со мной о вас, и сообщил мне о своем намерении... жениться на вас.

Агата. Он с ума сошел. Он меня совсем не знает – так же, как я его.

Морис. Он убежден, что вы – именно та женщина, которая ему нужна.

Агата. Это ребячество. Однако я не прочь узнать, что вы ему ответили.

Морис. Мне оставалось только слушать.

Агата. Я считаю, что вы могли, и должны были, уговорить его отказаться от столь абсурдных планов.

Морис. Почему – абсурдных? Пусть вас не вводит в заблуждение его седина, Лорансо на год моложе меня.

Агата. Вопрос не в этом.

Морис. Это очень порядочный малый, из него выйдет отличный муж. И

если его до сих пор не оседлали...

Агата. Вы сами не можете удержаться от употребления комичных словечек, говоря о нем.

Морис. Что поделаешь? Слово «оседлали» ему очень подходит.

Агата. И вы хотите, чтобы я принимала его всерьез!

Морис. Он бы женился давно, попадись ему женщина, о которой он мечтал. Лорансо долгое время жил с матерью, женщиной замечательной во всех отношениях, но с непростым характером, которую он боготворил. Он посвятил себя ей до ее последних дней. Это трогательно, согласитесь.

Агата. Не спорю.

Морис. Странное у вас выражение лица!

Агата. Скажите, он поручил вам уведомить меня о своих намерениях?

Морис. Он попросил меня прозондировать почву.

Агата (с иронией). И вы тут же выполнили его просьбу...

Морис. Так что же, я должен был исподволь готовить вас к этой новости?

Агата. Поскольку вы совершенно не знали, какое впечатление она на меня произведет, – да, конечно, вы должны были бы действовать не столь грубо и прямолинейно!

Морис. Вот это действительно выпад.

Агата. Я вам уже говорила: мне кажется, вы не вполне представляете себе, что я чувствую и как следовало бы со мной держаться.

Морис. Но согласитесь, вы никогда не предоставляли мне возможности подобного анализа... Я вас узнал лучше – совсем чуть-чуть! – с момента отъезда Элизы, за эти шесть дней. Согласитесь, это небольшой срок. До тех пор вы почти не общались со мной.

Агата. И тем не менее вы не замедлили составить себе определенное мнение обо мне. Но, конечно, я слишком многого требую от человека, столь скорого на выводы и столь самоуверенного.

Морис. Однако ваши слова просто злы!

Агата. Вас удивляет даже это. Вы полагали, что я слишком глупа, чтобы быть неприятной, не так ли?

Морис. Вы несправедливы, Агата. Я не утверждаю, что не ошибался на ваш счет, но я ведь не судил вас.

Агата. Давайте не будем играть словами, хорошо?

Морис. Меня смущает то, что вы, насколько я мог заметить, не выказывали никакого доверия ко мне.

Агата. Неужели?

Морис. Вы были всегда так сдержанны...

Агата. Что тут удивительного? Чего вы, собственно, ожидали? К тому же это не так. Вы никогда не делали ни малейшей попытки внушить мне доверие, хотя сейчас и говорите об этом. Ваше отношение ко мне было неприязненным с первой минуты.

Морис. Уверяю вас, во мне говорило лишь чувство сострадания.

Агата. Уж очень глубоко затаенное. О, поверьте, я несколько не жалею об этом; не сомневаюсь, что если бы вы захотели обнаружить свое сочувствие, то сделали бы это в такой форме, что оно только оскорбило бы меня.

Морис. Отлично! Надо будет мне предупредить Лорансо, что стоит вам завестись, как...

Агата. Пожалуйста, не возвращайтесь к этой теме, мне это неприятно. Ваш друг полностью заблуждался на мой счет, да и вы судили обо мне не лучше... Сделайте хотя бы так, чтобы мне не пришлось самой объясняться с ним. Любой демарш с его стороны я расценю как крайнюю бестактность; так ему и скажите.

Морис. Разрешите вам заметить, что вы воспринимаете все это не вполне адекватным образом.

Агата. Так, по-вашему, я должна быть тронута, польщена? Как! Мужчина, недурен собой, состоятельный – во всяком случае могу это предположить – и я имела счастье понравиться ему!.. Так нет, знайте же: это столь «заманчивое» предложение вызывает у меня отвращение. Прежде всего – кто дал вам обоим право думать, что я мечтаю изменить свою жизнь? Вы даже не задавались этим вопросом, для вас слишком очевидно, что я жду предложений, ловлю подходящий случай... Так вот, вы оба ошиблись. Я ни за что больше не выйду замуж.

Морис. Сколько горячности! Вы в самом деле хотите, чтобы я убедил беднягу Лорансо не искать встречи с вами?

Агата. Предупреждаю вас: если он придет сюда, я его не приму.

Морис. Откуда ты?

Этьен. Я провел пару часов с Андре Кутелье. Он приехал из Чехословакии и жаждет вернуться туда. Все, что он рассказывает об этой новой стране, поистине вдохновляет! Он видел Масарика вблизи и восхищен им.

Морис. Не знаю... Я как-то не доверяю этим чехословакам. Можно ли рассчитывать на славян? Боюсь, нас и здесь ждут разочарования.

Этьен. Ты ошибаешься. Нужно больше верить. Согласись, они страдали, они страстно боролись за свободу; так почему же они должны оказаться недостойными ее?

Морис. Дай бог, чтобы ты оказался прав.

Этьен. Завидую Андре: чувствуется, что пребывание там обогатило его, укрепило веру в значимость великих простых идей, которые у нас уже задохнулись, потонули в словах. Слово души его проветрилась. Клянусь тебе, я ему глубоко завидую. А вы, Агата, – скажите, вам ясна моя мысль?

Агата. Мне кажется, да.

Этьен. Быть может, именно там, у этих призываемых к свободе народов, можно видеть рождение...

Морис. То, как ты сейчас говоришь, напоминает мне публицистику Романа Роллана. Я далеко не в восторге.

Агата. По-моему, Этьен, проблемы слишком серьезны, чтобы стоило поощрять подобного рода смелые эксперименты, сколь бы привлекательны они ни были. В такие минуты, думается мне, следует занимать более умеренную позицию.

Морис. Вы не представляете себе, до чего я согласен с вами!

Этьен. И, однако, я не уверен, что вы оба правы. Мы переживаем фантастическое время – но разве наше общество способно оценить те великие зарождающиеся движения, которые сейчас всколыхнули мир!..

Морис. Что ты имеешь в виду, говоря «движения»? Большевизм?

Этьен. Да, возможно. Знаем ли мы, что это такое?

Морис. Знаем отлично.

Этьен. В таком случае ты осведомленнее меня. Со своей стороны, я считаю, что сейчас самым правильным было бы поехать на год или на два в Россию, на такой же срок – в Германию и, может быть, на несколько месяцев – в Соединенные Штаты. Папа, грустно признаваться, но Франция – уже не средоточие и не лаборатория новых идей. Смелые опыты...

Морис. Боюсь, не слишком ли много иллюзий ты питаешь по поводу этих опытов. Я убежден, что по сути это все тот же старый рефрен... те же утопические мотивы.

Этьен. Но даже если допустить, что в самом учении нет ничего нового, разве не вызывает восторга то, как людям удается реализовать их в современной жизни?

Морис. Перед нами, французами, сейчас стоят сравнительно скромные задачи, но они важны и не терпят отлагательства. Поиск, которому ты собираешься себя посвятить, ни на йоту не продвинет их решение.

Агата. Да, и в настоящий момент следует руководствоваться именно этим соображением.

Этьен. Не знаю... я чувствую иначе. Мы нуждаемся не в тех или иных ухищрениях, а в глубокой реформе, которая бы основывалась...

Морис. Дорогой мой, признаюсь, мне тягостно слышать эти фразы оратора в твоих устах... Ну, я пошел.

Этьен(глядя ему вслед). Что это с папой? Отчего он так внезапно нас оставил?

Агата. Вы не догадываетесь?.. Он почувствовал в вас слишком горячее желание воплотить новые социальные идеи в жизнь: его потрясла мысль о предстоящей разлуке.

Этьен. Да, дело, очевидно, в этом. Но ведь он же знает...

Агата. Что знает?

Этьен. Что я ни за что на свете не стал бы огорчать его.

Агата. Так какой же выход?

Этьен. Во-первых, он прекрасно мог бы какое-то время провести со мной, в Берлине или в Праге, например.

Агата. С вашей матерью?

Этьен. Или без нее. Ведь... (умолкает.)

Агата. Я плохо представляю себе это путешествие вдвоем. У вашего отца уже не то здоровье, что было когда-то. А там плохо с питанием.

Этьен. Если бы он понял, что речь идет о моем будущем...

Агата. Было бы довольно немилосердно стараться убедить его в этом.

Этьен... ну, хорошо, можете обвинить меня в том, что я вмешиваюсь в ваши дела, но, прошу вас, откажитесь хотя бы на время от мысли о зарубежном путешествии. По-моему, вы не очень ясно представляете себе, что значило бы для него потерять вас снова. Да, потерять... Вы не наблюдали его, как я, в течение всей этой зимы и не можете себе это вообразить. Вы говорите о нескольких годах так, словно это недели.

Этьен. Но отец не стар. (С тревогой.) Вам кажется, что его здоровье под угрозой?

Агата. Клянусь вам, нет! Но ведь дело не только в физическом здоровье... Не надо без нужды заставлять его страдать. Впоследствии мы жалеем об этом; это ужасно.

Этьен. Агата, я до глубины души взволнован вашими словами...

Агата. Как бы мне хотелось, чтобы это было так... Это оправдало бы в моих глазах мое пребывание здесь.

Этьен. Благодарю вас за то, что вы говорили со мной с такой откровенностью. Не знаю, что меня больше трогает: желание предостеречь меня от дурного поступка или ваша забота об отце.

Агата. Да, вот еще что... Ваш отец не должен знать, что я взяла на себя смелость дать вам этот совет.

Этьен. Почему?

Агата (с горечью). Я полагаю, он отнесся бы к этому без вашей снисходительности и поинтересовался бы, почему я, собственно, в это вмешиваюсь.

Этьен. Он не может не оценить мотивов, которые движут вами!

Агата. Ваш отец не питает ко мне симпатии, ни, тем более, уважения. У меня только что был повод убедиться в этом. Разве вам так трудно иметь от него этот пустяковый секрет?

Этьен. Да. Во-первых, несмотря на ваши слова, я уверен, что он был бы глубоко тронут, если бы узнал...

Агата. Что я действовала в его интересах? С вашей стороны очень любезно желать, чтобы он изменил свое мнение обо мне.

Этьен. Я должен вам еще раз сказать...

Агата. Но для меня такая перемена не имеет значения, а если быть совсем откровенной, то я этого и не хочу. (Молчание.)

Этьен. Будет, как вы просите.

Леони (входит). Пришел господин Лорансо. (Нервное движение Агаты.)

Этьен. Любопытно! Агата, пожалуйста, не уходите; я знаю, что он будет рад видеть вас.

Входит Лорансо.

Лорансо. Добрый день, Этьен. Как поживаете, сударыня?

Агата. Отлично, сударь, благодарю вас. (Сухо.) Вы меня извините, мне нужно отдать кое-какие распоряжения.

Лорансо (тихо). Нет, останьтесь, пожалуйста. (Агата направляется к двери.) Госпожа Клеман, если вы согласны меня выслушать... я хотел бы потом сказать вам два слова, правда, это не к спеху.

Агата. Но я собираюсь уходить.

Этьен. Ну, значит сейчас. Если я мешаю...

Агата. Разумеется, господин Лорансо не скажет мне ничего такого, чего не следовало бы слышать другим.

Лорансо. Но...

Агата (теряя терпение). Впрочем, в этом нет надобности. Поверьте мне. Я, скорее всего, догадываюсь... о чем вы хотели бы поговорить со мной. Это будет бесполезно. Не мучайте меня, сударь.

Лорансо. Клянусь, я не понимаю... Я вправе попросить вас выслушать меня.

Агата. Ну а я вправе отказать. Почему я вечно должна быть в чьем-то распоряжении?... Возможно, я услужлива, но всему есть предел!.. (Уходит, готовая разрыдаться.)

Лорансо. Этьен, милый, что все это значит?

Этьен. Это я вас должен спросить.

Лорансо. Она явно догадалась... или, вероятнее всего, твой отец предупредил ее: но отчего же ей не выслушать меня? Что, она сегодня была как-то особенно нервна?

Этьен. Не знаю. Когда я вошел сюда, это было несколько минут назад, она мне показалась бледнее обычного.

Лорансо. Она была одна?

Этьен. Нет, с папой.

Лорансо. А!..

Этьен. Вы поручили ему переговорить с ней?

Лорансо. Я терзаюсь вопросом, что он такое сказал. Сумел ли он подойти к ней!.. В конце концов, Этьен, ну что в этом оскорбительного? Даже если она собралась отказать мне, даже если она любит другого...

Этьен. Я совершенно уверен, что она никого не любит. Кого она видит, кроме нас троих? Она не знает в Париже ни души... Может быть, просто верность памяти мужа делает для нее эту мысль невыносимой?

Лорансо. Но ты ведь не хуже меня знаешь, что представлял собой ее муж. Нельзя же вечно оплакивать пьяницу!

Этьен. Папа может и преувеличивать; ему случается быть несправедливым. Что, если Агата была счастлива в браке?

Лорансо. Заверяю тебя, эта женщина и представления не имеет о том, что такое счастье. Вот это-то меня терзает больше всего! Тебе не кажется, что она еще может передумать? Она тебе симпатизирует, добейся от нее, чтобы я был выслушан. Ну, не комедия ли, что я тебя избрал посредником в этой истории – в твоем-то возрасте!.. Да нет, ладно, я знаю, что ты меня любишь. Если бы ты только мог представить себе... Я ведь тоже никогда не был счастлив, да и не сделал ничего особенно хорошего. Вот только бы она отнеслась ко мне всерьез... Может быть, твоя мать при ней дурно отзывалась обо мне?

Этьен. Мама не слишком близка с Агатой.

Лорансо. Верно; глупо было предположить такое. Но что же тогда? Однако ведь всегда можно дать человеку возможность объясниться! Вряд ли ей так уж часто доводилось слышать слова, которые я собираюсь ей сказать.

Этьен. Может быть, она испытывает невольный страх перед возможным счастьем.

Лорансо. Не смей меня, пожалуйста. Так не бывает. Разве что у невротиков, у людей закомплексованных; но в ней мне нравится именно то, что это натура прямая, цельная, в ней нет ни малейшей раздвоенности. Поговори с ней, Этьен, дорогой, убеди ее уделить мне хотя бы четверть часа.

Этьен. Но как я могу добиться того, в чем не преуспел папа?

Лорансо. Абсолютно не представляю.

Этьен. У него, конечно, больше влияния на нее, чем у меня.

Лорансо. Ты полагаешь?

Этьен. Она очень считается с его мнением, они часто бывают единомышленны в суждениях. Вот, например, только что...

Лорансо. Но он же не умеет с ней разговаривать, он ее не понимает! Отец мне сам признавался. (Распаляясь.) Я уверен, что он не нашел нужных слов!

Этьен. Мне кажется, он сейчас судит о ней совсем иначе, нежели несколько дней тому назад. Со времени маминого отъезда он имел возможность гораздо лучше узнать ее.

Лорансо. Он тебе это говорил?

Этьен. Нет, но я это вижу.

Лорансо. Этьен, милый, повторяю, я рассчитываю только на тебя. Всего четверть часа; я не прошу о большем. (Встает.)

Входит Морис.

Морис. А, вот и ты! Ну как? Удался тебе твой план?

Лорансо. Она отказалась меня выслушать. До свидания.

Морис. Почему ты прощаешься, старина? Можно подумать, что ты сердит на меня. Но тут нет моей вины!

Лорансо. Вот в этом я как раз не уверен. Хотелось бы знать, как именно ты ее информировал о моих намерениях. Только не сейчас.

Морис. Я ей сообщил о них самым естественным образом – и сразу обнаружил, что она встретила эту новость плохо.

Этьен. Кажется, я забыл свои часы...

Лорансо. Останься, мой мальчик, здесь ничего секретного.

Морис. Боюсь, мы с тобой оба несколько заблуждались на ее счет; по сути это весьма сложный человек. Она жила чересчур уединенно, замкнуто, в ней накопилось столько горечи; этого не скажешь, глядя на ее невозмутимое лицо. Должно быть, она слишком много перенесла. Может быть, страдание и формирует душу, но не улучшает характера, и я не уверен, что это

действительно та женщина, какую тебе могли бы пожелать твои друзья. Я вынашивал для тебя другие планы и, поскольку ты наконец решил следовать моим советам...

Лорансо. Я тебе весьма признателен, но кроме нее мне никто не нужен! (Уходит.)

Морис (спеша за ним). Ну стой, не уходи так!.. Что за муха тебя укусила! (Через минуту возвращается.) никогда не видел его в таком возбуждении.

Этьен (после небольшой паузы.) Папа, ты больше не сердись на меня? Не стоило принимать так близко к сердцу то, что я только что говорил!

Морис. Это по поводу задуманного путешествия?

Этьен. Да. Ты же знаешь, как я легко воодушевляюсь, еще не поразмыслив как следует. Конечно, беседа с Андре Кутелье произвела на меня огромное впечатление. И, как всегда в таких случаях, начинаешь задаваться вопросом: а почему, собственно, не я? Но, во-первых, куда бы меня это завело? Это значило бы терять время, а если я хочу подготовиться к конкурсу...

Морис. Дорогой, поверь, меня не надо убеждать. Я счастлив, что ты сам понял, насколько химеричен этот план.

Этьен. Да это не план, это, скорее, была мечта.

Морис. Пусть так. Что же касается путешествия, то... может быть, мы могли бы совершить его вместе? А?.. Что ты думаешь по этому поводу?

Этьен. Я был бы счастлив.

Морис. Нынешним летом или осенью. Мюнхен, Вена... может быть, Будапешт, возвратимся через Прагу и Дрезден. Примерно так.

Этьен. Это было бы чудесно! Вот только как быть с мамой...

Морис. Более чем вероятно, что твоей матери придется проходить курс лечения.

Этьен. Врач недоволен состоянием ее горла?

Морис. К сожалению, он явно считает его неудовлетворительным.

Этьен. Наверное, она недостаточно осторожна.

Морис. Может быть.

Этьен. Но в этом случае мама, по-видимому, рассчитывает на одного из нас в качестве сопровождающего?

Морис (неожиданно резко). Однако мне кажется...

Этьен. Ты ведь можешь себе представить, каким огромным огорчением было бы для меня отказаться от такой поездки. Но тем не менее нельзя...

Морис (глухим голосом). Этьен, взгляни на меня. (Этьен отводит глаза в сторону.) Не отворачивайся: это может ввести меня в заблуждение, а мне была бы тягостна мысль, что тебе недостает... недостает мужества.

Этьен. Но дело здесь вовсе не в мужестве, иначе все было бы куда проще.

Морис. Не знаю, не уверен. (Горничной, которая вошла в этот момент.) Что вам, Леони?

Леони. Письмо от мадам для госпожи Клеман.

Морис. Я не знаю, не вышла ли госпожа Клеман.

Леони. Мне кажется, я слышала, как хлопнула дверь на лестницу, но я не вполне уверена.

Этьен. Пойду взгляну. (Уходит.)

Леони. Может быть, мадам сообщает, когда она придет.

Морис. Возможно.

Этьен (возвращается). Я ее не нашел.

Морис. Мы ей передадим письмо, когда она вернется. (Леони уходит.)

Этьен. Папа, не смотри на меня так. Ведь я и без тебя понимаю, что в доме у нас не все благополучно, и меня это мучает. Подумай только: вернуться... внешне как будто ничего не изменилось, однако и ты уже не тот; ты все видишь в ином свете.

Морис (взволнованно). Дорогой мой! Что... действительно – в такой степени?

Этьен. Разумеется, я удивляюсь себе, я не понимаю, каким образом некоторые вещи не бросились мне в глаза раньше. Возможно, я оставался ребенком дольше, чем другие; либо... Нет, все-таки вряд ли все было так, как сейчас...

Морис. И однако по сути мы не менялись – ни твоя мать, ни я.

Этьен. Правда, бывали у меня тайны, которые я в пятнадцать, и даже в двенадцать лет не подумал бы поведать маме, когда рядом был ты. Но – не знаю, я не страдал от этого. Мне все это казалось в порядке вещей.

Морис. К тому же она была для тебя хорошей матерью. Может быть, она слишком пичкала тебя лекарствами, но это объяснялось непомерной заботливостью. Могло ли тебя стеснять отсутствие у нее культурного кругозора, умения вести разговор? Ведь ты редко ходил куда-нибудь с ней. Я

брал тебя с собой всякий раз, когда это было возможно.

Этьен. Наверное, я что-то замечал, но, не знаю почему, меня это совсем не тяготило. Вы были моими родителями. Существуют вопросы, которые смущают тебя только применительно к другим.

Морис. Да, для ребенка мама – это все мамы, вместе взятые; дом, «у себя», – это правило: все остальное – исключение. И тем не менее – я едва смею тебе в этом признаться – в какие-то минуты, когда ты уже вышел из раннего детского возраста, меня немного корбило, что ты не выказывал ни удивления, ни беспокойства. Конечно, по сути мною владело чувство эгоистическое, грешное. Но твоя ровная расположенность к нам обоим подчас пугала меня. Мне хотелось большей уверенности в том, что ты видишь между нами хоть какое-то различие. Бывало, я сожалел о том, что ты явно наслаждаешься «очагом», который мне больше напоминал тюрьму. Не знаю, припоминаешь ли ты день, когда мы вместе прогуливались в лесу Марли: это было незадолго до твоего второго экзамена на степень бакалавра. Я готов был открыться тебе. Тогда полоса моей жизни была особенно тяжелой. Как сейчас вижу небольшую беседку среди деревьев, где я собирался поговорить с тобой откровенно. Но в последний момент что-то меня удержало – что, не знаю сам! Возможно, некое целомудрие. Или, скорее, опасение услышать ответ, который поверг бы меня в замешательство. Мне вдруг показалось, что своим поступком я могу разрушить что-то хрупкое и очень для меня дорогое. Или я был неправ?

Этьен. Нет, не думаю; тогда, вероятно, я бы действительно тебя не понял. В общем... лишь намного позже, может быть, уже после ухода в армию, я начал думать о вас... ты понимаешь, о вашей совместной жизни. К сердцу словно подкатывал комок смутного страха. Особенно после первой моей побывки. В поезде, на обратном пути на фронт. Вы оба стояли на набережной, так далеко один от другого! Эта картина преследовала меня по ночам. И, как я тебе уже говорил, я жалел главным образом не тебя. У мамы был несчастный вид; глаза ее были красны, что с ней бывает редко; а когда паровоз засвистел, она сделала рукой движение... такое беспомощное, такое жалкое...

Морис. В тот вечер, по возвращении, твоя мать устроила мне сцену.

Этьен. Ты мне написал об этом, и, помню, я был тогда не только огорчен, но и рассержен.

Морис. На меня. Значит, мне не следовало этого делать.

Этьен. У каждого – свой способ страдать. Думаю, что ее способ – бранить окружающих. Как видишь, я был несправедлив к тебе. У меня даже мелькнула ужасная мысль, за которую я прошу у тебя прощения.

Морис. Какая?

Этьен. Если ты не догадываешься, тем лучше. У меня не хватит смелости ее высказать.

Морис. Это – обвинение в мой адрес?

Этьен. Да.

Морис(с глубокой серьезностью). Кажется, я понял, о чем ты. Но – клянусь, я всегда был верен твоей матери... О, я не хочу казаться лучше, чем я есть! В той ситуации...

Этьен. Зачем мне это знать?

Морис. ... но особенно после твоего рождения, Этьен, мной руководило твердое стремление не совершать определенных проступков. Ты спас меня от некоторых искушений уже самим своим существованием. Тебя удивляет то, какую роль ты играл в моей жизни? Ну да, это так. Ты был для меня всем – еще до своего рождения.

Этьен. Для тебя!..

Морис. Есть вещи, которые не могли сохраниться в твоей памяти. А я помню ночи, которые проводил без сна возле твоей постели, когда тебе было три годика. Тогда ты часто болел бронхитом, и я мучился ужасно. Временами меня одолевала мысль, что ты не выживешь, что тебя не удастся выводить. Твоя мать пожимала плечами, но этого было недостаточно, чтобы меня успокоить... Однако я сам не знаю, почему я тебе все это рассказываю.

Этьен. Прости, но мне все-таки не совсем ясно – а я так хотел бы понять. Ведь не из любви же ко мне ты...

Морис. Передо мной все время возникал образ этих разведенных отцов, которые видят своего ребенка по несколько часов в неделю. Ведь если бы я оступился, я не мог бы надеяться сохранить тебя. Твоя мать не простила бы мне измены.

Этьен. Но, папа, в моих глазах это не довод. Так или иначе то, что ты придерживался подобного образа жизни, диктовалось сугубо практическими соображениями.

Морис. Можно ли требовать большего от мужчины? Ты и теперь, когда стал лучше во всем разбираться, не представляешь себе, чем была наша супружеская жизнь!

Этьен(в волнении). Но ведь так было не сразу, не с самого же

начала!

Морис. Почти сразу.

Этьен. Мне, видимо, этого не понять! Это должно было быть ужасно... когда это началось, этот период нравственного обособления, время, когда между вами не стало близости.

Морис. Но ты нас знаешь, Этьен; как ты можешь вообразить, что между нами когда-либо была близость? Подумай-ка.

Этьен. И все же: наверное, был момент, когда ты не предвидел, что ваша жизнь может стать такой? В противном случае... зачем было жениться на ней! (Помолчав.) Ужасно, что ты таким путем принудил меня к вопросу, который я никогда не стал бы тебе задавать! Ты словно шаг за шагом загонял меня в угол.

Морис. Это не я, мой мальчик, будь справедлив: это сама жизнь.

Этьен (с болью). Я в этом не уверен... Мне кажется, ты не слишком опасался некоторых вопросов; ты ведь хотел, чтобы мне пришлось задать их.

Морис. Но на самом деле у меня все основания бояться их... Ты хочешь знать правду о нашем браке. Она очень проста. Начало моей самостоятельной жизни, ты знаешь, сопровождалось неудачами. Мои родители не имели состояния.

Этьен (про себя). О!..

Морис. Я дважды пытался получить степень кандидата филологии, оба раза безуспешно; я не был создан для такого упорного, отупляющего труда. Мне не хватило мужества продолжать его. К тому же преподавательская работа внушала мне ужас; и еще – я не хотел уезжать из Парижа. Как я тебе уже сказал, я провел там несколько мучительных лет. Три или четыре частных урока для меня раздобыли друзья; плохо оплачиваемые статьи в неизвестных журналах давали мне возможность существовать. Мои родители, ты теперь знаешь, не оставили мне никакого состояния. Не желая больше жить впроголодь, я согласился на должность учителя в Бурже.

Этьен(вполголоса). Но ведь ты не хотел уезжать в Парижа.

Морис. Что поделаешь! Усталый, исхудавший, почти больной... у меня не было выбора. Корнуэе, родители моего ученика, приходились близкими родственниками твоей матери, у них я и познакомился с ней. Я не могу восстановить в деталях всю историю нашего сближения, это малоинтересно, и, как ни странно, я многое позабыл. Скажу только, что твоя мать, не будучи красивой, способна была нравиться. Добавлю, что говорила она довольно мало, казалось, охотно слушала...

Этьен. Ты говоришь так, словно рассказываешь чью-то чужую историю!

Морис. Дело в том, что мне очень трудно сегодня видеть себя таким, каким я был тогда. Перед тем я пережил в Париже бурное время... две связи, одну за другой, сыгравшие огромную роль в моей жизни: одна закончилась полным охлаждением... другая трагически оборвалась. Видишь, Этьен, я тебе рассказываю все. Не думай, что мне это легко. (С минуту молчит; Этьен с чувством протягивает ему руку.) Так вот, я чувствовал себя надломленным духовно и физически, я хотел покоя, надежности – и просто комфорта...

Этьен. Папа!

Морис. Мне казалось, что любовь – то, что зовется любовью – уже занимала в моей жизни очень большое место, я не мог рассчитывать еще раз подобное пережить. Так оно и было... Я хранил память о безмерно дорогой мне умершей; мне казалась кощунственной сама мысль о том, что жена могла бы хоть отдаленно внушать мне чувство, подобное тому, какое я питал к Ирен Ламбер... Ну, вот я и назвал тебе ее имя. Этьен, не забывай, что у меня было страстное желание иметь детей, иначе ты просто не сможешь меня понять. Вскоре я заметил, что кухня моего юного ученика, несмотря на показное безразличие, испытывает ко мне по меньшей мере любопытство, а возможно, и нечто другое... Вскоре я понял, что она в самом деле мной увлечена; Элиза не была мне неприятна... мы обручились...

Этьен(взволнованно). И все же, увидев ваше прошлое в новом свете, я не могу поверить, что что-либо в ней могло тебя прельстить. О, мне это стало так ясно!

Морис. Уж чересчур ясно, мой дорогой. Запомни: отношения между людьми не так просты, как ты это себе представляешь.

Этьен. Она не разделяла твоих вкусов, у нее не было твоей любознательности, твоих способностей. Как и умения вести беседу... и даже этой блистательной живости, которая так часто вводит в заблуждение. Не было в ней и обволакивающей женственности. Ни деятельной доброты, душевной, согревающей... Ни... Господи, ты обратил внимание, что я говорю о ней в прошедшем времени, словно речь идет о покойной! (Готов разрыдаться.)

Морис. Не терзайся так, я не могу этого видеть!

Этьен. Подумать только, что определило твой выбор!.. Что бы ты ни говорил, но если бы не этот ужасный мотив, эта потребность... в комфорте!.. И

если она тебя любила ... именно потому, что она тебя любила, ты не имел права... Прости. Я чувствую – то, что я говорю сейчас, жестоко, отвратительно. Но это не моя вина.

Морис. Я не сержусь на тебя.

Этьен. Так хорошо с твоей стороны, что ты нашел возможным сказать мне все начистоту. Никто другой не был бы на это способен... Но только... что же я такое между вами обоими, теми, кто друг для друга теперь – ничто? Неужели в меня действительно перешло нечто от вашего бытия вдвоем? Не могу в это поверить... Кажется, ты не понял меня.

Морис. Да. Не совсем.

Этьен. Я думаю, что если ваш союз изначально был самообманом, – значит, я не могу быть плодом этого союза... по духу, понимаешь? То, что нас с тобой связывает – совершенно другого рода. Отсюда – и другие обязанности... Это трудно... так трудно. (Молчит, подавленный.)

Агата (входя). Извините, я не помешала?

Морис. Агата, тут для вас письмо от Элизы. (Протягивает ей письмо.) Вероятно, вы сможете нам сказать, когда она возвращается.

Агата (читает). Не знаю; она вроде бы не пишет об этом...

Морис. Что там?

Агата. Здесь есть постскриптум, к сожалению, несколько неразборчивый: «А еще я получила...»

Морис. Дайте мне, я привык.

Агата протягивает ему письмо таким образом, чтобы он мог видеть только постскриптум. Морис, не обратив на это внимания, разворачивает письмо.

Агата (машинально). Не надо!..

Морис. Что такое?

Агата. Остальное неинтересно. (Морис смотрит на нее.) Не смотрите на меня так.

Морис. Мои сомнения адресованы не вам!

Этьен. У Агаты, не знаю почему, самые превратные представления о том, какого ты о ней мнения.

Морис. Откуда ты знаешь? Вы что, говорили обо мне?

Этьен. Да. Это вышло так, между прочим.

Агата (горячо). Морис, умоляю вас, не читайте этого письма; оно меня заставляет краснеть, словно я его написала; мне действительно стыдно.

Морис. Я пытаюсь разобрать постскриптум, только и всего.

Этьен. Но ты не замечаешь, что Агата – на грани обморока!

Агата. Да нет, я не так слаба, как вам кажется.

Морис (с теплотой в голосе). Агата, ради бога, что с вами? Надеюсь, это все же не из-за незадачливого Лорансо.

Агата. Отчего вы вдруг заговорили таким мягким тоном?

Морис. Скажите мне, что в этом письме... Тем более что я, кажется, догадываюсь. (Протестующий жест Агаты.)

Агата. Я не могу... Послушайте, Морис, я пойду к себе; не удерживайте меня, будьте так добры.

Морис (почти ласково). Нет, мы вас не отпустим; правда, Этьен?

Этьен. Конечно.

Агата. Вы умудряетесь причинять мне боль даже когда добры ко мне. Запоздалая доброта – как пища после слишком продолжительного голодания. Я больше не могу... (Делая над собой усилие.) Нелепо так поддаваться слабости. Я вам прочту письмо, и все тут; дайте его сюда.

Морис, удивленный, протягивает ей письмо; она берет его и читает подчеркнуто невыразительным голосом:

Агата. «Дорогая Агата, дела мои стоят на месте: я все еще жду встречи. Не скрою от тебя, мне кажется несколько странным, что со дня моего отъезда ты не подавала признаков жизни. Мне не известно, что творится в доме. Ты знаешь, я ведь привыкла говорить без обиняков: я рассчитывала на тебя, чтобы быть хоть немного в курсе того, как мои домашние пользуются

моим отсутствием. Как он и Тен проводят вечера, пока я мерзну в этой дрянной комнатухе? Я очень надеюсь, что ты не скромничаешь и остаешься с ними после обеда. Ты ведь знаешь, как мне страшна мысль, что они сейчас вдвоем. Только не отвечай, что ты мне все расскажешь по возвращении: ведь у меня могли быть какие-то поручения к тебе. (Останавливается.) И не говори, что ты мне этого не обещала – для меня это нечто само собой разумеющееся. Я, конечно, очень раздосадована, я ожидала от тебя большего. Твоя Элиза Жордан».

Длительное молчание.

Этьен. Словом, мама не знает, когда вернется.

Морис. А постскриптум?

Агата. «Только что позвонил нотариус. Он ждет меня. Это может ускорить дело». (Снова – долгое молчание.) Леони (входит). Госпожа Рене хотела бы видеть госпожу Клеман.

Агата (сухо). Скажите госпоже Рене, что я вышла.

Леони. Хорошо, мадам.

Агата (спустя минуту). Все же надо пойти взглянуть, как там наш обед. За Селестиной постоянно приходится присматривать.

Морис. Да, и Элиза так считала.

Этьен. Но до обеда еще есть время.

Агата. Схожу за книгой.

Морис. Что вы сейчас читаете, Агата?

Агата. Кончаю «Триумф смерти».

Морис. Вот оно что!

Этьен. Ну и как? Я прочел ее нынешней зимой.

Агата. Окончательного мнения у меня пока нет.

Морис. Отчего?

Агата. Слишком сильно впечатление. Может быть, по прошествии нескольких недель я могла бы что-то сказать – конечно, ничего интересного или оригинального, – но сейчас...

Морис. Вам не кажется ошибочным мнение, что действующие лица нереальны, безжизненны?

Агата. Да, согласна. В глубинах собственной души обнаруживаешь существо, похожее на этих людей.

Морис. Вы уже прочли замечательный пассаж о Тристане и Изольде?

Агата. Я как раз дошла до этого места.

Этьен. Помнится, это прекрасно...

Морис. Где книга, Агата?

Агата. В моей комнате; должно быть, на столе.

Морис. Этьен, сходи-ка за ней.

Этьен. С удовольствием. (Уходит.)

Агата. Морис, вам не холодно?

Морис. Нет; по-моему, очень хорошо.

Этьен(входит). Вот. (Протягивает книгу отцу; Морис листает ее.)

Морис. Здесь, нашел это место.

Агата. Прочтите.

Морис. «В тени и в молчании сосредоточенности, в тени и экстатическом молчании всех душ от незримого оркестра поднялся вздох, излилась жалоба, ропщущий голос выразил первый горестный призыв одинокого желая, первую, смутную тревогу в предчувствии будущих мук».

В этот момент появляется Элиза с саквояжем; на минуту застывает на пороге, словно гостья.

Этьен. Мама! Мы никак не ждали тебя сегодня.

Элиза. Вижу.

Агата. Ты, наверное, продрогла!

Элиза. Надо думать!

Агата. Пойду скажу скорее, чтобы у тебя в комнате развели огонь.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Несколько недель спустя. Гостиная в доме Жорданов. Обставлена столь же эклектично, как и столовая.

Рене. Я еще не говорила тебе, что в день твоего возвращения твоя милейшая кузина отказалась меня принять. Велела сказать, что ее нет дома...

Элиза. А что тебе здесь было нужно? Ты ведь ее не переносишь.

Рене. Это другой вопрос. Но я имею право прийти повидаться с кем хочу.

Элиза. Прежде всего ты, должно быть, ошиблась. Агата никогда не лжет, это у нее доходит до идиотизма.

Рене. А я ведь приходила в твоих интересах; хотела получить хоть какое-то представление о том, что здесь происходит.

Элиза. Я тебе это поручала?

Рене. Ну, ты неблагодарна! Станный способ выражать признательность...

Элиза. Если ты думаешь, что мне не известно, чем я тебе обязана...

Рене. Я тебя не понимаю.

Элиза. Ты всюду болтаешь, будто я не хозяйка в своем доме, и еще бог знает что.

Рене. Это неправда!

Элиза. Не спорь. Я встретила Леонтину Шапонье: я знаю, что ты ей говорила. Так что будь добра, прекрати это, иначе... Я у себя не хозяйка!.. Это было бы любопытно. Я делаю что хочу, слышишь? И, думаю, в самом скором времени в этом можно будет убедиться.

Рене (лицемерным тоном). Видишь ли, мне больно видеть, что все складывается не так, как следовало бы. Когда я думаю о том, что ты для них делаешь, для обоих... нет, я просто не могу тебе сказать, как я переживаю. И не я одна: Леонтина...

Элиза. Оставь эту кривую сороку! Уверю тебя, мне наплевать, что она там рассказывает. Еще раз говорю: я делаю что хочу. И нечего из-за меня портить себе кровь.

Рене (вкрадчиво). Но Тен, он-то хотя бы ласков с тобой?

Элиза. Сейчас речь не о Тене.

Рене. Вообрази... Но нет, не знаю, надо ли тебе об этом говорить.

Элиза. Говори – или помалкивай. Терпеть не могу эту манеру!

Рене. Мне кажется, что Шарлотта... немножко влюблена в него.

Элиза. Это еще что за вздор! Она с ума сошла.

Рене. Ну что ты хочешь? Малышка...

Элиза. Это меня абсолютно не устраивает. К тому же я не верю ни одному твоему слову. Шарлотта не думает ни о чем, кроме своего здоровья. Она способна рассуждать только о лекарствах.

Рене. Шарлотта такая же, как все. Только это очень скрытная натура. Она в меня: я была такой же в ее возрасте.

Элиза. Не смей меня, бога ради! Помню я тебя с Шарлем в те времена... Ну а что до этой фантазии с Шарлоттой – повторяю тебе, мне это не нравится. Я сама поговорю с девочкой.

Рене. Не стоит, она ведь прекрасно понимает, что из этого ничего не выйдет. Я первая воспротивлюсь...

Элиза. Тебе не понадобится утруждать себя.

Рене. Не пожелаю этого ни ей, ни Тену. Впрочем, он полюбит только богатую... И, я считаю, будет прав. Надо, чтобы муж и жена располагали примерно одинаковым состоянием. Иначе получается плохо. Я отлично знаю, что в твоём случае...

Элиза. Мой случай, как ты выражаешься, к несчастью, не опровергает этого общего правила. Выйди я за богатого человека, возможно, мне сейчас жилось бы спокойнее.

Рене. В жизни бескорыстие никогда не бывает вознаграждено!

Элиза. Даже до противного. Я это в прошлый раз сказала аббату Ломбару.

Рене. Ты ходишь исповедоваться?

Элиза. Так, когда вздумается. И знаешь, что он мне ответил? Что в

таком случае это уже не было бы бескорыстным.

Рене. Осел он, этот твой аббат.

Элиза. Сама знаю.

Рене. А что, твой муж продолжает сорить деньгами направо и налево?

Элиза. Не о том сейчас речь. Я... я думаю, что он завел любовницу.

Рене. Да ну?!

Элиза. Я почти уверена в этом.

Рене. Как это мерзко однако же!.. Но по чему ты судишь?

Элиза. С тобой противно то, что ты постоянно перебиваешь вопросами. Вместо того чтобы выслушать... Прежде всего он теперь, выходя из дома, не говорит, куда идет. Я спрашивала Тена, он тоже не знает.

Рене. Так, ясно.

Элиза. Как раз это ровным счетом ничего не доказывает. Но он стал гораздо больше заботиться о своей внешности, и потом, вопреки обыкновению, он сейчас не такой неприятный... Ну, конечно, случаются исключения: например, вчера вечером...

Рене. Да ну, он в хорошем настроении? На самом деле я часто думаю, каково ему, бедняге; вечно у тебя под замком...

Элиза (резко). Не люблю дурацких шуток!

Рене. Так у тебя есть идея?..

Элиза. Если бы она у меня и появилась, скорее всего я не кинулась бы делиться ею с тобой: это ведь не предназначено для ушей Леонтины Шапонье. Но у меня ее нет. Захочу – узнаю.

Рене. Не обязательно. Он, должно быть, хитер, Морис. Мне известно, что существуют специальные службы, к ним можно обратиться. Объявление об одной такой я вижу каждый день на линии «Север – Юг» – не знаю, кстати, как это сейчас называется.

Элиза. Ты не в своем уме.

Рене. Вероятно, она актриса, или художница, или что-то в этом роде. Потому что в вашем ближайшем окружении... Скажи, а ты не думала о... нет, ты рассердишься, а ведь, знаешь, это предположение не так уж глупо... к тому же я их видела на днях на Шанз Элизе. Твоя кухня...

Элиза. Агата? Ну, знаешь, хватит. Я не расположена выслушивать подобную чушь.

Рене (после паузы, робко). Послушай, Элиза, я хотела тебя кое о чем попросить.

Элиза. Что еще?

Рене. Это по поводу моего жилья. Помнишь, я тебе говорила на днях.

Элиза. Ну, ты будто глухая. Я же тебе сказала, что это дело в Бурже закончилось для меня полнейшей неудачей: весьма сожалею, но пока я ничего не могу для тебя сделать. По-настоящему мы должны были бы сейчас отказаться от мяса на ужин...

Рене. Если б ты хоть зашла к домовладельцу... Он тебя очень ценит. На днях он говорил о тебе в таких выражениях...

Элиза. Ну, меня на это не купишь, тебе ведь известно. Я могу повидать твоего хозяина – только не рассчитывай на ссуду. Все-таки ужасно видеть, как люди тебя используют. Честное слово, завидую тем, у кого нет родни! Когда нужно идти к твоему домовладельцу? Я предпочла бы уж отделаться поскорее.

Рене. Сходим вместе!

Элиза. Мне надо подумать. Где он живет? (Прислушивается.) Кто там? А, это ты, Агата!.. Но ведь ты знаешь, что в это время я...

Агата. Мне нужно сказать тебе несколько слов.

Рене (Элизе). Рекюрель сегодня вечером уезжает...

Элиза. Я тебя спрашивала, где он живет.

Рене. Рядом с вокзалом Сен-Лазар.

Элиза. Так. Значит надо ехать через «Север – Юг»... Послушай, Агата, я ненадолго. Может быть, ты меня подождешь? Или, хочешь, поедем с нами.

Агата. Я лучше подожду. Но если ты задержишься, мне придется уйти.

Элиза. Я рассчитываю мигом обернуться.

Этьен (входя). Вы, Агата? Мне послышался ваш голос.

Элиза. Ты побудешь пока с Агатой.

Этьен. Я вас так давно не видел.

Элиза. Что за глупость – не приходите к нам обедать!

Рене (Элизе, тихо). Скажи-ка: она что, больше не приходит?

Элиза. Ну, хватит, – договорились? Пойдем. Пока, Агата. (Уходит с Рене.)

Этьен. Почему вы так редко приходите к нам в последнее время? (Неопределенный жест Агаты.) Нам обоим вас очень не хватало. У меня совершенно особое воспоминание о вашем кратком пребывании у нас.

Агата. Ну а я, напротив, стараюсь не думать об этом.

Этьен. Почему?

Агата. Прежде всего, мне это слишком живо напоминает о господине Лорансо.

Этьен. Бедняга Лорансо! Он продолжает вам писать?

Агата. Да, он даже приходил повидаться со мной.

Этьен. Любопытно было бы узнать, как вы его приняли.

Агата. Он не может похвалиться оказанным ему приемом. Ну, а я... Я должна сказать, что это одна из причин, побудивших меня принять решение, Этьен: я возвращаюсь в Сен-Квентен.

Этьен. Не может быть!.. В конце концов, что вас там привлекает?

Агата. Спросите лучше, что меня отталкивает здесь. Париж мне отвратителен... не могу вам передать, до какой степени. А там есть хотя бы руины.

Этьен. Не совсем вас понимаю...

Агата. Милый Этьен, несчастливым людям здесь делать нечего.

Атмосфера Парижа для меня непереносима. Я думаю о наших погибших, о нашей скорби... Там я по крайней мере стану ощущать себя в согласии с природой, быть может, и с людьми. Ну, а в Париже человеческое горе звучит диссонансом...

Этьен. Но отчего вы собрались так неожиданно?

Агата. Я давно думала об этом, но не хватало мужества. Все-таки я там буду очень одинока... о, конечно, у меня есть хорошие приятельницы, но у них – свои дела, свои заботы... И потом, я вдруг почувствовала, что не могу поступить иначе. Я должна вернуться в Сен-Квентен.

Этьен. Ну, а если бы вас здесь удерживали долг, обязанность?

Агата. Какая обязанность, бог мой!

Этьен. Да тут складывается очень непростая ситуация. Шайу – один из моих сорбоннских преподавателей, он очень любит меня, – упорно настаивает на том, чтобы я вошел в группу студентов, уезжающих на год в Америку: сперва – в Соединенные Штаты, затем – в Канаду.

Агата. К тому же, будем откровенны, вам эта идея не слишком неприятна...

Этьен. Агата, не думайте, что я такой эгоист, я действительно не знаю, вправе ли отказаться. На нас рассчитывают как на бывших фронтовиков: мы должны многое там объяснить, чтобы стало ясно, как настроено нынешнее молодое поколение европейцев.

Агата. Доводы не особенно убедительные. За вас это могут сделать другие, и вы это сами понимаете. К тому же не вижу здесь связи...

Этьен. Я не могу оставить отца одного. Агата, он исполнен по отношению к вам чувства глубочайшей дружбы, я в этом абсолютно уверен. Для него общение с вами как глоток свежего воздуха. Только не говорите, что это случилось внезапно; в дружбе тоже это приходит именно так. Вы знаете, что у нас дома все не как в других семьях: я не могу рассчитывать на маму. Если я вам расскажу, что произошло еще только вчера! что они наговорили друг другу...

Агата (тихо). В этом нет надобности.

Этьен. Он так одинок. Это ужасно.

Агата. Ничто вас не вынуждает покидать его. Мне не хотелось бы снова возвращаться к тому, что я вам говорила почти месяц назад.

Этьен. Шайу собирается написать отцу, убедить его; да он и сам не согласится, чтобы я остался.

Агата. Вы можете добиться его согласия при условии, что будете всей душой хотеть этого. Я понимаю, в подобном путешествии столько притягательного!.. Впрочем, все это – ребячество: о чем наш спор? Я в любом случае не могу заменить вас.

Этьен. Конечно, в жизни всякий человек незаменим. И все-таки... Вы ведь его очень любите. (Агата вздрагивает.)

Агата. Я отношусь к вашему отцу с симпатией... но какое все это имеет значение? (Молчание. Внезапно.) Послушайте, Этьен, не требуйте, чтобы я осталась, это совершенно невозможно.

Этьен. Не понимаю, почему.

Агата. Если вы будете настаивать, это не приведет ни к чему хорошему. (С особым выражением.) Ни к чему хорошему. Вам ясно теперь? (Пристально смотрит на него.)

Этьен. Вы хотите сказать... что...

Агата. Да.

Этьен. Боже мой! У меня мелькнула эта мысль, я ее отогнал... Я разговаривал с вами как слепой и глухой. Не сердитесь на меня.

Агата. Я не сержусь.

Этьен. Так вот почему вы почти перестали к нам приходиться!

Агата. Да.

Этьен. Агата, я бессилен перед этим несчастьем.

Агата. Для меня это и несчастье и счастье, то единственное, что есть в моей жизни прекрасного. Невозможно описать, чем было мое существование до того, как я увидела его таким, какой он есть. Он открыл мне глаза на все, и на меня самое тоже. Словно до встречи с ним я не жила.

Этьен. В прошлый раз, когда вы отговаривали меня от намерения уехать... я был слеп, я не подозревал. Но (с запинкой)... простите мне этот вопрос: он?..

Агата. Он не понял, и даже мой отъезд не скажет ему ничего. Ваш отец иногда заходил ко мне в последнее время. Но доведись вам услышать все наши разговоры, каждое слово, вы ни о чем бы не догадались. Меня спасает самообладание. В противном случае... я бы многого здесь не могла вынести. А он... он со мной говорит, как говорил бы с мужчиной, с другом. Мой дорогой... разрешите называть вас так... чрезвычайно малодушно с моей стороны делать вам подобное признание. Это почти безумие. Но мне невыразимо тепло от мысли, что эта тайна будет объединять нас...

Этьен. Агата...

Агата. Когда я снова окажусь там, меня будет поддерживать сознание, что есть кто-то, кто все знает.

Этьен. И страдает!

Агата. Нет, иначе... Кто разделяет это, кто причастен. И что это именно вы, Этьен. Я думаю, не будь вас, ничего бы этого просто не произошло. Если бы он не любил вас так... Меня потрясла именно нежность его по отношению к вам, она меня сразила.

Этьен. Она позволила вам узнать его.

Агата. Не знаю: может быть, в нем нет ничего, кроме этой нежности.

Этьен. Как вас понимать?

Агата. Мне кажется, все остальное в душе его иссякло, зачахло. Даже будь это возможно, я бы не решилась ворошить пепел. Я бы никогда...

Увидев входящего Мориса, Агата замолкает, не докончив фразы.

Этьен. Папа, как ты рано сегодня!

Морис. Я не стал задерживаться в библиотеке ради нескольких докучных визитеров. Уверяю тебя, с меня достаточно. Но, кажется, я прервал живейшую беседу.

Агата (поспешно). Я ухожу.

Морис. Останьтесь хоть на минутку.

Агата. Нет, я действительно не могу...

Морис (вполголоса). Вечером вы будете дома?

Агата. Наверное, нет.

Морис (так же тихо). Агата, вы избегаете меня, я вам в тягость. (Беспечным тоном.) О, я и сам замечаю, что сильно постарел. Да, да, очень... я уже не такой хороший ходок; мысль притупляется. Все – не то и не так, как хотелось бы.

Агата. С какой стати это беспокойство?.. Ну, я пошла.

Этьен. Вы не подождете маму?

Агата. Я еще вернусь ...(Уходит.)

Морис. Странная женщина! Не знаю, смогу ли я когда-нибудь понять эту замкнутую душу.

Этьен. Папа, ты часто ее навещал?

Морис. Раза три или четыре.

Этьен. Отчего ты мне ничего не говорил об этом?

Морис. Ты бы вообразил бог знает что...

Этьен. Но ведь сейчас же ты говорил об этих посещениях в моем присутствии.

Морис. Потому что тут нечего скрывать. К тому же я не думал, что ты слышишь нас.

Этьен. Я бы не вообразил абсолютно ничего; меня удивил сам факт – что ты это скрыл от меня. (Морис пожимает плечами.) Я нахожу эти визиты совершенно естественными. Во-первых, она так одинока...

Морис. Да, конечно.

Этьен. Тебе не кажется, что она зря отказала Лорансо?

Морис. Нет. Да что ты! Лорансо все-таки порядочный дурень...

Этьен. Папа!

Морис. Но об этом свидетельствует само его упорство! Черт возьми, если женщина от тебя отворачивается, ее следует оставить в покое.

Этьен. Но если он так влюблен...

Морис. Лорансо не способен сделать ее счастливой. И потом, живя на протяжении многих лет с распутными женщинами, поневоле усваиваешь дурные привычки.

Этьен. Ты думаешь, ей до такой степени известна частная жизнь Лорансо?

Морис. Уверен, что она догадывается. Ну, а если б у нее возникло малейшее намерение выйти за него, я бы непременно просветил ее на этот счет.

Этьен. О!..

Морис. Это было бы моим элементарным долгом.

Этьен. Может быть...

Морис. Не «может быть», а именно так.

Элиза (входит, запыхавшись). А где Агата?

Этьен. Ушла минут пять назад, не могла больше ждать. Возможно, она скоро вернется.

Элиза. Ну нет, это уже слишком! Я тороплюсь что есть мочи, прибегаю взмыленная – чудо еще, если я не простудилась, – а у нее не хватает терпения подождать еще пять минут. Пять минут! В конце концов, чем она так занята? Мне приходится содержать дом, присматривать за служанками, но я всегда лезу из кожи вон для других. Так вот, знайте, я не долго еще буду терпеть такую жизнь. Погодите немного. Ну, что же, я ей напишу пару слов – только в них не будет рифмованных красот!..

Морис. Полно, Элиза...

Элиза. Тут сойдешь с ума, клянусь! То Рене тянет из меня деньги, то куда-то девается Агата... Нечего сказать, сплошное удовольствие!

Морис. Так Рене опять взяла у тебя в долг?

Элиза. А хоть бы и так! Что, тебя это касается? Когда за какую-то мазню выбрасывают три с половиной тысячи франков, тут, мне кажется, уже не о чем говорить. Рене в настоящий момент страшно стеснена в деньгах, и, глядя на твой важный вид, я действительно от души жалею, что не ссудила ей хотя бы тысячефранковый билет для выплаты долга.

Морис. Я пошел работать. (Уходит.)

Элиза. Ну, можно ли быть до такой степени эгоистом! Ужасно... Вот уж, в самом деле, повезло! Если бы не ты, милый Тен, я и вправду не знаю, что бы со мной стало.

Этьен. Не говори так, мама; у тебя ведь масса и других интересов.

Элиза. Это каких, хотелось бы знать? Моя недвижимость, что ли?

Этьен. Ну хотя бы...

Элиза. Не думай, что мне это доставляет удовольствие. То, что я делаю, я делаю прежде всего для тебя... Позже ты будешь представлять собой прекрасную партию.

Этьен. Мама, я ненавижу, когда ты так говоришь.

Элиза. И он еще отмахивается от денег! Что я, не знаю, сколько ты тратишь в месяц на одни только книги и на посещение концертов...

Этьен. Хорошо, со следующего месяца буду тратить меньше.

Элиза. Разве я тебя в чем-нибудь упрекаю?

Этьен. Да, я полагаю, что это упрек.

Элиза. Никогда в жизни. Он – о, это совсем другое дело.

Этьен. Я не выношу, когда ты при мне так говоришь об отце. Ты не имеешь права на...

Элиза. Я? Не имею права? Я здесь имею право на все, слышишь!

Этьен. Нет, это не так.

Элиза. Если бы ты хоть чуточку представлял себе, что такое твой отец, ты бы его не защищал.

Этьен. Тебе нечего мне сказать по этому поводу.

Элиза. Нет, вы только послушайте!..

Этьен. Он рассказал мне о себе с беспримерной откровенностью то, что мне вовсе не полагалось знать... Сейчас, вот в эти минуты, когда ты его поносила...

Элиза. Этьен!

Этьен. Да, в момент, когда ты его поносила, я вспоминал эту исповедь, на которую никто бы на его месте не отважился перед таким мальчишкой, как я. Он поверил мне, и я этого никогда не забуду. Я был бы скотиной, если бы этого оказалось недостаточно, чтобы внушить мне чувство поклонения. Вот – единственное, что важно в моих глазах; и если бы понадобилось, чтобы что-то было забыто, изглажено из памяти, для меня это был бы вопрос решенный. Надо быть мелким лицемером, чтобы...

Элиза. Он сказал тебе также и то, что у него есть любовница?

Этьен (горячо). Я убежден, что это – очередная ложь.

Элиза. Не сказал? Так вот – я тебе это говорю, я в этом убеждена.

Возможно, ты и это сочтешь очень честным, достойным умиления. О!.. Но я, как только смогу удостовериться в этом, я их поймаю обоих и.. Уф! Какое будет облегчение, что это будет за день!.. Я его содержала двадцать три года: по-моему, достаточно. (Уходит, хлопнув дверью.)

Этьен остается один. Стоит неподвижно, словно стараясь привести свои мысли в порядок. Это его состояние нарушает вошедший отец.

Морис (входя). Что случилось?

Этьен. Скажи, ведь это неправда?

Морис. У тебя такой взволнованный вид...

Этьен (растерянно). Я не могу больше... меня вынуждают выбирать... Но все равно, выбор уже сделан... незачем больше пытаться все примирить, склеить расшатавшуюся мебель... Теперь она при мне обвиняет тебя, обрушивает на тебя брань и клевету... Повторяю тебе, между этой женщиной и тобой нет ничего общего; ничего общего нет и у меня с ней.

Морис. Дорогой...

Этьен. Я ничем ей не обязан... (Внезапно.) Агата собирается уезжать, она возвращается в Сен-Квентен.

Морис. Что?

Этьен. А знаешь, почему?.. Потому что она тебя любит.

Морис. Подожди, Этьен...

Этьен. Она тебя любит, отец, она страстно тебя любит. О, если бы ты был здесь только что, когда она говорила о тебе; если бы ты видел ее в эти минуты, это преобразившееся лицо, лицо счастливого человека! Вот когда выявилось самое сокровенное в ее душе. Ты знаешь, я никогда в жизни не испытывал подобного волнения! Она тоже доверилась мне... а я ее выдал! Но Агата не рассердится на меня. Ведь я хорошо поступил, правда? Ведь ты ее тоже... (Пауза.) Ты молчишь?

Морис. Но это безумие. Не могла же она сказать тебе, что... любит меня?

Этьен. Она сказала... и какие нашла для этого слова! Мне кажется, это лучшее в ней любит то, что есть лучшего в тебе... Как подумаю, что я мог бы назвать ее «мама»... Я часто грежу о том, как возвращаюсь к себе, к семейному очагу – настоящему очагу, от которого исходит тепло человеческой близости: отчего я лишен этого счастья?

Морис (глубоко взволнованный). Агата тебе сказала, что любит меня?..

Этьен. Ты не дашь ей уехать! Нужно как можно скорее устранить это чудовищное недоразумение, разделяющее вас. Она не верит в себя, не верит в тебя, собирается уехать туда, где это живое сердце окажется погребенным среди руин!.. Если бы ты только слышал... Я всегда буду сожалеть о том, что эти слова не были услышаны тобой. Возможно, тебе она ничего не захочет сказать.

Морис. Этьен... Но ведь это случилось всего несколько недель назад; до тех пор я ее не знал совершенно, страшно признаться, но это так. Ты чего-то не понял. Может быть, она... ну, как-то привязана ко мне... но она не любит меня, меня уже нельзя любить, я тебе говорил, я почти старик. Будь это десять, пятнадцать лет назад... Но сейчас!.. Не делай так, чтобы передо мной забрезжил этот слабый свет... не надо, дитя мое, это... жестоко.

Этьен(идет навстречу входящей Агате). Агата, он мне не верит. Это слишком прекрасно, чтобы он мог поверить ... Входите, Агата.

Агата. Боже мой, зачем вы это сделали!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Два месяца спустя. Та же гостиная.

Элиза (Этьену). Так ты решил не ехать со мной в Шод-Эгю? Это окончательно?

Этьен. Да, окончательно.

Элиза. Любопытно.

Этьен. С тобой же будет Шарлотта.

Элиза. Веселая попутчица, нечего сказать. К тому же сообразительности в ней – ни на грош... Я ведь беру ее с собой ради нее. Очевидно, ты вообразил, что это ради меня. Мне это ни к чему: придется поддерживать разговор, даже когда нет ни малейшего желания... это просто пытка.

Морис. Зачем же ты себя обременяешь?

Элиза. Уж лучше я возьму ее с собой, чем давать деньги Рене, ту тысячу франков, о которых она просила и которые уйдут бог весть на что! Ужасно только, что Шарлотта, как всегда, запаздывает.

Этьен. Ты сейчас ждешь Шарлотту?

Элиза. У нее явно нет ничего из того, что требуется для поездки. Посмотрим, что там еще в списке... Одеяло. Ну, да ладно, я ей дам наше бежевое.

Морис. Может быть, оно понадобится мне.

Элиза. Что?

Морис. Да, если мы с Этьеном отправимся в небольшое путешествие.

Элиза. Что еще за путешествие? Первый раз слышу!

Морис. Очень возможно, что мы отлучимся на неделю или на две. Что из того?

Элиза. Но мне это совершенно не нравится. Уж если Тен намерен уехать из Парижа, то пусть присоединяется к нам.

Морис. В самом деле, какая заманчивая перспектива для юноши его возраста. Жалкая гостиница...

Элиза. Но я же довольствуюсь этим!

Морис. И такие каникулы ты хочешь предложить сыну после того, что ему довелось пережить в эти три года?... Впрочем, это не имеет никакого значения. Этьен останется здесь, со мной, и мы используем наше время так, как сочтем нужным. Если нам захочется уехать на неделю, на две, на месяц...

Элиза. Я этого не допущу!

Морис (с холодной яростью). Дорогая, ты все никак не можешь понять, что речь не идет о том, чтобы ты что-то допускала или не допускала. Распоряжаюсь я.

Этьену неприятен этот разговор; он выходит.

Элиза. Увидим.

Морис. Слава богу, я никогда не позволял тебе взять надо мной верх.

Элиза. Это не доказано.

Морис. И вообще смешно – демонстрировать деспотические замашки. Если мне захочется куда-нибудь увезти моего сына, вырвать его на неделю, на месяц, на несколько месяцев из того ада, в котором ты хочешь принудить нас жить, – ничто на свете, слышишь, ничто не сможет мне помешать. Моего сына, повторяю тебе.

Элиза. Прекрати.

Морис. К несчастью, он стал лучше разбираться в нашей семейной жизни – исключительно по твоей вине. Он видит тебя такой, какая ты есть.

Элиза. Ну а ты-то, тебя он тоже знает? Что, небось, это не так бесспорно?

Морис. У меня нет от него секретов.

Элиза. Замечательно! Очень мило.

Морис. Ни единого секрета, ни малейшего.

Элиза. Знаешь ли, я не верю ни одному твоему слову. Когда льстят так, как льстишь ему ты, не останавливаясь ни перед чем, чтобы добиться расположения...

Морис. Ты совершенно не представляешь себе наших отношений с Этьеном.

Этьен(входит, очень бледный, говорит изменившимся голосом). Вы еще не договорили?

Морис. Видишь, до чего ты его довела.

Элиза. Я? Ну, знаешь, это слишком!

Этьен. Отец, умоляю тебя! Поскольку я здесь могу обращаться только к тебе...

Морис (Элизе, торжествующе). Ну, что?

Этьен. Кончай с этим отвратительным спором. Это пытка, это...

Морис. Мой дорогой мальчик!

Этьен. Даже ужасное молчание последних недель было лучше... Что угодно – только не это! Поверь, тяжелее всего приходится не тебе... прости, я непозволительно забылся.

Морис. Ах, если бы я только мог дать тебе семью! Если бы у тебя были братья, сестры!..

Не желая продолжать разговор, уходит.

Элиза(кричит ему вслед). Да, ты предпочел бы пухнуть с голоду в хибаре, среди кучи босоногой детворы. Как это похоже на тебя!.. О, что за человек, что за человек! Если бы можно было хотя бы покончить с этим! Если бы мне удалось поймать их с поличным... Так нет, даже в этом не везет. Многие женщины стараются не видеть, не слышать; ну, а я только хочу знать правду – и не могу ничего добиться... Он, с его надменным видом, – как он глядит на вас! Можно подумать, что я была хуже него, что я не стоила сотни, тысячи таких, как он. А что за вид у тебя, сын!.. Нет, у тебя это тоже не пройдет. Ты обязан быть почтительным со мной, слышишь? За стенами дома можешь делать все, что угодно, но у себя я такого обращения не потерплю... Как подумаю, что он тебе говорит в мой адрес, – тут можно с ума сойти! Он – а может быть, и не только он? Признайся, что ты знаешь, кто это. Признайся, что ты ее знаешь! Он водит тебя к ней, и она ластится к тебе, льстит тебе, как и он..

Этьен. Прекрати, ни слова больше! Как ты можешь все так порочить? Кто дал тебе это право?! Отвечай! (С силой сжимает ее руку.)

Элиза. Пусти, больно.

Этьен. Чем ты можешь оправдаться?

Элиза. Оправдаться?

Этьен. Да. Скажи мне. Ведь это же не может быть беспричинно!

Элиза. Отпустишь ты меня, наконец?!

Этьен (овладевая собой, отпускает руку матери). Ответь. Ты видишь, я больше не резок с тобой. Я только хотел бы понять. Понять! Эта страшная потребность оскорблять, чернить других может быть оправдана только годами непрерывных страданий. Годами страданий, без передышки, без надежд. Тогда, может быть... Но ведь ты не прошла через это!..

Элиза (горячо). Что ты об этом знаешь, болван!

Тягостное молчание прервано появлением Шарлотты.

Элиза (вошедшей Шарлотте). А, вот и ты. Что и говорить, ты не более точна, чем твоя мать. Пора бросать эту привычку. Ладно! Подожди меня минутку. Я не готова.(Уходит.)

Шарлотта (Этьену, застенчиво). Я вас задерживаю?

Этьен. Нет, я никуда не спешу.

Шарлотта.Я слышала, что вы не едете с нами в Шод-Эгю?

Этьен. Да, я остаюсь с отцом. (Пауза.) Хотя для нас с вами это было бы хорошей возможностью познакомиться поближе, не правда ли, Шарлотта?

Шарлотта. О, вам это было бы совершенно неинтересно.

Этьен. Почему?

Шарлотта. Да я это очень хорошо знаю, уверяю вас. Мне – другое дело. Вы и я – не одно и то же.

Этьен. Зачем вы так унижаете себя! Я как раз был бы рад поговорить с вами. Ведь нам почти никогда не доводилось беседовать вдвоем.

Шарлотта. Ну, это вряд ли доставило бы вам удовольствие.

Этьен. Так странно, что мы еще на «вы».

Шарлотта.Я нахожу это совершенно естественным. Сейчас вы обратили на меня внимание только потому, что в комнате волей случая больше никого не оказалось. Не стоит возражать, так – со всеми. Все ведь сразу замечают, что я некрасива, плохо одета...

Этьен. Шарлотта, пожалуйста...

Шарлотта. Не зовите меня все время по имени; я же вас не называю:

Этьен.

Этьен. Надеюсь, что поездка пойдет вам на пользу...

Шарлотта. Я становлюсь еще некрасивее, когда поправляюсь, мама мне всегда это говорит; вероятно, в такое время моя внешность вдобавок ко всему становится еще и вульгарной.

Этьен. Но как может мать говорить такие жестокие вещи дочери?..

Шарлотта. О, значит, вы совсем не знаете мамы, если вас это удивляет... Она мне говорит и много всякого другого. Но мне это безразлично, так как я уверена, что однажды она поплатится за все это. Или я умру...

Этьен. Что за нелепые мысли!

Шарлотта. Это более чем вероятно. Во время нашего последнего визита к врачу у него было такое чудное выражение лица, когда он меня прослушал. И по возвращении мама срывала свое дурное настроение не так, как она это делает обычно... И потом, вам же известно, от чего умер папа. Ну так вот, если я умру, я не хочу сказать, что она будет горевать, нет, когда речь о ней, это слово неуместно. Но все-таки она будет очень несчастна. Некого будет бранить, некем командовать... Ну, а если не умру, тогда...

Этьен. Тогда... что?

Шарлотта. Точно не знаю, но я не останусь жить с ней, можете не сомневаться. Возможно, я еще приду спросить у вас совета.

Этьен. Выбросьте, пожалуйста, эти мысли из головы, вы, конечно, не так тяжело больны; и не надо думать о бегстве...

Шарлотта. Речь не о том: я просто уйду, хлопнув дверь, вот и все.

Этьен. Вы выйдете замуж.

Шарлотта. Ах, не говорите, пожалуйста, глупостей. Вы сами видите, насколько это правдоподобно – при нынешних ценах на масло, как выражается моя мама.

Этьен. Но вам вполне может встретиться...

Шарлотта. ...хороший человек, добропорядочный работник! Я чувствую, что возненавижу вас, если вы будете продолжать в том же духе. Вы, конечно, думаете сейчас: «Те пять минут, которые мне придется провести здесь, надо быть с ней полюбезнее, чего бы это ни стоило».

Этьен. Нехорошо так говорить. Вы меня очень огорчаете. (На Шарлотту нападает приступ нервного смеха.) Что с вами?

Шарлотта. Все это слишком комично. Если вы этого не замечаете – что ж, тем хуже для вас... Не знаю, почему тетя так задерживается. Но вы не обязаны оставаться здесь. (Протягивает ему руку.) Не сердитесь, пожалуйста... На меня изредка нападают такие нелепые приступы веселости. Отнесите это на счет моей болезни.

Этьен. Это правда, сейчас вы мне показались нездоровой.

Шарлотта. Или сумасшедшей.

Этьен. Нет, именно нездоровой. Мне жаль вас, Шарлотта, мы нехорошо поступили с вами...

Шарлотта. «Есть несчастья, не располагающие к состраданию.» Я прочла недавно эту фразу в одной книге, я ее даже выписала себе. Правда, хорошо? Почему вы вдруг умолкли?

Элиза (входя). Все, теперь побежали. Ну вот! Звонят!

Шарлотта (вполголоса, Этьену). Забудьте, что я вам говорила.

Элиза. Ну-ка, Шарлотта, что там за шушуканье! Как я этого не люблю! Беда, мы теперь заблокированы... (Ходит взад и вперед, как зверь в клетке.) Хоть бы внизу сказали, что мсье вышел!

Идет к внутренней двери; в этот момент появляется Лорансо.

Элиза. Сударь, мужа нет дома, и я не знаю, когда он вернется.

Лорансо (очень бледный). Я непременно должен его видеть.

Элиза. Что с вами?

Лорансо. Я в последнее время болел...

Элиза. Как же, как же... знаем мы эти болезни. Идем, Шарлотта.

Лорансо. Что вы сказали?

Элиза. Я только сказала, что незачем морочить мне голову, – ничего другого; у моей кухни нет от меня тайн.

Лорансо (с явным подтекстом). Вот оно что... Бесподобно!

Элиза (встревоженно). Что с вами?

Лорансо. Ничего. Доверительные отношения – это прекрасно!

Элиза. Вы и не представляете себе, сколько я делаю для Агаты; то платье, что на ней...

Лорансо. Еще того хлеще.

Элиза. Что такое?

Лорансо. Все, что вы говорите о мадам Клеман и о ее доверии к вам, меня необычайно веселит, только и всего.

Элиза. Что-то за этим кроется. Послушай, Шарлотта... (Отводит ее в глубину комнаты.) Сходи на рынок: вот деньги. (Продолжения разговора не слышно. Затем, обращаясь к Лорансо.) Теперь скажите, что все это значит, все эти недомолвки?

Лорансо. Никаких недомолвок. И вообще, почему вы ждете разъяснений именно от меня? Это отнюдь не в ваших привычках.

Этьен. Мама, между прочим, было бы гораздо лучше, если бы ты пошла на рынок вместе с Шарлоттой.

Элиза. С какой стати ты вмешиваешься? Ты-то здесь при чем?

Лорансо. Зря вы придаете значение тому, что я сказал. Просто я невероятно раздражен; коль скоро вас посвятили во все, вас это вовсе не должно удивлять.

Элиза. Сейчас вы взяли себя в руки; если вы думаете, что я этого не замечаю...

Лорансо. То есть я снова в здравом уме?.. Ваша кузина только что разговаривала со мной с резкостью, какой я, возможно, не заслужил; она запретила мне писать ей...

Элиза. О, здесь другое – и я знаю, что именно. Бесплезно изворачиваться. Вы понимаете, что я имею в виду. И ты понимаешь – или ты уж очень глуп. Эта мерзавка, которая использовала меня как только могла... Ну, мы еще посмотрим. Посмотрим!.. Через пятнадцать минут я буду у нее. (Уходит.)

Этьен. Как вы могли!

Лорансо. Брось, Этьен. Ты же знаешь, что все это правда.

Этьен. Нет, нет и нет!

Лорансо. Этьен... я выяснял, здесь не может быть никаких сомнений.

Этьен. Вы унизились до этого!.. Но меня не интересуют собранные вами рассказы. Я знаю – слышите? – что между Агатой и моим отцом существует лишь самая прекрасная, ничем не замутненная близость; у них было право на все, повторяю, на все, – но они им не воспользовались. Еще вчера я провел с ними два часа. Разумеется, вы улыбаетесь, вы недоумеваете, при чем тут я, – это потому, что вы ничего не понимаете... Вам не понять, что есть между нами троими непривычного, нового, это, в сущности, возрождение каждого из нас – но разве вы можете себе это представить? Для вас существует лишь примитивное, низменное.

Лорансо. Этьен!

Этьен. Вы пришли сюда, побуждаемые самой заурядной ревностью. Но не в вашей власти причинить зло, как вам того хотелось. Есть нечто недостижимое для вашей ярости: гармония, к которой вы абсолютно глухи.

Лорансо. Бедный мальчик, да ты бредишь.

Этьен. Вы способны лишь ускорить неизбежную развязку, только и всего.

Лорансо. Ну а твоя мать, несчастный!

Этьен. Маме самой хочется, чтобы все это кончилось, ситуация слишком затянулась; она бы сама освободила обоих от чувства долга, щепетильности, которое их удерживает.

Лорансо. При чем здесь щепетильность, если они – любовники, в чем я теперь не сомневаюсь... (Не договаривает фразу, увидев входящую Агату.)

Этьен. Агата, мама у вас... она вообразила самые отвратительные вещи, и всё – по вине этого человека, уверяющего, что он вас любит.

Агата. Пусть все думают, что им угодно, я не стану оправдываться.

Этьен. Зачем вы пришли?

Агата. Завтра Элиза уезжает, я хотела проститься с ней...

Лорансо. Агата, как глубоко вы меня ранили!.. Даже если то, что он говорит, – правда, я вам этого никогда не прощу. Вы оттолкнули меня без малейшего сострадания, как пинают ногой надоевшую игрушку.

Агата. Сострадание – роскошь, а она доступна не каждому.

Лорансо. Но не думайте, что я из тех, кого можно вернуть в случае разочарования. Не рассчитывайте на терпение, которым вы злоупотребили. (С пафосом.) Вы больше не услышите обо мне. Прощайте. (Уходит.)

Агата. Он просто сошел с ума, бедняга! (С горечью.) Отчего я не уехала тогда, два месяца назад!

Этьен. Скажите откровенно, вы в самом деле жалеете, что остались?

Агата (после длительной паузы). Да, Этьен. В конечном счете, да.

Этьен. Вы не правы, что бы вам сейчас ни казалось. Подумайте о настоящей гармонии, воцарившейся с минуты, когда это стало возможным. Вы дали нам тепло очага, которого нам так не хватало. Неважно, что это бывало лишь на мгновения, эти мгновения – все, а остальное не в счет. И когда моя

мать сейчас войдет со своей обычной бранью, надо, чтобы вы ей не возражали. Мне это теперь абсолютно ясно, хотя только что дурацкий инстинкт мне подсказывал другое. На самом деле с этим надо кончать любой ценой. Дайте ей оружие – любое, все, что ей потребуется, – потому что в результате вы оба окажетесь свободны.

Агата. Я так не могу.

Этьен. Вы прекрасно понимаете, что так надо, и этот обман не должен вас отпугивать. Не бойтесь причинить ей этим боль. Сейчас для нее гораздо хуже правда. Ей так хочется верить в вашу виновность; так не лишайте ее этой неблагородной веры.

Агата. У меня не хватит сил; не ждите от меня этого. Подумайте об оскорбительных вещах, которые мне придется выслушать, вспомните о прошлом – ведь она считает меня своим должником.

Этьен. К чему это слово...

Агата. Пусть ее обвинения дики... но ведь мы действительно обманули ее доверие.

Этьен. В ваших угрызениях нет ни грана здравого смысла. Вы боитесь маски, которую придется надеть, чтобы выйти из тюрьмы?.. Вы что, плачете, Агата?

Агата. Повторяю, у меня не хватит сил.

Этьен(вполголоса). Так что же, испытание в течение этих двух месяцев было менее тяжким?

Агата. Да, несравненно.

Этьен. Каким тоном вы это произнесли!.. (Хлопнула входная дверь.) Это вернулся отец.

Агата. Я не хотела бы его видеть.

Этьен. Значит, я с ним поговорю. (Агата выходит из комнаты.)

Появляется Морис.

Морис. Кто был здесь только что?

Этьен. Агата. Папа, послушай, в твое отсутствие произошло нечто чрезвычайно важное. Приходил Лорансо. Несколько слов, которые он обронил по неосторожности либо со злым умыслом, возбудили у мамы совершенно недвусмысленное подозрение. Возможно, что это уже приходило ей в голову... И, разумеется, она воображает то, чего нет на самом деле.

Морис. Где она?

Этьен. Сейчас – у Агаты. (Молчание. Затем, с плохо скрываемой робостью.) Настал момент покончить с этим.

Морис. С чем?

Этьен. Прежде всего, ты не сможешь ее разубедить... даже если захочешь.

Морис. Да что мне до того, что она вообразила? Я не собираюсь отвечать на обвинения, какие ей вздумается бросить мне в лицо.

Этьен. Но, отец, это невозможно!

Морис. К тому же ее настроения минутны; через неделю она и не вспомнит об этом.

Этьен. Ты не имеешь права терпеть обвинения такого рода – надо ее опередить.

Морис. Милый мой, ты не можешь себе представить и сотой доли того, что мне пришлось выслушать от нее в продолжение нашей совместной жизни.

Этьен. Но в чем дело? Я еще могу как-то понять Агату, испытываемое ею чувство гадливости в связи с подобными обвинениями.

Морис. Выразись яснее.

Этьен. Я умолял ее поддержать эту ложь, ради выхода из тупика.

Морис. Ты просто сумасшедший. С какой стати?.. Надеюсь, она отказалась.

Этьен. Да, но...

Морис. С твоей стороны это было чистое ребячество, я рад, что она это поняла.

Этьен. Но почему – ребячество? Ведь для вас обоих это путь к освобождению!

Морис(с иронией). Я полагаю, такой способ освободиться показался Агате не слишком привлекательным.

Этьен. Отец, она любит тебя...

Морис. Никогда не знаешь, в какой мере можно положиться на женское сердце. Если бы я рассказал тебе один эпизод из моей жизни, воспоминание о

котором до сих пор причиняет мне боль... увы, ты бы это признал и сам.

Этьен. Не надо мне ничего рассказывать. Прошлое не в счет. И потом... разве можно все классифицировать!

Морис. А что прикажешь делать с опытом?

Этьен. Я убежден, что в любви не существует опыта.

Морис. Поистине – речь юноши, еще не любившего!

Этьен. Когда любишь, прошлое стирается; ты как бы рождаешься вновь. Морис. Знаю; многие, кто влюблен, повторяют это всякий раз. Увы, они обманывают себя. В любви, мой мальчик, каждый черпает из прошлых радостей, которые требуется обновить, или из разочарований, которые надо стереть из памяти... Скольким вещам еще должна научить тебя жизнь!

Этьен. Я предпочту обойтись без подобной науки.

Морис. Знай же, что все самое чудесное, привлекательное в наших отношениях с Агатой связано с тем, что мы не вносим в них ничего мнимого романтического. Между нами – абсолютное согласие...

Этьен. Тебе это только кажется.

Морис. Пройдя через определенные жизненные испытания, перестаешь доверять восторженным порывам. Жизнь учит ценить умеренность чувств, находить в них источник тонкого наслаждения. Как от пейзажа...

Этьен. Так, значит, эта целомудренная близость, победа, одержанная духом, не была – с твоей стороны, по крайней мере, – жертвой? Не рассчитывай, что это найдет во мне восторженный отклик.

Морис. Не все же я могу тебе объяснить, согласись...

Этьен. Не знаю.

Морис. Даже будь мои устремления не такими уж платоническими... мне известно по опыту, чего иной раз стоит поддаться порыву. Поверь мне, полное обладание – иллюзия, мираж!

Этьен. Во всяком случае, столь рассудительное счастье ее не могло удовлетворить. Она просто смирилась.

Морис. Я уверен в обратном... Повторю тебе еще раз: в этом мы достигли полного взаимопонимания. И обрати я к ней страстные мольбы – у нее хватило бы мудрости отказать мне.

Этьен. О, как же вы мудры оба! Я предпочел бы падение двух охваченных страстью людей вашей слишком легко одержанной победе над собой.

Морис. Мальчик мой, я не подозревал в тебе столь романтических наклонностей.

Этьен. Хватит иронии. Я чувствую себя на грани чего-то ужасного. Сейчас речь уже идет о нас с тобой, не только о тебе. К счастью, время теперь другое и от тебя не требуется столько добродетели. Откажись от этих каторжных цепей!

Морис. Могу я поинтересоваться, что ты так величаешь?

Этьен. Отец, если бы ты мог видеть себя в зеркале! Тот, кто сейчас взглянул бы на тебя со стороны, ни за что бы не поверил, что ты любишь своего сына.

Морис. Так ты что, действительно хочешь нашего развода?

Этьен. Я страстно жажду этого – и для мамы, да, и еще для чего-то, что выше нас: называй это как угодно. Моей религией, если хочешь.

Морис. Но по какому праву?

Этьен. Ты сам дал мне это право, рассказав, чем была ваша жизнь. Я хотел бы расторгнуть ваши узы, как вырезают больное сухожилие.

Морис(неуверенно). Но я уже сказал тебе, Этьен: все не так просто. Двадцать три года совместной жизни – это связывает людей гораздо крепче, чем ты можешь предположить. И как ни суди друг друга...

Этьен. Но между вами – только озлобление, злопамятность, воспоминания, причиняющие боль.

Морис. Однако эти воспоминания цепко держат тебя... И потом, не надо быть несправедливым: вспомни, как твоя мать три года тому назад выхаживала меня, когда у меня начался перитонит.

Этьен смотрит на него с растущим изумлением.

Этьен. Но при тебе почти неотлучно была сиделка.

Морис(настойчиво). Разве одного этого не достаточно, чтобы убедиться, что в нас, за пределами того, что мы о себе знаем, есть глубинные резервы привязанности...

Этьен. Это привычка, а не привязанность.

Морис. Так ли уж легко их различить?

Этьен. Но ведь с какого-то времени...

Морис... Да, характер твоей матери испортился, в ней стала проявляться грубость; не помню, чтобы прежде меня это так шокировало. Должен признаться, что и под твоим влиянием...

Этьен. Как?..

Морис. Точнее, в силу твоего присутствия ее недостатки все больше бросались мне в глаза. Но если подумать – разве мне не в чем упрекнуть самого себя? Ты ведь знаешь, от меня можно ждать оскорбительных, безжалостных слов. Надо признать откровенно: я мог неуместными вспышками гнева, а подчас и пренебрежением в какой-то мере способствовать тому, что мы стали все меньше понимать друг друга... (Вполголоса.) Возможно даже... как знать?.. тому, что она так опустилась!

Этьен. Но, папа... я не хочу спорить с тобой, хотя справедливость, какую ты сейчас так неожиданно демонстрируешь, ранит меня сильнее, чем суровость твоих прежних суждений. Нет, я изо всех сил хочу верить, что она была черства, нелепо упряма, что вина – на ней. На ней. (С дрожью в голосе.) Прежде всего потому, что иначе все, что было мной сделано и сказано... о, в этом случае я был бы просто чудовищем!

Морис. Этьен, надо видеть вещи такими, какие они есть...

Этьен. Но почему ты требуешь этого именно сейчас, когда, как мне кажется, напротив, твой очевидный долг – ринуться в неизвестное, не бросив ни единого взгляда в сторону прошлого! Скажи, отчего эта забота о справедливости проснулась в тебе так поздно?

Морис. Мальчик мой, вероятно, в моем возрасте испытываешь больший страх перед непоправимым, нежели в твоём. Я понимаю обуревающие тебя чувства, во всяком случае думаю, что понимаю, – хотя, возможно, к ним примешивается и доля эгоизма.

Этьен. Нет, ни грана...

Морис. И все-таки. Эта жажда положить конец семейной жизни, ущербный характер которой я к тому же сам признаю...

Этьен. Но то, что у нас, – это не семья, это слово здесь совершенно неуместно.

Морис. Видишь ли, я ведь должен серьезно поразмыслить, прежде чем очертя голову ввязаться в такую авантюру; например, подумать, что будет с твоей матерью...

Этьен. Слава богу, она обеспечена; насчет материальной стороны ее жизни можно не волноваться.

Морис. Но речь ведь не только о материальной стороне.

Этьен. Я полагаю, что для такого человека, как она, это все же главное.

Морис. Недобрые слова.

Молчание. Этьен смотрит на отца с недоумением.

Этьен. В таком случае могу тебя успокоить: из оброненных мамой фраз ясно, что для нее развод – избавление. К тому же, повторю вновь: разве иначе я... взял бы на себя эту чудовищную ответственность?! Она хочет развода, она его горячо жаждет, я в этом уверен!

Морис. Да разве она сама знает, чего хочет?

Этьен(с нарочитым бесстрашием). Ну, а ты... (Морис не отвечает.) Очевидно, что развод повлечет для тебя серьезные последствия, их нельзя не учитывать, не правда ли?

Морис. Ты намекаешь на материальные перемены, которые ждут меня вследствие развода или разрыва отношений?

Этьен(тем же тоном). Да, конечно.

Морис. Разумеется, это тоже следует принять во внимание.

Этьен(с трудом овладевая собой). Так что будущее в этом случае... Каким ты себе его представляешь?

Морис. Что ты имеешь в виду?

Этьен. Скажем, будущее для Агаты.

Морис. К сожалению, ясно, что возникнет новая ситуация, которая очень тяжело отразится на наших отношениях...

Этьен(не выдержав, запальчиво). Так ты уже все решил? Ты ее оставляешь?.. Ей ведь нечем удовлетворить твою тягу... к комфорту. Так вот – единственная причина, незачем искать другие! Если бы не это постыдное соображение, в силу которого ты прикован к жене, ты бы не пытался – как ты это только что сделал – расшевелить во мне бог весть какие ржавые струны с

целью меня растрогать. Теперь все так ясно. О, теперь я знаю цену этому бескорыстию твоего чувства к Агате, так восхищавшему меня... Да, я понимаю, что, как ты говоришь, все не просто. Так вот, возможно, именно эти «осложнения» возмущают меня более всего... Нельзя ничем восхищаться... уже не знаешь... (С глубокой горечью.) Скажи же что-нибудь в свою защиту.

Морис. Что я могу сказать? Если тебе доставляет удовольствие топтать все, что есть между мной и тобой душевного, неоценимого...

Этьен. Ах, не спекулируй на этом! Пусть хоть это останется нетронутым!

Морис. Нет. Твое безжалостное стремление все разрывать, с благой целью – досконально разобраться, – ничего не оставит нетронутым. Даже это. Этьен(настойчиво). Я жду от тебя оправданий.

Морис. Но я не собираюсь оправдываться перед тобой. Мне это претит. Между нами не может идти речь об одобрении или порицании. Возможна только любовь. Принадлежит мне твоя любовь или нет? Никакого другого вопроса не может быть... Когда ты обвиняешь меня в том, что я не настолько дорожу этой женщиной, чтобы пойти ради нее на риск, даже незначительный, – это равносильно тому, что ты меня обвиняешь в чрезмерной привязанности к тебе. Вероятно, в моей душе недостает места для двух абсолютных чувств... но тебе ли меня упрекать? Подумай, мой мальчик; я не жду хорошего от того, что, кажется, могу прочесть в этом сверкающем взоре... Не думаю, что я старался казаться в твоих глазах лучше, чем я есть, как мне этого ни хотелось. По-моему, сказанное мной было ясно в тот день, когда я решил сделать свое горестное признание, но, вероятно, ты не захотел понять меня до конца. И потом, видишь ли, есть вещи, за которыми как бы тянется угрюмый след...

Этьен. До чего же ты склонен мириться с положением вещей!..

Морис...Это уходящее время, надвигающаяся старость, затвердевающая душа: страшные реальности, еще не знакомые тебе. Может быть, есть нестареющие души, постоянно обновляющиеся в лучах, ниспосланных Богом. Мой дорогой, благословенны небеса, возможно, сделавшие тебя одной из таких избранных натур! Сохрани же для душ простых смертных, как я, немного сострадания.

Входит Агата, погруженная в свои мысли.

Морис (Агате). Вы собирались дожидаться Элизу?

Агата. Нет. Я была в своей бывшей комнате. Неважно себя чувствовала... сейчас лучше.

Морис. И?..

Агата. Я все обдумала. По сути, уже два месяца как я должна была быть в Сен-Квентене. Друзья рассчитывают на меня, сейчас ощущается потребность в людях дела. Я не могу и дальше отсиживаться здесь. К тому же...

Морис. Элиза будет огорчена.

Агата (пристально глядя на него). Вы полагаете?

Морис. Уверен... Обещайте, по крайней мере, что будете наезжать к нам время от времени. Это так недалеко от Парижа...

Агата. Сейчас – не то, что до войны.

Морис. Да, с поездками стало плохо. Но все-таки... Пишите нам почаще.

Агата. Обещаю иногда писать.

Воцаряется тягостное молчание.

Этьен (волнуясь). Нет, это невозможно... Вы не бросите нас так, Агата, вы не лишите нас этого робкого проблеска... Боже мой! Да вы оба даже не смотрите друг на друга, словно боитесь и этого...

Агата долго, горестно обнимает его. Морис глядит на них, он очень бледен.

Марсель Габриэль пьесы filosoff.org
Морис (отойдя к окну). Пасмурно; кажется, моросит дождь. В Сен-Квентене так будет очень часто.
Агата (просто). Для меня такая погода привычна. (Подходит к Морису, протягивает ему руку для прощания.)

Занавес.

ЧЕЛОВЕК ПРАВЕДНЫЙ
(Un homme de Dieu)

явись людям и себе тем, кто ты есть.

Пьеса в четырех действиях. Написана в 1922 году
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
Клод Лемуан, пастор
Эдме, его жена
Осмонда, их дочь
Д-р Франсис Лемуан, брат Клода
Г-жа Лемуан, мать Клода и Франсиса
Мегаль, сосед Лемуанов
Мишель Сандье, человек из прошлого
Фред Жюно, юноша из провинции
Фелиси, служанка в доме Лемуанов
М-ль Обонно, прихожанка
Маленький Рене, ее племянник
Время действия декабрь 1920 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Лемуанов. Холодная, безликая обстановка. На стене – «параболы» Бюрнана и репродукция Сикстинской мадонны. В глубине комнаты стоят Осмонда и Мегаль. Мегаль в плаще.

Мегаль. Извините меня, мадемуазель. Я вижу, вы только что из-за стола. Я ведь велел служанке не беспокоить вас.

Осмонда. Никакого беспокойства. Садитесь, прошу вас. По воскресеньям мы завтракаем поздно; кто-то всегда хочет поговорить с отцом по выходе из церкви. К тому же, мы уже позавтракали.

Мегаль. Если я правильно понял, вы были так любезны, что предложили пройтись с детьми после обеда. Я хотел удостовериться, что это вам действительно не в тягость...

Осмонда. Ни в коем случае. У меня сегодня как раз выдался свободный вечер.

Мегаль. Не знаю, как благодарить вас... Тем более, что не представляя себе, как быть с ребяташками. Бонна отпущена на весь день, а мне надо ехать в Эпине.

Осмонда. Госпожа Мегаль...

Мегаль. Никаких изменений. К тому же подобная болезнь... если это можно назвать болезнью...

Осмонда. Она страдает?

Мегаль. Этого никто не может сказать. Она постоянно жалуется, но... врачи меня уверяют, что в этом есть огромная доля самовнушения.

Осмонда. Да?

Мегаль. Более того, это – единственная черта, напоминающая мне жену, какой я знал ее прежде. Потому что во всем остальном это совершенно другой человек. (Молчание.)

Осмонда. Не знаю, рассказала ли вам Сюзанна, что на сегодняшнем утреннем уроке в воскресной школе она мне очень хорошо отвечала. Впрочем, я и Ивонной очень довольна.

Мегаль. Я рад. Они хорошие девчушки... Так куда вы собираетесь пойти с ними сегодня?

Осмонда. Еще не решила.

Мегаль. Если я случайно вернусь из Эпине не слишком поздно, мы могли бы пойти, как две недели назад...

Осмонда(уклончиво). Там видно будет.

Мегаль (внимательно смотрит на нее). Какой на вас красивый шарф, он очень вам идет. (Молчание.)

В гостиную входят Эдме, Клод и г-жа Лемуан.

Эдме(Мегалью, поднявшемуся им навстречу). Сударь, сидите, прошу вас. (Г-же Лемуан.) Мама, представляю вам господина Мегалья, он живет над нами. Господин Мегаль – отец тех самых малышей, которых вы вчера встретили на лестнице.

Г-жа Лемуан. Сударь, я очень рада...

Клод. Выпьете с нами чашку кофе?

Мегаль. Благодарю вас, мне надо ехать на вокзал. Я говорил мадемуазель Осмонде, как признателен ей за все, что она делает для моих дочурок. Вчера она опять пришла, чтобы повторить с ними уроки, а сейчас собирается взять их на прогулку...

Эдме (сухо). Но, сударь, если у нее есть свободное время – это совершенно естественно.

Мегаль. По-моему, это большая любезность со стороны мадемуазель Осмонды. Не беспокойтесь, прошу вас. (Идет к двери.) До свидания, сударь... Сударыни... Мадемуазель... (Отвешивает поклон г-же Лемуан и уходит.)

Г-жа Лемуан. Этот господин производит самое приятное впечатление.

Эдме. Мы его совсем не знаем.

Г-жа Лемуан. Взгляд открытый... Хорошая улыбка.

Осмонда. Чашечку кофе, бабушка?

Г-жа Лемуан. Совсем чуть-чуть, милая... Твой дядя Франсис стал бы меня ругать. Ну вот, достаточно, достаточно.

Клод. Так что же, почему Франсис не приехал к завтраку вместе с тобой?

Г-жа Лемуан. Ему надо было посетить больного в пригороде. Но он заедет за мной. (Понизив голос.) По-моему, он хотел с тобой поговорить.

Эдме (не расслышав). Что?

Г-жа Лемуан. Я говорю, что он должен за мной заехать.

Эдме. Хорошо, а то мы его редко видим. (Клоду.) После отпуска твой брат был у нас всего два или три раза.

Г-жа Лемуан. Он так занят... Теперь, когда я здесь, я это понимаю! Госпиталь, посещения больных, встречи, сообщения в Академии... я поражаюсь, как он все это выдерживает. (Клоду.) Впрочем, он – как ты, мой дорогой мальчик... О, не мне упрекать тебя в том, что ты ревностно выполняешь свой долг, и делаешь больше, чем требует долг, как говорил твой незабвенный отец. Но твой приход мне кажется трудным, он отнимает очень много времени и сил. А кстати, достаточно ли ты уделяешь внимания физическим упражнениям? Эдме, вы за этим следите, не правда ли?

Эдме. У нас у всех прекрасное самочувствие.

Г-жа Лемуан. Эта парижская жизнь сама по себе так утомительна, когда сравниваешь с Лозанной. Ваш кофе очень вкусен, я хотела бы

проинструктировать на этот счет Франсиса.

Эдме. Сожалею, что не могу в этом быть вам полезной; по-видимому, он от бакалейщика напротив. Мама, извините, я должна подыскать литературу для моего Союза молодых девушек. (Опускается на колени перед низким книжным шкафом, достает пачку книг, перебирает их.)

Г-жа Лемуан. Кстати, еще об этом господине: Осмонда, так ты регулярно занимаешься этими прелестными девчушками? Как это мило с твоей стороны!

Осмонда. Иногда уделяю им минуту-другую.

Г-жа Лемуан. А их мама?..

Эдме (листая одну из книг). Их мать помещена пожизненно в больницу.

Г-жа Лемуан. Какая трагедия!

Эдме. Меня несколько удивляет, что сегодня ты нашла свободное время. Рождество в среду, а у тебя, по-моему, накопилось очень много дел.

Осмонда. Напротив, к нынешнему Рождеству я многое уже успела.

Эдме. За работу для крестной ты даже не бралась.

Г-жа Лемуан. Мне грустно думать, что я не увижу вашей елки. Но Анри и Лулетт рассчитывают на меня. Они будут страшно огорчены, если я не попаду к ним на праздники. Не знаешь, как сделать, чтобы все были довольны... обычная беда слишком спянных семей!

Эдме (Осмонде). Ты помнишь «Маленькую сиротку из Приёре»?

Осмонда. Покажи.

Эдме продолжает листать книгу.

Г-жа Лемуан. Я помню; очень трогательная история. Да вообще все эти адаптированные английские книжки восхитительны.

Эдме (поставив книгу на место). Она мне кажется страшно сентиментальной, а эти девицы и так склонны проливать слезы над всякой ерундой.

Клод. Важно их заинтересовать.

Эдме. Да, но не любой ценой.

Г-жа Лемуан. Немного романтики не помешает... Совсем немножко. (Осмонде.) Что ты на это скажешь, милая?

Осмонда (вставая). Не берусь судить.

Эдме. Не забудь, что мадемуазель Жантиль ждет тебя к пяти: нужно ей почитать.

Осмонда (раздраженно). Не беспокойся.

Эдме. Очень мило – придумывать себе новые обязательства...

Осмонда. До свидания, бабушка. Папа, что ты делаешь сегодня после обеда?

Клод. Мне надо написать пару писем. И подготовить завтрашнее обращение.

Эдме. О маленьком Симононе?..

Г-жа Лемуан. Я уверена, Эдме, что вы никогда ничего не забываете. Я просто в восхищении!

Осмонда (с досадой). Да, мама никогда ничего не забывает; и это ужасно. (Уходит.)

Г-жа Лемуан. Мне кажется, девочка становится немного нервной. Клод (жене). По-моему, ее задевает, что на нее недостаточно полагаются.

Эдме. Но при своем внешнем спокойствии Осмонда чересчур импульсивна, я это замечаю постоянно.

Клод. Не получается ли, что, фиксируя таким вот образом чужие недостатки, мы их, можно сказать, усугубляем? Как ты считаешь, мама?

Эдме. Так что же, закрывать глаза?

Клод. Я этого не говорю; однако от нашего подхода к другим...

Эдме. Знаю, знаю, но эта теория может далеко завести.

Г-жа Лемуан. Во всяком случае, я очарована своей внучкой... Вам, конечно, известно, что сейчас, во время летних каникул, в Лозанне организуются экскурсии, лекции...

Клод. Полагаю, ты там будешь.

Г-жа Лемуан. Разумеется.

Клод. Но у меня нет ни малейшего желания посылать с тобой дочь.

Эдме. Ну, мы к этому еще вернемся. (Клоду.) Так что же ты ответишь господину Жюно? (Г-же Лемуан.) Пастор из Ла-Шо-де-Фон попросил нас взять на пансион своего сына: Фред, вы его знаете... Он будет готовиться к лиценциату.

Клод. Если ты считаешь, что прилично предоставить ему нашу маленькую комнату...

Эдме. По-моему, она должна устроить молодого человека. Вы не находите, мама?

Г-жа Лемуан. Я бы лично вполне ею удовольствовалась, если бы Франсис не настоял, чтобы я остановилась у него. Впрочем, я устроена прекрасно.

Клод. Тогда я напишу ему. (Уходит.)

Г-жа Лемуан. Скажите, Эдме, этот молодой человек, Фред... вы не опасаетесь, что Осмонда...

Эдме. Он придурковат; не думаю, чтобы Осмонда питала интерес к подобным юнцам... Нет, это бы меня не тревожило.

Г-жа Лемуан. Вы хотите сказать, что у вас есть другие опасения?

Эдме. И да и нет. Кстати, вот этот господин, только что покоривший вас...

Г-жа Лемуан. Ну, это преувеличение!

Эдме. Так вот, я не особенно удивлюсь, если узнаю, что он уже вскружил голову Осмонде.

Г-жа Лемуан (она шокирована). Что вы такое говорите, Эдме!

Эдме. Осмонда вообще не слишком любит детей; воскресная школа для нее скорее ярмо. Так что, согласитесь, заботливость, которую она проявляет к этим двум девочкам, наводит на размышления.

Г-жа Лемуан. Осмонда – как ее отец, который всегда был воплощенная самоотверженность... И поскольку у нее перед глазами постоянно такой пример, то нет ничего удивительного в том, что она исполнилась сочувствием к этим бедным деткам. И вообще, видите ли, Эдме (с некоторой торжественностью), людям всегда надо доверять.

Эдме. Да?..

Г-жа Лемуан. Всегда – и невзирая ни на что.

Эдме. Что я должна на это ответить?

Г-жа Лемуан. Я видела много безобразного вокруг себя, Эдме. И тем не менее, несмотря на этот печальный опыт...

Эдме (голос ее задрожал). На что вы намекаете?

Г-жа Лемуан (спохватившись). О, это давняя история.

Эдме. Вот как?

Г-жа Лемуан. Одним словом... тогда было от чего прийти в отчаяние.

Эдме. Да, да. Любопытно, что Клод при мне ни разу не обмолвился о событии, которое вас тогда, по-видимому, потрясло. Это так?.. Очевидно, то был секрет... ему не принадлежавший?

Г-жа Лемуан (уклоняясь от ответа). Но, разумеется, если вы этим так обеспокоены...

Эдме (устремляет на нее вопросительный взгляд). А! Ну да, вы сейчас говорите об Осмонде... я не сразу сообразила. Не то, что обеспокоена, но – отношусь с недоверием.

Г-жа Лемуан. Однако, мне кажется, она так похожа на своего отца...

Эдме. Вы находите?

Г-жа Лемуан. Во всяком случае в том, что касается морали...

Эдме (двусмысленным тоном). Да, да...

Г-жа Лемуан. Как говаривал мой бедный муж: «тот же звук души».

Эдме. У меня еще не было счастливой возможности слышать душу своей дочери.

Г-жа Лемуан. Но если бы Клод разделял ваши тревоги, он бы мне наверняка...

Эдме. Клод вам говорит все?

Г-жа Лемуан. Все, что он считает себя вправе мне сказать.

Эдме. Впрочем, когда я вижу, как исправно он вам отсылает раз в неделю небольшую бандероль...

Г-жа Лемуан. Я не нахожу слов, чтобы высказать, какое благо для меня – эти письма. Недавно я перечитала старые письма Клода: среди них есть такие прекрасные... почти трагические. Я готова была переписать для вас отрывки.

Эдме. К какому времени они относятся?

Г-жа Лемуан. Это первые годы вашего брака.

Эдме. И вы говорите – они трагические?

Г-жа Лемуан. Клод переживал тогда тяжелейший душевный кризис. Вы же знаете, что в какой-то момент он даже думал оставить пасторскую службу.

Эдме. Как?..

Г-жа Лемуан. Не станете же вы уверять меня, что ни о чем не догадывались!

Эдме. Но я действительно ничего об этом не знала. Первые годы нашей супружеской жизни... в ту пору мы совсем не были близки. Не можете ли вы мне сказать точно, каким временем датированы эти письма? Он их писал до... ну,

скажем, девятьсот третьего года?

Г-жа Лемуан. Все они написаны до девятьсот третьего года. Но к чему этот вопрос?

Эдме. Мама, уверяю вас, нет нужды притворяться; вы выдали себя только что... тсс!..

Клод (входя). Ты помнишь адрес Жюно? Не могу найти его письма. По-прежнему улица Карла Маркса?

Эдме. По-моему, они переехали; вы не помните, мама?

Г-жа Лемуан. Я не поддерживаю с ними отношений. Они окончательно сделались большевиками – как, впрочем, все в Шо-де-Фон. Твой отец, которого отличал здравый смысл, уже тогда был в ужасе.

Эдме(с раздражением). Удивительно, что ты не находишь письма: утром я его положила в папку для корреспонденции, требующей ответа.

Клод. Ну хорошо, хорошо.

Эдме. Сколько раз я тебе говорила... Когда же в этом доме будет порядок!

Клод. Порядок – до такой степени... от этого можно сойти с ума. Сейчас закончу письмо и вернусь. (Уходит.)

Эдме. И этот внутренний кризис... Но ведь Клод не из тех людей, кого когда-либо терзали тревоги. Для него все так ясно, так просто! И слава Богу: что бы со мной стало, будь он другим!

Г-жа Лемуан. Безусловно, мы все в большом долгу перед ним.

Эдме. О! Я собиралась говорить вовсе не о признательности. Человека не благодарят за то, что он такой, какой есть. (Снова, с нажимом.) Так вы уверены, что это было до девятьсот третьего?

Г-жа Лемуан. Абсолютно. Потом, напротив, словно покой снизошел на него: как будто он увидел свет впереди, которого раньше не замечал...

Эдме. Свет?..

Г-жа Лемуан. Именно. Тот, который виден, только когда вокруг сплошной мрак. (С недоумением.) Вы смеетесь? Почему?

Эдме (глухо). Прекрасно! Вот цена обещаниям.

Г-жа Лемуан. Каким обещаниям?

Эдме. Он обещал мне, что вы никогда ничего не узнаете.

Г-жа Лемуан. Но послушайте, Эдме...

Эдме. О, не старайтесь меня обмануть... Эта тайна... наша тайна, он выдал... жалкий человек!

Г-жа Лемуан. Он – жалкий человек?! Вы дерзаете оскорблять его!

Входит Клод, держа в руках письмо.

Клод. Я дописал его. Если ты выходишь, снеси его, пожалуйста, на почту.

Эдме. Сегодня воскресенье: думаю, его уже не отправят. Ведь оно не к определенной дате? Или, впрочем... Дай мне его все же... Который сейчас час? (Рассеянный жест выдает ее внутреннее потрясение.)

Клод. Но что с тобой, Эдме?

Эдме. Ничего... абсолютно.

Клод. Мама...

Эдме. Я тебя застаю попозже?

Клод. По-моему, должен прийти франсис. Я его дождусь.

Эдме. Да, но ты... ты... Я скоро вернусь. (Тихо.) Я хотела бы застать тебя одного, понимаешь? Там я все улажу, кто-нибудь меня заменит.

Г-жа Лемуан. Эдме, когда вы вернетесь, я уже уйду.

Эдме. До свидания, мама. (Уходит.)

Клод. Что здесь происходит?

Г-жа Лемуан. Мой бедный мальчик, я допустила неосторожность. Сама не знаю, как это я так забылась... (Едва не планет.) Но вообще-то удивительно, что этого не случилось гораздо раньше. Эдме поняла, что ты мне писал обо всем.

Клод (после недолгой паузы, решительно). Тем лучше. Видишь ли, мама, меня ужасно угнетало, что я обманываю ее; сколько раз я корил себя за это! Если бы не какая-то смутная боязнь, я бы ей давным-давно признался...

Г-жа Лемуан. Что за слово!

Клод. Но ведь я обещал ей ничего тебе не рассказывать.

Г-жа Лемуан. Потому что она этого потребовала. Но по какому праву?

Клод. Не важно. Я обязался.

Г-жа Лемуан. Но вспомни же, наконец: она грозилась уехать, даже,

может быть... Так что это вроде обещаний больным.

Клод. Что бы там ни было, но с тех пор, как были восстановлены ее силы, с тех пор, как я ее вылечил – я должен был все ей сказать: она бы поняла. Ты же сама всегда говоришь, что нужно доверять. Правда, давая это обещание, я был уверен, что сдержу его. И затем, однажды... сам не знаю почему – я ведь не чувствовал себя более одиноким, чем обычно, – я тебе обо всем написал.

Г-жа Лемуан. Тебе не в чем виниться!

Клод. Я поступил с ней, как с ребенком...

Г-жа Лемуан. В конце концов, Клод, прошло столько времени...

Клод. А какой взгляд она бросила на меня, уходя... О! Он мне так знаком... Мама, все, чего я добился с таким трудом, – все это я, вероятно, потерял.

Г-жа Лемуан. Получается, что из-за меня...

Клод. Нет. Я один виноват. Я сразу же попрошу у нее прощения.

Г-жа Лемуан. И ты собираешься так унижаться перед той, которая... я-то хорошо знаю, что никогда не смогу простить ей.

Клод. Это слово, мама, имеет смысл только для нас двоих.

Г-жа Лемуан. Она никогда не стоила тебя!

Клод. Когда я думаю о том, что это прощение дало мне... об этом душевном покое, ощущении некой силы, которая – заодно с моей волей, но не подменяет ее... Именно с того дня мир озарился для меня. Прежде я продвигался на ощупь, впотьмах... Испытание, мама: до этих страшных месяцев слово «испытание» было для меня пустым звуком. Но когда переживаешь то, что мне довелось пережить...

Г-жа Лемуан. Она и не догадывалась, что творилось в твоей душе.

Клод. Решающим в испытании было именно то, что она не поняла происходящего во мне. Я был совсем один... с ним. И вот, шаг за шагом, я чувствовал, что ее доверие ко мне возвращается. Как она, бывало, смотрела на меня, когда ей казалось, что я занят другим! Этот немой призыв в ее глазах! У меня было ощущение, что я помогаю выжить... спасаю от гибели что-то бесконечно хрупкое. Первое время, возвращаясь домой по вечерам, я всякий раз готовился услышать, что она уехала, чтобы соединиться с тем человеком! Я уверен, что в течение очень долгого времени она еще думала об этом... верила, что хочет этого. Но на самом деле их разделяла какая-то сила. И вот однажды я внезапно совершенно явственно почувствовал, что это кончилось – что она больше не думает об этом, – что мы оба одержали верх! Не надо плакать, мама. Я не должен был воскрешать в тебе эти воспоминания...

Г-жа Лемуан. Помяни мое слово, она еще причинит тебе горе!

Клод. Как же было хорошо раньше – когда мы еще не знали страданий... Но сейчас мы бы уже не могли так. Каждый нес крест другого, каждый приносил жертву ради другого. Мы словно обогатились... стали лучше, да, лучше...

Г-жа Лемуан. Как прекрасно ты умеешь выразить все это! (Вытирает слезы.)

Клод. Там звонок. Это, должно быть, Франсис. Ты извини – мы отпустили служанку, я пойду открою.

Г-жа Лемуан (одна.) Слишком добр, слишком великодушен. (Сокрушенно качает головой.)

Клод возвращается и вслед за ним в гостиную входит Франсис.

Клод. Дружище, ты ведь должен был прийти к завтраку.

Франсис. Мне нужно было посмотреть больного в Жуа-ан-Жоза; я вернулся только к двум.

Г-жа Лемуан. Когда ты ел?

Франсис. Полчаса назад, в баре-автомате. (Клоду.) Так все в порядке? На днях некто из консистории говорил мне о тебе. Подумай-ка, они очень высоко тебя ценят! Ты словно загипнотизировал своих прихожан, они прямо-таки боготворят своего пастыря.

Г-жа Лемуан. Почему ты никогда не приходишь его послушать?

Франсис. Что поделаешь, это не по моей части. (Клоду.) Мама предупредила тебя, что мне надо кое-что тебе сказать?

Клод. Да, но я понятия не имею, о чем речь.

Франсис. Послушай, мама, как я тебе уже говорил... разумеется, ты можешь остаться: но ты знаешь, что мне придется затронуть в разговоре с Клодом достаточно тягостный вопрос. Я бы не хотел лишний раз тебя волновать.

Г-жа Лемуан. Если я не помешаю, я предпочла бы...

Франсис. Мишель Сандье (у Клода вырывается невольное восклицание; Г-жа Лемуан вздрагивает) недавно был у меня на приеме.

Г-жа Лемуан. Неслыханно!

Франсис. Ничего удивительного: он знает из медицинских журналов, которые, судя по всему, читает самым прилежным образом, что мои исследования касаются именно того тяжелейшего недуга, который его поразил.

Клод. Так эта болезнь...

Франсис(вполголоса). На сегодняшний день она неизлечима. (Громче.) Но он хотел меня видеть и по другой причине.

Г-жа Лемуан. О!

Франсис. Мама, ты видишь, Клод сохраняет хладнокровие.

Г-жа Лемуан. И даже чересчур. Меня одно имя этого негодяя...

Франсис. Мишелю Сандье осталось жить недолго, и он это знает. Я даже должен сказать, что к своему положению он относится с поразительной трезвостью и спокойствием.

Г-жа Лемуан. Наверное, просто рисуется...

Клод. Мама!

Франсис. На протяжении многих лет он вел жизнь... я не просил его вдаваться в подробности, но, конечно, это имеет самое непосредственное отношение к его теперешнему состоянию.

Клод. Так что дальше?

Франсис. Очевидно, ему приходится задумываться над прожитой жизнью... или, во всяком случае...

Клод. Ты об Осмонде?

Франсис. Да.

Г-жа Лемуан. Не хочешь же ты сказать...

Франсис. Он начал с большой осторожностью, но было ясно, к чему он клонит. Вспомнил, как бы между прочим, что знал тебя прежде и даже имел возможность тебя слышать... в какой-то церкви.

Клод. Он спросил об Эдме?

Франсис. Он только осведомился, «хорошо ли поживает ваша золовка». Ему было очень трудно сделать следующий шаг. У него ведь не было никаких оснований предполагать, что мне что-то известно; да и в любом случае... Я наблюдал, как этот несчастный пытался задать вопросы, которые упорно не желали сходить с его уст. Не надо укорять меня за то, что я ему чуточку помог.

Г-жа Лемуан. Франсис, но как же так!..

Франсис. Я ему сказал просто: «В самом деле, мне кажется, что я вас видел прежде в Сен-Лу-де-Тальваз, когда мой брат был там пастором». Больше ничего. Но как, оказывается, велика сила названий! Он очень побледнел. Он молчал, опустив глаза – вот так, – и затем сказал: «Да, у меня был дом в Сен-Лу». Тогда я сделал вид, будто только что вспомнил: «А ведь, правда, припоминаю: этот большой дом на склоне горы... Вы там живете по-прежнему?» Он опять замолчал. Мы стояли, ты понимаешь; осмотр уже, разумеется, был окончен. Я делаю шаг к двери, он не двигается с места. «Вы хотели меня еще о чем-то спросить?» «Да», похожее на выдох. Он берет мои руки в свои, тревожно заглядывает в глаза, словно допытываясь, что мне известно. Я сохраняю спокойствие. Тогда он: «Вы действительно не догадываетесь, о чем я хочу попросить вас?» Что я мог ответить? Если б вы знали, до чего мне не хотелось и дальше играть в прятки с умирающим...

Г-жа Лемуан. Уверена, что он не так плох, как ты хочешь это представить.

Франсис. Ему осталось жить несколько месяцев, и он это знает.

Клод. Что дальше?

Франсис. Так вот, я ему сказал, что мне известно все. О, пусть Клод действует, как сочтет нужным. Он абсолютно свободен. Но полагаю, что я не мог поступить иначе.

Клод. Безусловно.

Г-жа Лемуан. Ты вполне мог ничего не знать: это предательство хотя бы по отношению ко мне.

Клод. К чему притворство!

Франсис. Я заканчиваю. Он просит разрешения перед смертью повидать дочь.

Г-жа Лемуан. Какие он имеет права на этого ребенка?!

Франсис. Это уже другой вопрос.

Г-жа Лемуан. Это единственный вопрос! К тому же ты не имел права брать на себя такое поручение.

Клод. Мама, ты слишком часто произносишь: «имеет право», «не имеет права».

Г-жа Лемуан (Франсису). Ты знаешь брата, знаешь, что он чересчур

добр, чересчур великодушен. Я ему как раз только что это говорила.

Франсис. Ты сейчас предопределяешь его ответ.

Г-жа Лемуан. О, я знаю моего Клода.

Франсис. Мы не должны влиять на его решение.

Г-жа Лемуан. Кто мне запретит высказывать свое мнение?

Франсис. Но это бессмысленно. Никто не может поставить себя на его место.

Г-жа Лемуан. Мать – может. Видеть дочь? Но не думает же он, что мы откроем нашей дорогой крошке...

Клод. Он может видеть Осмонду, зайдя к нам, как любой другой.

Г-жа Лемуан. Но ты не можешь позволить этому человеку прийти к тебе в дом. Это скандал... это безнравственно! Ну скажи же, Франсис!..

Франсис. Я молчу.

Клод. Мама, я простил.

Г-жа Лемуан. Ей – возможно.

Клод. Ей, разумеется.

Г-жа Лемуан. Не ему.

Клод. Это означает только, что жизнь пока от меня этого не требовала.

Г-жа Лемуан. Если б не то преимущество, что он болен...

Франсис. Мама!..

Г-жа Лемуан. И что же, ты думаешь, он удовольствуется такой встречей с Осмондой, «в гостях»? Бог знает, какие вслед за этим он предъявит претензии!

Клод. На мою долю выпало испытание: мне с ним жить изо дня в день.

Франсис. Дружище, вот тут уже я с тобой не согласен. Все же не надо давать затягивать себя в шестерню. Ты должен сохранять полную свободу действий.

Клод. Я чувствую, что более не в силах продолжать обсуждать эти вопросы без Эдме.

Франсис. Однако было бы чрезвычайно неосторожно посвящать ее в это! Подумай, дорогой. Это чревато для нее опасным потрясением. Это – тот случай, когда, на мой взгляд, принимать решение должен ты один.

Клод. А я думаю иначе.

Франсис. Пойми меня правильно. Я ни на миг не допускаю, что в присутствии этого несчастного она может испытать что-то вроде ностальгии...

Клод. Франсис!

Франсис. Но шок, испуг – да... Вот тогда – подумай, какие последствия такое потрясение будет иметь для хрупкого организма. Ты меня прости, дружище, но ведь ты прекрасно знаешь, что твою жену нельзя назвать уравновешенной натурой; и ты собираешься с легким сердцем подвергнуть ее подобному риску? Словом, не может быть и речи о том, чтобы она с ним снова увиделась; и даже пересказать ей то, что я тебе сообщил, было бы...

Клод (горестно). Осмонда – их дочь... и, кроме того... нет, я не могу решать это за Эдме.

Франсис. Позволь, позволь; Мишель под каким-нибудь предлогом придет к тебе в отсутствие твоей жены.

Г-жа Лемуан (негодую). Я ухожу.

Франсис. Постой, мама... И когда Осмонда будет дома.

Клод. И Осмонда должна будет скрыть этот визит от матери?

Франсис. Я согласен, здесь есть определенная трудность. Надо подумать, как ее обойти...

Клод. Я не стану.

Франсис. Ну хорошо...

Клод. Уж лучше я прямо откажу ему, чем еще раз обмануть Эдме.

Франсис. Ну так откажи, в самом деле. В конце концов, этот бедолага...

Клод. Здесь на карте – наши отношения. И если мне удалось создать между нами атмосферу доверия, близости, то вы...

Франсис. Ты рискуешь снова поставить все это под вопрос.

Клод. Почему же?

Франсис. Не знаю, но я это чувствую.

Г-жа Лемуан. А где он был все эти годы? Что он, заботился об Осмонде?

Франсис. Что ты хочешь – у него были утешения. А теперь это не должно удивлять; и, кроме того, к этому нужно относиться как к мании больного.

Клод (Франсису). Меня сейчас больно задело то, как ты высказался об Эдме. Между тем она, мне кажется, проявляет себя самым достойным образом. Обрати внимание на ее жизнь: как самоотверженно она выполняет свой долг, как заполнено полезными делами ее существование...

Франсис. Да... но, возможно, именно это меня пугает.

Клод. Я тебя не понимаю.

Франсис. Так вот: меня беспокоят эта примерная жизнь, эта суровость, размеренность существования... Иногда мне кажется, что жизнь твоей жены протекает как во сне.

Они не заметили, как вошла Эдме – и внезапно обнаружили ее присутствие.

Франсис. А, здравствуйте, Эдме! (Молчание.)

Г-жа Лемуан (с явно преувеличенным интересом). Ну, как ваш Союз молодых девушек? Вы быстро вернулись, Эдме!

Эдме. Я там не понадобилась.

Г-жа Лемуан. Жаль, что вы съездили зря. К счастью, двадцать восьмой – это такой удобный автобус. (Напряженное молчание.) Что, сейчас идет дождь?

Эдме. Не знаю, может быть, слегка моросит, я не обратила внимания. Мне показалось, когда я вошла, что вы втроем что-то горячо обсуждали.

Г-жа Лемуан. Мы...

Клод. Я тебе расскажу.

Г-жа Лемуан. Да, да, он вам расскажет.

Эдме (Франсису). Возможно, я вам в скором времени пришлю девочку, которая посещает мою мастерскую; по-моему, у нее явный туберкулез.

Франсис (встал). Я в вашем распоряжении. Мама, ты идешь?

Эдме. Вы уже уходите?

Г-жа Лемуан. Когда мы теперь увидимся?

Франсис. Приходите на днях к нам пообедать.

Г-жа Лемуан. А ты не боишься, что Эжени... Мне кажется, она сейчас не слишком расположена к приему гостей...

Разговор продолжается за дверью. Клод и Эдме провожают их и сразу же возвращаются.

Клод. Я рад, что ты рано вернулась.

Эдме. Выслушай меня, Клод.

Клод (глядя на нее). Да, знаю.

Эдме. Относительно твоей матери.

Клод. Да.

Эдме. Сперва меня это потрясло. Нет, дай мне договорить, дорогой. (Берет его руки в свои.) Но затем я как следует поразмыслила. Вероятное то момент я была неправа, взяв с тебя такое обещание. Но тогда меня ужасала мысль, что кто-то будет знать об этом.

Клод. Да, да.

Эдме. Особенно – твоя мать. Она так судит всех, при этой своей показной терпимости!

Клод. Эдме!

Эдме. Ну, да это не важно. Пусть только об этом не будет больше разговоров, вот и все.

Клод. Моя дорогая, это так великодушно с твоей стороны. Я боялся, что ты...

Эдме. Не будем о великодушии, хорошо?... Совершенно очевидно, что ты не имел в отношении меня никаких обязательств, – и было безрассудством думать иначе.

Клод. Уверю тебя, когда я давал это обещание...

Эдме. Да, в тот момент. Но не будем это обсуждать, повторяю тебе, я понимаю, или, во всяком случае...

Клод. Ты меня прощаешь?

Эдме. Не смейся надо мной, Клод!

Клод. Я только что говорил маме...

Эдме. Так вы об этом говорили втроем, когда я вошла?... Нет, лучше не отвечай. Так что твой брат тоже посвящен. (В волнении стискивает руки.)

Клод. Когда ты меня упрекаешь в том, что мной якобы руководило некое чувство внутреннего превосходства...

Эдме. Я тебя ни в чем не упрекаю. Все равно, в основе ситуации – то, что есть. (С расстановкой.) Ты меня, во всяком случае, «простил».

Клод. Дорогая, но ведь ты хорошо знаешь, что я понимаю под этим словом; я тебе объяснял.

Эдме. Да, ты мне много чего объяснял.

Клод. Ты мне даешь повод для стольких угрызений! Не говоря уже об этом обмане...

Эдме. Я хотела бы задать тебе лишь один вопрос. Только что твоя мать в разговоре со мной намекнула на некий душевный кризис, через который ты когда-то прошел... Поверь, я не собираюсь упрекать тебя в том, что ты тогда не доверился мне. Нет, я только хотела знать дату.

Клод. Я тебя не совсем понял.

Эдме. Когда именно тебе довелось пережить сомнения в себе?

Клод. Но это ведь не болезнь, их трудно датировать.

Эдме. Ты как будто в смущении?

Клод. Нет,нисколько. Должно быть, это было в девятьсот втором году.

Эдме. То есть в момент, когда у тебя еще не было никаких подозрений?

Клод. Нет, совершенно.

Эдме. А после того – твои сомнения рассеялись?..

Клод. Но подумай, это ведь не дело одного дня или одного месяца... Это было скорее как бы медленным преобразованием меня самого, обновлением.

Эдме. Я здесь была ни при чем?

Клод. Не понимаю.

Эдме. Я... ну, мой поступок... моя измена. То, что ты, после того как узнал всю правду, вновь укрепился в вере во Всевышнего – это простая случайность?

Клод. Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Случайность ... нет, конечно же, это не было случайностью.

Эдме. Вот все, что я хотела знать.

Клод. Я не думаю, что в этой сфере вообще возможна случайность.

Эдме не отвечает; она подошла к оставленному рукоделию, склонилась над ним.

Клод. Я так хотел бы, чтобы ты поняла, что тогда происходило во мне.

Эдме. Вероятно, это слишком трудно.

Клод. В первое время нашего супружества...

Эдме (поднимая голову). Неужели ты собираешься вернуться к этой теме?

Клод. Мне словно никак не удавалось дотянуться до тебя; я чувствовал, что я все время – не с тобой, а возле... Ты не слушаешь меня.

Эдме. Нет, нет, слушаю.

Клод. Это отсутствие контакта жестоко мучило меня. Мне казалось, что мне не дано главное... Ты ведь помнишь, какие глубокие разочарования я испытывал в Сен-Лу с моими неопитами, историю маленькой Женеврие.

Эдме(по-прежнему склонившись над работой). Я что-то плохо улавливаю связь.

Клод. Но связь здесь прямая. Сомнения, о которых ты говоришь, – по сути они касались моих способностей, призвания, если угодно.

Эдме. Да... я была для тебя такой «осечкой».

Клод. Ты знаешь, как я неуверен в себе.

Эдме. Нет... не знаю.

Клод. И вот постепенно... когда ты больше не веришь в себя – почва словно уходит из-под ног. Не остается ничего... Конечно, я не то чтобы ощущал это постоянно: скорее это было похоже на приступы; состояние душевного упадка возвращалось все чаще. Результатом всякий раз становилось чувство приниженности, слабости, страха перед собственной слабостью. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Эдме. Смутно.

Клод. И тогда мне довелось пережить это... (Неопределенный жест.)

Эдме (со скрытой иронией). Испытание.

Клод. На этот раз уже была действительно абсолютная пустота. Я был невысказанно одинок. Я потерял разом жену, ребенка. Первое время мне казалось, что я этого не вынесу. Это правда, ты это знаешь. Но затем, понемногу,

словно замаячил свет вдали.

Эдме. Вот именно.

Клод. Что?

Эдме. Ничего. Я только подтверждаю, что ты выразился совершенно недвусмысленно.

Клод. То, что происходило, было исполнено значения... Словно к самому глубинному, что есть во мне, был обращен некий призыв.

Эдме. Это Бог говорил с тобой.

Клод. Впервые я оказался лицом к лицу с самим собой: от меня требовалось понять, кто я... и, возможно, меня спасло осознание моей бесконечной слабости.

Эдме. Иными словами, во всем этом важно было лишь то, что происходило с тобой, – разумеется.

Клод. Я молился с горячностью, какой не знал за собой прежде.

Эдме. За кого же ты молился?

Клод. За нас обоих; молился о том, чтобы Бог помог мне быть тебе опорой: и постепенно у меня возникало ощущение, что мое страдание превращается в живую и действенную силу.

Эдме. Да... Словом...

Клод. Что?

Эдме. Ничего. Я нахожу, что все это великолепно. (Оба долго молчат.)

В гостиную входит Осмонда.

Клод. Ну как, вы хорошо прошлись?

Эдме. Кто тебе открыл?

Осмонда. Фелиси вернулась. Пошел дождь, малыши устали, они достаточно нагулялись.

Эдме. Что ты теперь собираешься делать?

Осмонда. Я зашла за книжкой; почитаю им немного.

Эдме. Не забудь: мадемуазель Жантиль – в пять часов... Осмонда!

Осмонда (нервно). Что тебе, мама?

Эдме. Тебе не кажется, что можно было бы подать этому господину мысль взять гувернантку?

Осмонда. Не надо, мама...

Эдме. Ты проявляешь здесь услужливость, которая отнюдь не в твоём характере.

Осмонда. Папа, ну, пожалуйста!..

Эдме. Ты мне сама говорила, что девочки – самые заурядные.

Осмонда. Они очень славные.

Эдме. Короче, я решила написать господину Мегалю, что твои занятия не позволяют тебе и дальше посвящать себя его детям.

Осмонда. Но это будет неправдой.

Эдме. Это будет совершенно справедливо.

Осмонда. Папа, я прошу тебя уделить мне сегодня вечером пять минут. Всего пять минут. Хорошо? (Уходит.)

Клод. Я с тобой не совсем согласен.

Эдме. Однако ты должен был бы взглянуть на вещи трезво.

Клод (неуверенно). Я хотел тебе сказать другое. По поводу того, что мне только что сообщил Франсис.

Эдме. Что же?

Клод (как бы сам себе). Боже мой! Наверное, он был прав... но я не могу.

Эдме. Это так серьезно?

Клод. Это тревожно.

Эдме (подходит к нему, ласково). Так что ты хотел сказать?

Клод. Эдме, мне так нужна твоя нежность!..

Эдме. Если бы я была в этом уверена...

Клод. Так вот... он был на консультации у Франсиса, он очень болен.

Эдме. О ком ты? (Клод пристально смотрит на нее.) А!..

Клод. Франсис говорит, что его состояние вызывает худшие опасения. Он изменился до неузнаваемости. И он... хотел бы видеть дочь. Один только раз.

Эдме. Надо отказать.

Клод. Не знаю.

Эдме. Надо отказать!

Клод. Но почему же?

Эдме. Не могу объяснить, но я это твердо знаю. Это невозможно, ты и сам понимаешь.

Клод. Послушай, любимая, я не имею права скрывать от тебя истину. Франсис говорит, что ему осталось жить совсем немного. Пойми меня. Быть может, ты права, не знаю. Но уверена ли ты вполне, что это не будет... в некотором роде низостью?.. (Эдме вздрагивает.) Вы бы не встретились, он зашел бы к нам в твое отсутствие.

Эдме. Ты уже все продумал!.. Чудовищно. Но кто ты, наконец!

Клод. Речь идет об умирающем.

Эдме. Так для тебя прошлое – упряднено, его словно не было! А то, что он обнимал меня, привлекал к сердцу... Ты не мужчина.

Клод. Замолчи.

Эдме. О! Ты все можешь выслушать. Там, где дело касается меня, тебе не занимать хладнокровия.

Клод. Эдме, твои слова кощунственны...

Эдме. Это великодушие – которое тебе ничего не стоит – внушает мне ужас!

Клод. Ничего не стоит!.. Но когда я простил тебя...

Эдме. Что мне твое «прощение», если ты простил меня не потому, что любил! (Рыдает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер того же дня. Рабочий кабинет Клода. Узкая, вытянутая в длину комната с высокими книжными шкафами, полки которых доверху заставлены сброшюрованными изданиями ин-октаво; посреди комнаты – рабочий стол, заваленный бумагами, на нем – керосиновая лампа. Восемь часов. Клод погружен в чтение. Стучат.

Клод. Да?..

Осмонда (за сценой). Это я, папа.

Клод. Входи, девочка. (Осмонда входит в боковую дверь.) Ну, что там у тебя такое? (Помолчав.) Однако не кажется ли тебе, что это не слишком хорошо по отношению к маме – хотеть поговорить со мною одним? (Движение Осмонды.) А если я попрошу ее прийти тоже? Осмонда. Тогда я уйду.

Клод. Осмонда!

Осмонда. Это именно насчет мамы... ну, мамы и меня... Словом, ты понимаешь... Видишь ли, папа, я несчастлива.

Клод. Моя дорогая!..

Осмонда. О, я совсем, совсем несчастлива. В прошлый раз ты говорил в своей проповеди, что наше счастье – в нас самих.

Клод. Ты знаешь, что это так.

Осмонда. В моем случае, папа, это не так... Мне кажется, все во мне заставляет меня страдать. А если есть там и другое – оно так глубоко скрыто во мне, так... О! Мама прекрасно знает, что я несчастлива, и, по-моему, это ее только злит.

Клод. Ну, а что тебя все-таки мучает: есть какая-то особая причина?

Осмонда. Скорее, все причины вместе. Прости меня, я знаю, что причиняю тебе боль.

Клод. Дорогая, нужно мне говорить все... и почему ты пришла с этим только сейчас? Ты не думаешь, что для меня это ужасно?

Осмонда. Папа, ну пожалуйста, не надо.

Клод. Однако я должен был и сам заметить, что с тобой творится что-то неладное. Если сердца даже самых близких непроницаемы...

Осмонда. Наверное, это именно оттого, что я совсем рядом... Ты спрашиваешь, почему я не пришла раньше. Мне трудно ответить на этот вопрос.

Клод (с горечью). Вероятно, ты мне не доверяешь.

Осмонда. О нет, папа! Я доверяю только тебе.

Клод. Осмонда!.. А мама?

Осмонда. Мама – человек, который никогда не поможет. Прежде всего, она так судит каждое твое слово, каждый шаг... меня это парализует – правда,

до определенного момента. Ну, а ты так занят, у тебя столько забот, ты должен облегчать страдания многих людей. Всякий раз создается ощущение, что я тебя краду у кого-то! И потом, конечно, в сравнении с тем, с чем сталкиваешься ты...

Клод. Ты мне сказала, что у тебя есть все основания не быть счастливой.

Осмонда. Это значит, что я не вижу ничего впереди, жизнь меня не привлекает.

Клод. Осмонда, что ты говоришь!

Осмонда. Ну да, ведь в твоих глазах жизнь – это дар Божий, не так ли? – нечто возвышенное, великолепное. Жизнь! Ты произносишь это слово с трепетом в голосе. А мне – напротив, она кажется мелкой, ничтожной. Моя жизнь...

Клод. Но ведь перед тобой... (делает широкое движение рукой.)

Осмонда. Замужество... дети... Ты это хочешь сказать? (Клод молча кивает головой.) Погляди вокруг. Генриетта Беланже, Жанна Шильд... они замужем, у них дети. Но я не вижу ничего завидного в их существовании; не только завидного – интересного!

Клод. Тебе не кажется, что ты судишь очень поверхностно?

Осмонда. Они живут стесненно, трудно...

Клод. Так вот ты о чем!

Осмонда (нервно). Но дай же мне сказать... Допустим, что они счастливы; может быть. Это значит, что у них мужья, которые им не изменяют...

Клод. Дорогая!

Осмонда. Дети, которые растут, не причиняя им особых хлопот, – болеют не чаще двух или трех раз в год. Нет, моей душе это ничего не говорит. Я не знаю, кому нужна такая жизнь. Если моя должна быть скроена по этой мерке...

Клод. Но мерки не бывает! Каждая из этих жизней заключает в себе собственную тайную красоту.

Осмонда. Вот именно, тайную: как ты верно выразился!

Клод. Чтобы оценить ее внутреннюю неповторимость, ее нужно прожить.

Осмонда. Благодарю: с меня достаточно моей... Если б это хотя бы не были растиражированные образцы, тысячи, миллионы одинаковых существований... словно газеты или брошюры. Да, точно: брошюры.

Клод. А тебе не кажется, что тут в тебе говорит... скажем, гордость?

Осмонда. Ну, знаешь, без гордости...

Клод. Сообразовываться с законами жизни, делать их своими; не только принимать их с готовностью, но и, в свою очередь, желать их.

Осмонда. Все это слова. Желаеть ты или не желаеть...

Клод. Это не слова, моя дорогая, это великая истина. Получать, чтобы давать.

Осмонда. Что получать? А давать – что?.. и потом, в самом деле, если все это – для того, чтобы передать другим, которые передадут это в свой черед, – к чему такая игра? Этот бесконечный бег вслепую?

Клод(нежно ее обнимая). Так это смятение – оно, по сути, означает, что ты...

Осмонда. В моем положении надо было бы пытаться найти опору в вере других... До сих пор меня поддерживала твоя вера: твоя вера в меня. Но когда тревога чересчур разрастается, этого оказывается недостаточно. И сейчас...

Клод. Так у тебя есть повод для огорчения?

Осмонда. Нет, это не огорчение.

Клод. Беспокойство?

Осмонда. Да, скорее.

Клод. Ты не хочешь назвать мне причину? (Машинально достаёт часы.)

Осмонда. Смотришь на часы?

Клод. Ты же знаешь, мне скоро надо уходить.

Осмонда (с горечью). У тебя слишком много обязанностей, папа. Быть только очередным номером между девушкой-матерью с улицы Западной и паралитиком с авеню Дю Мэн: если ты думаешь, что это облегчает мне признания... И потом, ты их выслушиваешь слишком много, от всех поголовно. У тебя это почти что ремесло. Не хочу обидеть тебя, но меня это расхолаживает...

Клод. Но дорогая моя, ты же знаешь, что ты – совсем другое дело!

Осмонда. Да, я ведь, как-никак, не «серийного» образца.

Клод. Ты сейчас говоришь, как твоя мать.

Осмонда. О! Ты находишь?

Клод. Да; к тому же, когда она была в твоём возрасте...

Осмонда. Послушай, это, конечно, не очень-то деликатно, но должна тебе признаться, что мысль выйти замуж даже за кого-то похожего на тебя... за кого-то, чья душа была бы сродни твоей, отпугивает меня. Ну, а выйти за

посредственность – это было бы еще хуже. Жизнь внушает мне страх.

Клод. Дорогая, твое беспокойство...

Осмонда. О, я знаю все, что ты мне скажешь. В прошлом месяце у тебя была проповедь на эту тему.

Входит Эдме.

Эдме. Звонят, Осмонда. Ты же знаешь, что фелиси нет.

Осмонда. Кто это может быть в такое время? (Выходит. Молчание.)

Эдме. Ты сегодня вечером уходишь?

Клод. Да, но еще рано. Форстмейер будет у себя не раньше десяти.

Эдме. Что за мысль – вызвать тебя к такому часу!

Клод. Он и себя ничуть не бережет.

Эдме. К тому же эта беседа представляет столь малый интерес...

Клод. И тем не менее в ее предмете заложена великая идея.

Эдме. Главным образом великие слова. Слияние церквей... Ведь в глубине души ты сам в это веришь не больше, чем я.

Клод. Если не верить, то ясно, что идея не осуществится.

Осмонда (входя). Это фелиси. Папа, она принесла тебе письмо от дяди Франсиса.

Эдме (с удивлением). От Франсиса?

Клод. Нужен ответ?

Осмонда. Фелиси не знает. Она в ярости, что ее посылают с поручением в воскресный день.

Клод вскрывает письмо. Эдме смотрит через его плечо; резко вздрагивает.

Осмонда. Что, мама?..

Эдме. Невероятно!

Клод. Осмонда, скажи, пожалуйста, фелиси, что ответа не будет.

(Осмонда выходит.)

Эдме. Нельзя идти на этот чудовищный риск. Скажи консьержке, что ты вышел... или что я больна... что угодно, но только чтобы его не впускали, если он придет.

Клод. Но это невозможно. И потом, к чему этот обман!

Эдме. Подумай лучше о жене, а не о консьержке. И кроме того, ты ведь действительно должен уйти... Клод, это больной человек!

Клод. Вот именно.

Эдме. Но ты же видишь, он только что снова побывал у твоего брата. Это мания. Он безумец; я против того, чтобы он являлся сюда!

Клод. Дорогая, чуточку хладнокровия.

Эдме. Опять! Клод, все у нас – вопреки разуму! Если бы я согласилась принять этого человека, твоим долгом было бы воспротивиться этому! (Осмонде, которая в этот момент входит.) Оставь нас на минутку, милая.

Осмонда. Вы говорили обо мне?

Эдме. Нет.

Осмонда. Папа, ты не пересказывал то, что я тебе сказала?

Эдме. Что за секреты опять?

Клод (Осмонде). Это мы по поводу письма, которое я сейчас получил.

Эдме. Тебе незачем пускаться в объяснения.

Осмонда. У вас обоих такой взволнованный вид!

Клод. Просто мы в некотором затруднении... мы с твоей мамой разошлись во мнениях по одному вопросу.

Осмонда окидывает их недоверчивым взглядом и медленно выходит.

Эдме. Ты слышишь – я против того, чтобы этот человек явился сюда.

Клод. Я жду, чтобы ты успокоилась.

Эдме. Но ты, ты!.. Подумать только: я никогда не видела тебя в гневе! (Ее охватывает нервная дрожь.) Ты полагаешь, я не знаю, какие мысли тебе сейчас приходят в голову? Ты презираешь меня за то, что я вне себя!

Клод (тихо). Дорогая, но твой крест – я несу его вместе с тобой.

Эдме. Клод, ты мне муж, не священник!

Клод (так же тихо). То, что сейчас с нами происходит, ниспослано нам; это не может быть... случайностью. Эдме, это испытание...

Эдме. Вечно это ужасное слово!

Клод. Мы должны его пережить как христиане.

Эдме. Ты не способен пережить это как человек!

Клод. Ты не хочешь помолиться со мной?

Эдме(умоляющим тоном). Пусть скажут, что тебя нет. Осмонда!

Эдме уходит. Клод остается один, он погружается в молчаливое раздумье, руки его скрещены.

Эдме(возвращается). Не знаю, где она. Я спущусь. (Клод не отвечает.) Клод! Но зачем, в конце концов... ты это ради него или ради нас?

Клод (медленно). Если мы дрогнем перед этой встречей, это докажет... как тебе сказать... что прошлое не умерло, что мы его не преодолели. Это было бы малодушием... недостойным нас. Но скажи, чего ты боишься?

Эдме. Всего.

Клод. Кому-то принадлежит высказывание: «Страх – это ощущение долга».

Эдме. Ты знаешь, что это не так. Мой бог, ты рассуждаешь, ты цитируешь... Долг! При чем здесь долг? О, послушай! Что, если это все-таки спектакль, который ты разыгрываешь перед самим собой, некая поза...

Клод. Спектакль...

Эдме. Неосознанный, конечно..

Клод. Вот до чего ты договорилась!

Слышен голос Осмонды за кулисами: «Прошу вас, сударь, проходите. Отец дома, я спрошу его...»

Осмонда(входит). Папа, здесь господин, который хочет тебя видеть.

Клод неподвижен.

Эдме(пристально смотрит на него). Имя этого господина?

Осмонда. Господин Сандье.

Эдме. Будь добра, скажи, где ты сейчас была?

Осмонда. Я зашла пожелать спокойной ночи малышам наверху.

Эдме. А... Отлично!

Осмонда. Я встретила этого господина на лестнице, когда спускалась... У меня был с собой ключ, и он вошел со мной.

Эдме. Клод, так мы принимаем этого господина? (Клод ничего не отвечает.)

Осмонда. Что с тобой, папа?

Эдме. Отец не совсем хорошо себя чувствует.

Осмонда (подходя к Клоду, нежно). Что случилось?

Клод. Немного кружится голова.

Осмонда. Я скажу этому господину, что ты не можешь его принять.

Эдме (после напряженной паузы). Пусть войдет... Это человек, которого мы с твоим отцом знали прежде.

Осмонда уходит, слышны ее слова: «Сударь, пожалуйста, пройдите

Марсель Габриэль пьесы filosoff.org
сюда...» Появляется Мишель Сандье – человек лет сорока пяти – пятидесяти, высокий, сгорбленный, лицо иссушено болезнью.

Мишель (поклонившись). Сударыня... Сударь... Мне очень неловко, что я явился к вам в столь неурочный час.

Клод. Мой брат предупредил меня, что, возможно, мы будем иметь удовольствие видеть вас сегодня вечером... Я думаю, нет смысла представлять вам нашу дочь? Ведь знакомство уже состоялось.

Мишель (поворачиваясь к Осмонде). В самом деле, это мадемуазель, которая...

Клод. Насколько я понял, вы в Париже проездом?

Мишель. Да, возможно, я уеду уже завтра.

Эдме (делая над собой усилие). А приехали вы...

Мишель. На прошлой неделе... Но я не выношу Парижа, я задыхаюсь здесь. (Молчание.)

Клод. Мне тоже в свое время очень трудно было привыкнуть.

Мишель. Но ведь вы приехали сюда не прямо из Ардеша?

Клод. Да, у меня сперва был приход на севере, в Эскершене, неподалеку от Лилля.

Мишель. Должно быть, это был сущий ад.

Клод. Нет, почему же, от этих лет у нас остались прекрасные воспоминания; правда, Эдме?

Эдме. Как сказать...

Мишель. Я думаю, господин Лемуан не имел в виду природу.

Клод. И все же эти печальные просторы не лишены величия.

Мишель. Я всякий раз опускаю шторы, проезжая эти места по железной дороге.

Клод. Но тамшнее население как-то по-особому душевно.

Мишель. Да?

Клод. Мы с женой бывали свидетелями многих трогательных сцен. Вспоминаешь Гюго...

Мишель. Мадемуазель Осмонда, мы старые знакомые, хотя вы и не подозреваете об этом. Я видел вас совсем крошкой в те времена, когда жил в Сен-Лу-де-Тальваз, в большом доме, чуть повыше дома священника. Я часто бывал у ваших родителей; сейчас вы у меня перед глазами такая, какой были тогда... Несколько месяцев назад я проезжал через Сен-Лу.

Клод. Должно быть, с тех пор в нем мало что изменилось.

Мишель. Там построили лесопильню, которая уродует весь вид. Еще десять лет, и не останется нетронутого пейзажа.

Клод. Однако лесопильня...

Мишель. Так ведь видишь только ее.

Осмонда. Ну, это как газовый завод в Фонвиль-Сен-Венсене. У нас была небольшая вилла на склоне прибрежной горы, оттуда открывалась обширная панорама – а в глубине торчала вышка газохранилища!

Клод. Никогда не замечал газохранилища.

Осмонда. Счастливый у тебя характер, папа, ты всегда видишь только то, что тебе по душе.

Мишель. Погодите, кажется, я прошлым летом проезжал на машине Фонвиль-Сен-Венсен. Это между Дьеппом и Трепором?

Осмонда. Совершенно верно.

Мишель. Впечатление было ужасное. Между двумя укрепленными насыпями – кубы пыльного, похожего на нугу месива! (Осмонда смеется.)

Клод. Однако тебе там нравилось, Осмонда.

Эдме. Действительно!

Осмонда. По сути, впечатление о каком-либо месте может вполне сложиться лишь по прошествии времени. Когда я сейчас думаю о Фонвиле, то не испытываю ни малейшего энтузиазма, можешь мне поверить.

Мишель. По-моему, это очень верно сказано. Подлинны лишь воспоминания; в них – мы сами.

Клод. У нас там завязались некоторые приятные знакомства; и потом – море... Ты меня в самом деле удивляешь, Осмонда.

Эдме. Что тебе за охота принимать ее бравату всерьез!

Мишель. Кстати, в музыке, например, это тоже так: непосредственное впечатление почти всегда обманчиво.

Клод. Не спорю; здесь я не судья.

Мишель. Мадемуазель Осмонда, вы...

Осмонда. Я очень люблю музыку, но у меня так редко бывает возможность что-то послушать.

Мишель. Вы не играете ни на каком инструменте? Но, помнится мне,

ваша матушка...

Эдме. Я все это забросила двадцать лет назад.

Мишель. Если память мне не изменяет, у вас был великолепный «Эрар», на котором вы...

Эдме. Мы его отдали.

Мишель. В вашей жизни, такой сосредоточенной, целенаправленной, фортепьяно – это искушение.

Эдме. В Эскершене нам даже некуда было его поставить.

Мишель. Жаль. (Молчание.) Проезжая через Сен-Лу-де-Тальваз, я сделал пару снимков. (Осмонде.) Мадемуазель, может быть, они вас заинтересуют: вам, наверное, часто доводилось слышать об этом скромном местечке. (Передает Осмонде две-три небольшие фотографии.)

Осмонда (рассматривая их). Великолепные фотографии!

Мишель. Это хороший маленький фотоаппарат.

Осмонда. Папа, взгляни! (Клод смотрит через ее плечо.) Какой прозрачный свет! И эти сосны на фоне неба!

Мишель. Вы любите сосны?

Осмонда.

Мишель (дрогнувшим голосом). Я тоже очень люблю все это.

Клод (внезапно). Боже мой! Мое свидание!

Эдме. Так не ходи!

Клод. Форстмейер придет специально ради этой встречи.

Эдме. Совершенно неизвестно.

Клод. В прошлый раз он уже прождал меня напрасно.

Эдме. Это было не по твоей вине.

Клод. Нет, не могу... (Мишелю, с чувством неловкости.) Если вы собирались поговорить со мной о чем-то, может быть, мы могли бы выйти вместе? (Мишель не отвечает.) Правда, это в двух шагах, времени у нас все равно было бы мало... Я очень сожалею. Если бы вы меня раньше предупредили... (Он заметно растерян.)

Мишель (вставая). Может быть, мы условимся о другой встрече?

Клод. Но если вы завтра уезжаете...

Мишель. Это еще не решено.

Клод. Тогда... договоритесь об этом с женой. До свидания, и извините, что я вас так спешно покидаю. (Уходит.)

Мишель. Мне кажется, господин Лемуан чрезвычайно занятой человек.

Осмонда. Папа слишком добросовестен. (Протягивает руку Мишелю.) Спокойной ночи, сударь.

Мишель. До свидания, мадемуазель, был счастлив возобновить знакомство.

Осмонда уходит, Мишель провожает ее долгим взглядом.

Эдме (вполголоса). Зачем вы это сделали?.. Если бы я одна решала, вас бы не приняли.

Мишель. Вот как?

Эдме. А сейчас – умоляю, уходите.

Мишель. Почему?

Эдме. Прежде всего ради дочери... и кроме того... я не могу вас видеть.

Мишель. Это потому, что я недостаточно изменился с тех пор, либо – наоборот?.. Разумеется, вы осведомлены о моем состоянии. Впрочем, в ином случае, я полагаю, он бы не потерпел... Ну, а при нынешнем положении вещей это – почти профессиональный долг.

Эдме. О! Замолчите.

Мишель. Решительно, ваш муж бесподобен, во всех отношениях. Потрясающе! Живое воплощение альтруизма. Он все воспринимает в соответствии с ампула. Вы говорите, что не можете меня видеть. А знаете, вот ведь что интересно: мне ничего не стоит находиться сейчас подле вас, ровным счетом ничего. Что бы ни твердили романисты... есть куски нас самих, которые – словно отмершая кожа: режь ее – не выступит ни капли крови. К тому же я прошел недавно через любопытный опыт. Открываю газету – и вижу: «Извещают о кончине госпожи Клод Лемуан»... однофамилица. Так вот, я бы не сказал, что... Впрочем, подумайте сами, это так далеко. Это было не с нами.

Эдме (опустив глаза). Удобная позиция.

Мишель. Я думаю, мы умираем полностью, целиком, но живем – по частям.

Эдме (с горечью). Очевидно, это так для мужчин; ну а я – я не менялась.

Мишель. Вы полагаете?

Эдме. Абсолютно не менялась.

Мишель. Так значит...

Эдме. О, из этого ничего не следует. Мне кажется, что я никогда никого не любила.

Мишель. Я сам давно пришел к этому выводу. Вы никогда никого не любили, и, возможно, именно поэтому...

Эдме. Поэтому сообщение о моей смерти даже не заставило вас вздрогнуть.

Мишель. За последнее время... ну, словом, с тех пор, как я всецело сосредоточился на том, что меня ожидает... в памяти моей промелькнуло множество лиц. Там было ваше.

Эдме. Среди многих других.

Мишель. Я не считал... Лицо холодное, напряженное; в нем не прочесть жалости. Но и смелости – тоже. Взгляд безразличный, глаза тусклые. О, я думаю, они сияли временами, эти глаза, – но я этого не помню...

Эдме. Ну а поскольку истинны лишь воспоминания...

Мишель. Именно. (Молчание.)

Эдме. Так я должна была чувствовать к вам жалость? Право, занятно!

Мишель. Но – поскольку это случилось не с нами – вам не кажется, что бесполезно вызывать все это в памяти? Если бы вы знали, до чего прошлое лишено для меня прикрас! Я вижу эту... ну, скажем, идиллию – в сумеречном свете.

Эдме. Но не таков был свет в Сен-Лу.

Мишель. Возможно.

Эдме. Двадцать лет прошло, а вы все еще испытываете ко мне... такую враждебность! Почему вы смеетесь?

Мишель (помолчав). Потому что это слово здесь малоуместно. Вы не хотите мне поверить, когда я говорю, что теперь... Но тогда я действительно переживал и ненавидел – смертельно!

Эдме. Так вы меня любили?

Мишель. Клочок моего существа любил вас, но поскольку он мертв...

Эдме. Это только слова.

Мишель. Если бы вы знали, какую малость представляет собой то, что еще живо во мне... Этого так мало, что нечем даже оплакать все остальное.

Эдме (дрожащим голосом). Я не понимаю, в чем вы меня уличаете. Бог мой! Двадцать лет спустя вы меня еще мучаете...

Мишель. Я? Мучаю вас? Как вы были правы только что, говоря, что остались той же... Я вспоминаю вашу манеру упрекать меня за слова, которые вы же у меня вырывали. Впрочем, другие женщины делали то же самое.

Эдме. Даже в ту пору были другие женщины!

Мишель. Вам хотелось так думать – не стану рассеивать ваше заблуждение.

Эдме. Не понимаю.

Мишель. Та сцена ревности, которую вы мне устроили как-то вечером на маленьком вокзале, где мы дрожали от холода, на обратном пути из Баланса... (Качает головой, с улыбкой.)

Эдме. Вы хотите сказать, что тогда я была неискренна?

Мишель. Все женщины искренни; все они лукавят.

Эдме. Чувствуется богатый опыт.

Мишель. Должен с сожалением сообщить вам, что после нашего разрыва я не оставался вам верен.

Эдме. Впрочем, вы и не скрывали от меня своих намерений. Ваше письмо...

Мишель. Мой ответ. Из вашего мне следовало заключить, что вы возвращаете мне свободу.

Эдме. Вы сумели воспользоваться ею более чем...

Мишель. Да.

Эдме. Узнаю вас.

Мишель. Свобода, которую вы мне вернули, – я ею воспользовался столь широко, что... собственно, от нее и умираю; все очень просто. И вы подтвердите, что в моем голосе нет дрожи.

Эдме. Мое письмо могло вас убить, однако в нем не было ни слова, которое могло бы вас оскорбить.

Мишель. То, как вы открыли нашу связь мужу, и затем – эта трусливая потребность в искусственном примирении...

Эдме. Почему – трусливая? Я шла на риск.

Мишель. Никакого риска не было, и вы это знали, черт возьми. Я-то помню, что вы говорили о вашем муже! Нет, вы взвесили все – и рассудили, что моральный комфорт, безопасность, душевный покой и все такое прочее...

Эдме. Я ничего не взвешивала. Та жизнь, построенная на обмане, внезапно стала внушать мне ужас.

Мишель. Вот так, внезапно?..

Эдме. К тому же, если бы вы захотели..

Мишель. А именно?

Эдме. Если б вы предложили мне уехать с вами, я бы согласилась.

Мишель. Но я вам это предложил, и вы отказались.

Эдме. Я чувствовала, что вы колеблетесь; если бы вы настояли..

Мишель. Не кажется ли вам эта дискуссия о любви нашей юности жалкой и даже комичной? Что до меня, я через три месяца окажусь на Пер-Лашез, а вы... да Бог мой, у вас уже могли бы быть внуки. Так о чем же..

Эдме. Когда вы только что сказали..

Мишель. Что?

Эдме. Не хочу повторять... фразу о вашей свободе. Это звучало так, словно вы считаете меня виновной в вашем нынешнем состоянии..

Мишель. Что за бред!

Эдме. Да, вы сказали это тоном, который мне хорошо знаком... Так это было не всерьез? Скажите мне, вы это говорили не всерьез? Вы словно влили мне в жилы яд... это жутко... Но прежде всего, если бы я вам действительно была дорога, вы бы не ограничились одним-единственным предложением, сделанным в порыве экзальтации; вы бы вернулись к нему..

Мишель (пристально глядя на нее). Подумайте: не потому ли, что вы знали, что я повторю свое предложение, и боялись этого..

Эдме. Что вы хотите сказать?

Мишель. Не потому ли вы открылись ему во всем? Вы словно спешили воздвигнуть между нами непреодолимое препятствие.

Эдме. Не понимаю.

Мишель. Его мягкость, великодушие, которые вы учли наперед..

Эдме. Как я могла их предвидеть?

Мишель. ...которые вы учли наперед, делали ваш отъезд невозможным. Вы только что говорили о риске: но что до подлинного риска, ваше малодушие не позволило вам отважиться на него. Вы выбрали самый легкий путь – путь признания. Вы даже не возражаете: это слишком очевидно. Повторяю, я больше не сержусь на вас. Я так давно уже... Да что там говорить, любовь... (почти с отвращением). Хотелось бы, прежде чем уйти из этого мира, встретиться с чем-то менее затасканным, менее изуродованным. (Смотрит в направлении, куда ушла Осмонда. Эдме с тревогой наблюдает за ним.) К тому же..

Эдме. И все-таки вы не ответили на мой вопрос... Ужасно остаться наедине с этой мыслью!

Мишель. С какой мыслью?

Эдме(сжимает голову руками). Что это во многом по моей вине.

Мишель. Я вижу, вам бы очень хотелось, чтобы я дал вам письменное заверение. Искренне сожалею, но не могу... Прежде всего, вам не хватило воображения. Вы не поверили в то, что я вас люблю. Не надо пугаться этого слова: во-первых, потому что это уже так невероятно далеко, а во-вторых, оно уж очень отдает мерзкой болезнью. Но будь в вас тогда чуть больше здравого смысла и чуть меньше добродетели, возможно, у нас двоих сложилась бы жизнь, – тогда как после вашей исповеди... еще бы!.. вы, как я полагаю, впали в спячку... ну, а я покатылся под гору. Достаточно взглянуть на меня. Этого не передашь словами. (Встает.) Теперь послушайте. Я заметил только что, что вы меня поняли с полуслова. Надо мне дать возможность видеть малышку. О, сделайте милость, не приписывайте мне бог весть каких сентиментальных чувств. Нет, просто это способно меня отвлечь, вот и все. А в моем состоянии – так мало мыслей, которые были бы не о...

Эдме. Вы отлично знаете, что это невозможно. Видеть ее – под каким предлогом? Как ей объяснить?

Мишель. О, скажите что угодно. Хотите, я буду давать ей уроки фортепьяно? Ладно; вы подумаете – и найдете нужный предлог. До свидания. Отсюда – налево, так ведь?

Сандье уходит. Эдме не провожает его. Она чрезвычайно возбуждена. Садится, берет книгу, кладет ее на стол. Встает, идет в глубь сцены, приоткрывает дверь в комнату Осмонды.

Эдме. Я думала, ты уже легла. Кому ты пишешь? Пожалуйста, зайди сюда на минутку. (Осмонда входит; она в пеньюаре.)

Осмонда. По-моему, бесполезно затевать дискуссию.

Эдме. У меня тоже нет ни малейшего намерения спорить. Ты опять поднялась наверх без нашего ведома?

Осмонда. Я не делаю из этого никакой тайны. Кто был этот господин, только что удалившийся? Почему мне никогда не говорили о нем?

Эдме. Один давнишний знакомый, которого мы совершенно потеряли из виду.

Осмонда. Что за странная мысль – прийти к людям в этот час!

Эдме. Надо полагать, он выбрал редкий момент, когда мог освободиться.

Осмонда. Очень удивительно. Папа был так бледен!

Эдме. Ему сегодня вечером нездоровилось.

Осмонда. Но как же ты его отпустила?

Эдме. Ты же знаешь, твой отец все равно сделает по-своему. Но речь сейчас не о том. Я собираюсь раз и навсегда решить вопрос с Мегалем.

Осмонда. Нет такого «вопроса».

Эдме. Давай не придирайтесь к мелочам. У меня нет никаких возражений против того, чтобы девочки иногда заходили к нам, но мне не хотелось бы, чтобы ты поднималась туда.

Осмонда. Короче, ты мне не доверяешь; ты не понимаешь, что если бы такая опасность существовала, твои сомнения только усугубили бы ее.

Эдме. При чем здесь опасность? Просто я считаю твое поведение в данной ситуации неподобающим, вот и все.

Осмонда. А что думает по этому поводу папа?

Эдме. Твой отец не отдает себе отчета...

Осмонда. То есть у него нет той предвзятости, что у тебя.

Эдме. Какой предвзятости, о чем ты говоришь?

Осмонда. Направленной на то, чтобы унижить меня, ранить, причинить боль. Вот и сейчас ты меня выставила на смех перед этим господином.

Эдме. Ясно, что когда человек так занят собой, ему всюду мерещатся обиды и злые умыслы. Если бы ты уделяла другим десятую долю того внимания, какое ты уделяешь своей драгоценной особе...

Осмонда. Я не эгоистка.

Эдме. Это что-то новое.

Осмонда. Во всяком случае – не такая эгоистка, как ты. Ты ни во что не вкладываешь душу. А это, по-моему, главное. Качество человека определяется не тем, что он заседает в комитетах, руководит мастерскими для работниц или вяжет носки. В тебе нет доброты, и, во всяком случае, ты не лучше меня. Достаточно видеть, как ты разговариваешь с больными: никогда не улыбнешься. Все твои старания – это... это...

Эдме. Продолжай.

Входит Клод.

Клод (Осмонде). Ты еще здесь? Послушай, дорогая, будь так добра, приготовь мне чаю, я ооченел... У Форстмейера такой холод!

Эдме. Уверена, что вы ни к чему не пришли.

Клод. Мы беседовали.

Эдме. Именно... (Осмонде.) Вскипяти, разумеется, на спиртовке. (Осмонда выходит.)

Клод. Он еще долго оставался после моего ухода?

Эдме. Несколько минут. (Неловкое молчание.)

Клод. И Осмонда все время была здесь?

Эдме. Нет.

Клод. Наверное, если бы я знал, что все так сложится...

Эдме. Теперь ты видишь, что я была права.

Клод. Нет, это было бы слабостью, малодушием. Но когда он заговорил о Сен-Лу... и потом, этот цинизм, поза пресыщенности, отвращения ко всему...

Эдме. Он очень болен.

Клод. Да, мне приходилось все время твердить себе, что это страдалец.

Эдме. Ты это вправду?..

Клод. Иначе, думаю, я указал бы ему на дверь. То, как он смотрел... ты заметила? Это было особенно невыносимо.

Эдме. Да... вижу.

Клод. Когда он вошел и протянул тебе руку – в первый момент мне показалось, что передо мной привидение.

Эдме. Да.

Клод. Но затем, когда он взглянул на девочку, его лицо оживилось... Это было еще страшнее.

Эдме (направляясь к двери). Осмонда! Ну где же ты?..

Осмонда (за стеной). Вода еще не вскипела.

Эдме (Клоду). Может быть, добавить тебе в чай немного коньяку?

Клод. Нет, не стоит.

Эдме (с иронией). Я забыла, ты же брал известное обязательство..

Клод. Не могла бы ты немного рассказать мне, о чем он говорил с тобой, – если тебе это не тяжело, разумеется.

Эдме (горячо). Ну, будь же требователен, подозрителен; будь мелочен: я так хочу этого!

Клод. Не понимаю, зачем это тебе.

Осмонда входит с чашкой чая, которую ставит на письменный стол.

Осмонда. Я положила тебе кусочек сахару. Пойду лягу. Спокойной ночи, папа, я надеюсь, чай поможет тебе согреться.

Клод. Спокойной ночи, дорогая.

Эдме. Пока.

Осмонда уходит. Молчание. Клод пьет чай.

Эдме. Тебе лучше?

Клод. Так что было дальше?

Эдме. Дальше... дальше произошло вот что... Клод, я так нуждаюсь в тебе. Надо, чтобы ты мне помог. Ты должен мне помочь. Меня стала мучить страшная мысль... Избавь меня от нее!.. Конечно, мы говорили о прошлом. Нельзя укорять нас за это. Было так странно. Словно все случилось вчера... словно эти двадцать лет не в счет. И однако он умирает, а я... Оказывается, он был гораздо несчастнее, чем я могла тогда предположить. Он не только страдал; он отчаялся. Вот почему он стал вести ту жизнь, которая сейчас оборачивается гибелью. Во всяком случае, он так считает. Разумеется, он может ошибаться. Но как бы то ни было... Если бы я могла быть уверена, что поступила правильно, признавшись тебе во всем! Но он утверждает... О нет, не может быть, это было бы слишком...

Клод. Чего не может быть?

Эдме. Он говорит, что я испугалась... что у меня не хватило духу решиться на жизнь с ним, и что я открылась тебе, чтобы полностью связать себя, отрезать себе всякий путь к отступлению.

Клод. Не понимаю.

Эдме. Но ведь если бы ты все узнал, простил меня – уже не могло бы идти речи о том, чтобы оставить тебя, понимаешь. Он говорит, что с твоей стороны мне нечего было опасаться, что я действовала наверняка. И это правда: я не боялась тебя. Вот что было ужасно. (С растущей горечью.) По сути в тот вечер я говорила с тобой не как с мужем.

Клод. Эдме!

Эдме. В этом – причина всего. Если бы ты был мне по-настоящему мужем, если бы любил меня, как любят жену, силою всего лучшего и худшего, что есть в человеке...

Клод. Худшего?

Эдме. Ты знаешь, что в этом случае я бы тебе не изменила.

Клод. Ты просто теряешь рассудок...

Эдме. Сейчас в твоём голосе – фальшь.

Клод. Доверие, которое ты мне оказала...

Эдме. Доверие!.. Чем больше любишь, тем делаешься подозрительнее.

Клод. Для натур, подобных нашим...

Эдме. Прежде всего, ты не имел права отягощать меня «прощением», которое тебе ничего не стоило.

Клод. Я не имел права защитить тебя от тебя самой?

Эдме. Это все слова. Ты был судьей и – заинтересованной стороной. Но не потому, что любил меня, нет. Не возражай; ...допустим, ты меня любил... во Христе. Но ведь дело было не только во мне.

Клод. Остальное было не важно.

Эдме. А паства, а твой авторитет? Брось, сейчас ты не вполне отдаешь себе отчет: ведь в случае нашего разрыва скандал...

Клод. Он затронул бы только тебя.

Эдме. Ты не можешь думать так всерьез. Но главное... самое главное... возник такой изумительный повод развернуть свой евангелический дар...

Клод(выпрямился, бледный). Замолчи.

Эдме. А! Я вижу, ты понял.

Клод. Замолчи... Ты все во мне разрушила.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. Франсис, сидя за столом, выписывает рецепт. Клод – в кресле, он погружен в глубокое раздумье.

Франсис. В общем, это нервное переутомление; стоит попринимать укрепляющее.

Клод. Успокой маму; правда, я не понимаю, как можно так переживать из-за подобной ерунды.

Франсис. Видишь ли, все дело в болезни, унесшей отца. Но тут ничего похожего. (Встает.) Вот. Два раза в день по ложке перед основной едой. А теперь, милый, мне пора бежать.

Клод. Франсис... я бы хотел воспользоваться тем, что мы одни. Но обещаю, что скажешь правду, договорились? Я рассчитываю на тебя.

Франсис. Я так и думал, что тебя что-то гложет.

Клод. Речь идет только обо мне. Я хотел бы знать, как ты отнесся... одобрил ли ты тогда то, что я простил Эдме? Скажи, да?.. или ты..

Франсис. Ты же понимаешь, что я никогда не позволил бы себе иметь собственное суждение в этом вопросе. В подобных случаях каждый поступает сообразно тому, что ему велит его сердце, или совесть, или, наконец, что угодно. Признаюсь, я даже не могу уловить смысл твоего вопроса.

Клод. Был ты тогда... удивлен?

Франсис. Нет, нисколько... Зная твой характер, убеждения, мой Бог, даже твою..

Клод (многозначительно). Ты хочешь сказать – мою профессию?..

Франсис. Да, безусловно – в той мере, в какой она отвечает твоей натуре.

Клод. Ты это нашел совершенно естественным.

Франсис. Но, дорогой, к чему ты клонишь?

Клод. Я просто хотел знать.

Франсис. Я и сегодня считаю, что твой поступок был целиком в русле твоей жизни. (Молчание.)

Клод. Благодарю, ты дал мне очень ясный ответ.

Франсис (приподнимая руками его голову). Но, в конце концов, что все это значит? Или ненароком... О, моему больному придется подождать. Я должен разобраться.

Клод. Уверю тебя, это совершенно неинтересно.

Франсис. Что-то ты близок к неврастении. Какую же я допустил ошибку, не выпроводив этого Мишеля Сандье! Ведь очевидно же, что...

Клод. Нет. Если была в моей жизни эта двусмысленность – ее следовало развеять.

Франсис. Какая двусмысленность?

Клод. Как ты не понимаешь... Годами жить неким представлением о себе, черпать, как тебе казалось, силы в этом представлении – и обнаружить, что, возможно, ты постыдным образом ошибался.

Франсис. С чего ты это взял?

Клод (продолжая свою мысль). Возможно... И даже в этом не быть уверенным! Я больше ничего не знаю, я потерял себя. Ведь мои мысли, слова, сказанные мной тогда, должны были бы быть для меня совершенно прозрачными, я должен был бы узнавать себя в них, как в собственном жилище... Так нет, они для меня непроницаемы.

Франсис. Знаешь, у меня впечатление, что ты что-то уж очень мудришь. Но только учти, эти твои протестантские штучки далеко не безопасны.

Клод. Франсис, я каждый день имею дело с людьми, которые видят во

мне свою совесть!

Франсис. Тем хуже для них.

Клод. Если мне не хватает мужества даже на то, чтобы читать в собственной душе...

Франсис. Это не вопрос мужества. (Встает.) К сожалению, я все-таки вынужден идти. Но будь осторожен: за эти глупости приходится платить, и иногда – очень дорого.

Клод. Франсис! Говори со мной как человек, а не как врач.

Эдме (входя). Я и не знала, что вы здесь.

Франсис. Мама попросила меня зайти: ее беспокоил вид Клода – вы ведь знаете, ей ничего не стоит разволноваться!

Эдме. И что выяснилось?

Франсис. Ничего страшного, небольшое нервное переутомление. Но давление – нормальное, с сердцем все в порядке. (Вполголоса.) Ну как, ваш юный жилец уже прибыл?

Эдме. Да, он пытается втащить в комнату свою лохань.

Франсис. Ну и ну...

Эдме. В данный момент это его главная забота.

Франсис. До свидания, старина... мы с тобой договорились, не правда ли? До свидания, Эдме. (Уходит.)

Эдме (встревоженно). Так ты нездоров?

Клод. Да нет, ты же слышала: это мама вбила себе в голову...

Эдме (смотрит на него). Ты плохо выглядишь.

Клод. Оставь.

Эдме. Это по моей вине. Если бы ты знал, как я сожалею...

Клод. Ты мне открыла свои сокровенные мысли, я не вправе упрекать тебя за это!

Эдме. Сокровенные мысли! Да разве они мне известны?..

Клод. Но позавчера...

Эдме. Да, разумеется, я была искренна. Но только я не знаю... все это так шатко. Там, где вчера была почва под ногами, сегодня – пропасть.

Клод. Да, именно так: пропасть.

Эдме. Но и с этим можно справиться.

Клод. Ты хочешь сказать – отвернуться.

Эдме. Уверю тебя, неожиданное потрясение, казавшееся таким глубоким, до боли, до крика, – оно вдруг оказывается ничем, ты поражаешься, что готов был поддаться отчаянию... Знаешь, с того дня я много размышляла. Когда внезапно, одна за другой, следуют эти вспышки молнии – надо только прикрыть веки. Надо доверять себе.

Клод. Отлично. Обманывайся, живи иллюзиями. А я не могу.

Эдме. Разве меня можно в этом упрекнуть?.. Скажи! (Молчание. Эдме, с твердостью.) Но ты действительно не имеешь права сомневаться в себе; ты должен быть для всех нас источником силы. Это, если на то пошло, твоя профессия... То, что ты отступаешься – катастрофа для меня. Подумай, что я переживаю в эти минуты. Этот человек – если я не найду в тебе опоры...

Клод (с чувством). Я был убежден, что это прощение (Эдме вздрагивает) было актом милосердия, поступком христианина. Но если я просто бежал скандала и одиночества... И вот теперь, когда ты заставила меня прозреть, – ты кладешь мне ладони на глаза, чтобы я снова погрузился во мрак. Но чего ты хочешь от меня?

Эдме. У меня не хватает сил. Помогите же мне.

Клод. Но не любой ценой. Не ценой лжи. Я не могу. Не хочу.

Долгое молчание.

Эдме (изменившимся голосом). Отлично. По сути ты прав. Нужно взглянуть реальности в лицо.

Клод. Иной возможности не дано.

Эдме. Но только – ты не думаешь, что перед нами встанет множество проблем? Прежде всего, дело касается уже не только нас двоих.

Клод. Ты говоришь об Осмонде?

Эдме. Не только об Осмонде. Этот человек, умирающий... ради чего мы им пожертвовали?

Клод. Довольно.

Эдме. Отвечу за тебя: мы принесли его в жертву нашему эгоизму, нашей трусости. (Эдме готова разрыдаться; она стоит, отвернувшись от Клода, плени ее вздрагивают.) И вот – итог. Я щажу себя не больше, чем тебя.

Клод(словно внезапно очнувшись, резко). Тем не менее я спас вас
обоих.
Эдме. Спас? От чего?
Клод. Что бы стало с тобой без меня? Ведь позже он, в свою очередь,
изменил бы тебе.
Эдме. Допустим: но чего стоит верность, подобная твоей?
Клод. Он бы заставил тебя страдать.
Эдме. Знаешь, когда доброта – всего лишь профессиональное качество...
Клод. А девочка? У нее был домашний очаг...
Эдме. Очаг!.. кого он грел? Но я тебя понимаю; конечно, перед лицом
такого банкротства...
Клод. Нет никакого банкротства. Каковы бы ни были мои слабости, я
тот, кем считал себя. Ты можешь сколько угодно пытаться меня уничтожить...
Эдме. Возможно, есть повод доказать это.
Клод. Что доказать?
Эдме. Что ты и в самом деле тот, за кого себя принимал.
Клод. Но отчего в твоих глазах столько злости! Что я тебе сделал?
Эдме. Ты мне ничего не сделал... Ты был ты, я была я, мы поженились.
Вот и все. А то, что ты называешь злостью во мне, – видишь ли, двадцать лет
страданий...
Клод. Страданий?
Эдме. Я уже не знала сама, как страдала: это забылось. Я это знала
лишь вначале, задолго до того, как встретила Мишеля, – когда поняла, что
для тебя любовь, по сути...
Клод. Но и той любовью я любил тебя.
Эдме. Нет. В тебе была нетронутая сила, ты ее растратил со мной,
как с девкой, но это не была любовь, ты это знаешь. Ну, а твоя любовь к
моей душе и прочее... Женщину во мне ты не мог разбудить, ты о ней даже не
подозревал.
Клод. Женщину в тебе?
Эдме. Ты не способен понять. О, это, возможно, не твоя вина. Это
обратная сторона твоей добродетели.

Нерешительно приоткрыв дверь, появляется Фред.

Фред. Извините...
Эдме. Что такое?.. Вы, Фред? Имеете в виду: сперва надо
постучаться.
Фред. Она, конечно же, не проходит. (Клод вопросительно смотрит на
Эдме.)
Эдме. Лохань?
Фред. Совершенно не представляю себе, как быть; я пришел к вам
посоветоваться. Досадно, из-за нее я переплатил за багаж восемь франков;
как вы думаете, ее можно будет продать? (Клоду.) Сударь, я и у вас хотел
попросить совета. Как вы считаете, в самом деле стоит походить на лекции
Бергсона? Я слышал от некоторых, что это нечто захватывающее. А поскольку
папа пишет, чтобы я как можно лучше использовал свое пребывание в Париже...
Но вот в чем загвоздка: именно в эти часы дает уроки фехтовальщик; а так
как мама мне рекомендует не пренебрегать физическими упражнениями... Так как
вы думаете, сударь, это не менее увлекательно?
Эдме. Вы спрашиваете о Бергсоне или о фехтовании?
Фред. О Бергсоне, сударыня; о фехтовании у меня есть определенное
представление.
Эдме. Мы сейчас заняты; поговорим обо всем попозже, хорошо?
Фред. Прошу прощения. (Уходит.)
Эдме. Через какие-нибудь три года этот юнец будет приставлен к
душам в маленьком уголке Юра.
Клод(сдавленным голосом). Что ты только что хотела сказать? Что за
доказательство?
Эдме. Ты хочешь знать?
Клод. Что это?
Эдме. Ну, хорошо. Я снова виделась с ним.
Клод. Ты была у него?
Эдме. Мы договорились о встрече в «Лютеции», он живет там; вышли
вместе. Но он почти не может ходить, сразу устает; мы сели на скамью.
Клод. Что дальше?..
Эдме. В этот раз он не упрекал меня; и это было хуже всего. Он

Марсель Габриэль пьесы filosoff.org
говорил о своей болезни. И, главное, он меня расспрашивал об Осмонде. Он хочет знать, когда сможет снова повидать ее.

Клод (резко). Я не хочу, чтобы он еще раз встречался с ней.

Эдме(иронически). Прекрасно.

Клод. Во-первых, под каким предлогом? Она и так уже была заинтригована в тот вечер. Пришлось бы все ей объяснить. Это невозможно. Она не выдержит.

Эдме (с той же иронией). Она тебе кажется такой хрупкой?

Клод. Ну а ты сама... ты можешь вынести мысль, что твоя дочь... тебя осудит?

Эдме. Так это из-за меня? Ну нет, уволь, меня этой комедией не одурачишь.

Клод. Я знаю, что ты подумала.

Эдме. Возможно.

Клод. Но ты ошибаешься, это не трусость, просто я категорически против того, чтобы волновать ее понапрасну.

Эдме. Здесь всё вместе.

Клод. Повторяю тебе, это все напрасно, она ничего не может сделать, никто не может ему помочь. Он обречен. Это обреченный человек.

Эдме. Не понимаю, почему ты так кричишь. Я просила тебя сказать «да» или «нет». Я только констатирую, что едва лишь от тебя потребовалась истинная жертва...

Клод. Это неправда.

Эдме. Слышишь, я сказала: истинная жертва...

Клод. Это не потому, что я не хочу жертвовать.

Эдме...ты тотчас же находишь аргументы, притом великолепные, чтобы отказаться это сделать.

С письмом в руках быстро входит Осмонда.

Осмонда. Папа, я надеюсь, это письмо было отправлено без твоего ведома?

Клод. Какое письмо?

Осмонда. Читай. (Передает письмо Клоду.)

Эдме. Этот тип отдал тебе мое письмо? Ну, это уже верх всего...

Осмонда (отцу, с возмущением). Что ты на это скажешь?!

Клод. Послушай, милая, даже если допустить, что твоя мать в своей осторожности зашла слишком далеко...

Осмонда. При чем здесь осторожность? Что это за манера оберегать меня как вещь!

Клод. Поверь, тут нет ничего оскорбительного; твоему возрасту свойственно не замечать некоторых опасностей, это совершенно естественно.

Осмонда. Каких опасностей? Я требую, чтобы были, наконец, поставлены точки над «і».

Клод. Отец этих девочек...

Осмонда. Вы испугались, что ему доставляет радость меня видеть? Ну что ж! Да, конечно; он от меня этого не скрывает. К тому же, он вдовец.

Клод. Осмонда, его жена жива.

Осмонда. Он вдовец. И если вы меня доведете до крайности...

Эдме. Это угроза?

Клод(вполголоса, Эдме). Оставь меня с ней на минуту.

Осмонда. Папа, скажи ей, что она поступила дурно.

Эдме. Не вижу никакого толку в подобных беседах, но если тебе это доставит удовольствие...

Осмонда. Мама права, это все ни к чему.

Клод подходит к Осмонде, ласково кладет ей руку на плечо; Эдме смотрит на них с недоброй улыбкой и выходит.

Клод. Дорогая моя, ты катишься по наклонной плоскости...

Осмонда. Опять это слово!

Клод. Теперь мне стали ясны твои недомолвки в нашей прошлой беседе.

Осмонда. Так что же?

Клод. Этот человек...

Осмонда. Ты его не знаешь и не имеешь права судить о его поступках.

Клод. Уже сам факт, что он передал тебе письмо...

Осмонда. Это я потребовала.

Клод. Но в каких вы отношениях?

Осмонда. Я думаю, что его привязывает ко мне сильное чувство; я его тоже очень люблю.

Клод. Но ты не ребенок; ты не можешь не отдавать себе отчета в том, что в его чувстве к тебе, возможно, есть что-то... смутное.

Осмонда. Ты хочешь сказать – плотское? Не сомневаюсь ни секунды.

Клод. И все же я убежден, что если бы ты взглянула на вещи трезво, ты бы поняла... Прежде всего, это безвыходная ситуация.

Осмонда. Не уверена.

Клод. Ты что, делаешь ставку на смерть его жены?

Осмонда. Ну, она-то всех нас переживет.

Клод. В таком случае... В конце концов, на что ты надеешься? На что ты рассчитываешь?

Осмонда. Я ни на что не надеюсь и ни на что не рассчитываю; мне нужно разобраться в себе.

Клод. Видишь, ты даже не уверена в своем чувстве... благодарение Богу!

Осмонда. Я вовсе не это имела в виду. Разобраться в себе для меня означает: знать, что я считаю хорошим, а что – дурным. Я не строю никаких иллюзий относительно характера его чувств, и тем не менее... возможно, ты будешь очень шокирован – но если б он питал ко мне лишь самую почтительную привязанность, должна признаться, я была бы не слишком обрадована... Вот так. Да, я думаю, что допусти я неосторожность, он бы с восторгом этим воспользовался. Все мужчины одинаковы. Папа, понимаешь, ты здесь не судья. Так вот: я должна либо не допускать неосторожности – либо это должен быть вполне осознанный шаг.

Клод (с трудом беря себя в руки). Ты сейчас рассуждаешь как совершенное дитя. Или, вернее, пытаешься обмануть себя. На самом же деле, моя бедная девочка, ты в ужасном смятении.

Осмонда. Ничуть, уверяю тебя.

Клод. Твой голос дрожит.

Осмонда. В тот день, когда я проникнусь уверенностью, что это лишь предрассудок...

Клод. Так вот – этот день не наступил.

Осмонда. Что тебе за удовольствие терзать меня? Но я понимаю, это твой профессиональный долг – не оставлять людей в покое.

Клод. Мой долг – добиться, чтобы ты глубже заглянула в себя.

Осмонда. Что поделаешь, папа, для меня все это пустые слова.

Клод. Мой долг – предостеречь тебя от тщеславия... да, именно, от тщеславия, которое ты испытываешь при мысли, что мужчина питает к тебе двусмысленное, а точнее, вполне определенное чувство.

Осмонда. Никакого тщеславия. В первый и, возможно, единственный раз в моей жизни кто-то думает обо мне, не путая это с мыслями о благолепном домашнем очаге, о чинном, послушном выводке... Мне необходимо жить собственными силами; мысль о том, что придется существовать в наезженной колее, внушает мне ужас; я не уверена, что в моем чувстве есть что-то низменное, что мой выбор – хуже. В такой обыденной, банальной жизни, как наша, – если еще тебе не повезло и ты не верующая...

Клод. Ты воображаешь, что это вопрос везения?

Осмонда. Да, воля здесь бессильна, я пробовала много раз.

Клод (с растущей горечью). Следовательно, я должен принять всерьез этот цинизм, это спокойное бесстыдство! Ты взвешиваешь «за» и «против»... Ничто в тебе и не дрогнет при мысли об оскорблении, которое ты наносишь...

Осмонда. Но это не оскорбление.

Клод. ...говоря о нашей банальной жизни...

Осмонда. Жертвы, которых от меня требовали, мне всегда казались издевательскими, унижительными. И ничего, ровным счетом ничего не изменилось с того времени, как меня убеждали отдать бедным приходским детям те из моих праздничных подарков, которыми я дорожила больше всего. А ежедневные «добрые дела», которые должны были заноситься в маленький клеенчатый блокнот?... Мне претит эта мораль. Признаюсь тебе, что я на краю пропасти...

Клод. Ты забиваешь себе голову худшей литературой!

Осмонда. Литература, папа, это страдания других. Твое огромное преимущество в том, что ты был чужд многих искушений.

Клод (про себя). Это невыносимо.

Осмонда. Однако сама эта привилегия... мне кажется, у нее есть и

оборотная сторона.

Клод. И ты тоже!.. (Внезапно.) Теперь – выслушай меня. Ты утверждаешь, что жизнь у нас слишком монотонна, слишком заурядна; что нет задачи, достойной тебя. Так вот – должен вывести тебя из заблуждения, поскольку ты меня к этому вынуждаешь. Прежде всего... наша семья не похожа на другие.

Осмонда. Что ты имеешь в виду?

Клод. Пойми, речь не о том, чтобы судить кого бы то ни было.

Осмонда. У тебя такой несчастный вид!

Клод (про себя). Я не смогу это выдержать.

Осмонда. Есть что-то, касающееся вас, чего я не знаю?

Клод. Я поклялся, что ты никогда этого не узнаешь: и вот теперь... И это случится даже не по моей воле. (Он встает и ходит из угла в угол в сильнейшем возбуждении.) Как меня терзают! Как это все несправедливо!

Осмонда. Чем я тебе терзаю, папа?

Клод. Я хотел бы, чтобы для меня все было кончено.

Осмонда(с горечью). Но ведь ничто не кончается... ни для кого. (Оба замолкают.)

Клод. Я ничего не передал другим, никого не уберег: спрашивается, для чего я жил! Ты уже наполовину развращена.

Осмонда (взволнованно). Нет, папа!

Клод. Да. Только что ты спокойно говорила о неизбежном падении...

Осмонда. Ты можешь этому воспрепятствовать. Прежде всего – доверием ко мне. Ты упомянул о тайне: какой бы она ни была, я хочу ее разделить с тобой.

Клод. Ты не знаешь, о чем просишь.

Осмонда. Я гораздо мужественнее, чем ты думаешь.

Клод. Это потому, что ты ничего не знаешь о жизни. (После мучительного молчания. Резко.) Осмонда, я не отец твой!

Осмонда(оцепенело). Что ты сказал?

Клод. Ты же слышала. Я не отец твой.

Осмонда. Так значит... о, папа, я, наверное, угадываю? Человек, который был у нас в тот вечер... и так странно глядел на меня...

Клод. Да.

Осмонда (с ненавистью). А она!.. О, я ее...

Клод (мягко). Молчи.

Осмонда. Папа! (Она в слезах, Клод обнимает ее.) У меня кружится голова.

Клод. Милая моя, бедная, я прошу у тебя прощения...

Осмонда. Нет, нет...

Клод. Я не должен был тебе этого говорить никогда.

Осмонда. Это пройдет... Мне надо привыкнуть.

Клод. Моя бедная девочка!

Осмонда. Но только... ты мне объяснишь... я имею право знать все.

Клод. Моя милая, это ужасная история, ты не должна знать подробностей. Не следует задавать вопросов... никому, поверь мне. Это было бы неоправданной жестокостью.

Осмонда. А я-то воображала, что у меня есть семья!

Клод. А разве у тебя ее нет? (Осмонда смотрит на него.) Ты была нежно любима.

Осмонда. Любима – тобой.

Клод. Нами. (Протестующий жест Осмонды.) Это несчастье никогда не довлело над твоей жизнью... и не будет довлеть. Даже теперь, когда мне пришлось посвятить тебя во все.

Осмонда (не скрывая изумления). Ты хочешь сказать, что ничего не изменится?

Клод. Дорогая, пойми меня, я не прошу невозможного – но я вправе ждать от тебя...

Осмонда. Чего же?

Клод. Что ты не позволишь себе выносить осуждение в чей-либо адрес.

Осмонда. Но послушай, мы ведь не вольны над своими мыслями!

Клод. И все же... в какой-то степени. Наконец, сама подумай: это было бы несправедливо.

Осмонда. Однако... очень странно, но по существу это словно и не было открытием... Ты мне говоришь, что не надо судить маму, но я-то прекрасно знаю, что я всегда ее судила. Ее достоинства – доброта, милосердие, ее заботливость – никогда не вводили меня в заблуждение. Словно я понимала, что все это – не она. Она настоящая – это выражение ее лица, когда она замечает ваш промах... либо...

Клод. Ты мне причиняешь страшную боль. Я не могу слышать, как ты говоришь о матери.

Осмонда. Значит, продолжать притворяться – даже когда мы с тобой наедине?

Клод. Ты должна уважать свою мать.

Осмонда. Сказать тебе правду... я испытываю скорее облегчение. Прежде я не смела до конца признаться себе, что я ее...

Клод. Что?..

Осмонда. Теперь осмелюсь! (Молчание.) Только – ах, папа! – если бы все это обнаружилось раньше!.. Был бы скандал, ей пришлось бы уйти, а меня бы ты оставил у себя, – ведь все это могло случиться... как бы мы были счастливы вдвоем!

Клод. Осмонда!

Осмонда. Все происходило бы так, словно она... ну, просто умерла. Когда кто-то умирает в семье – это ведь не всегда несчастье. Ты так великодушен – ты бы мне рассказывал о ней, я бы верила, что это кто-то, о ком стоит сожалеть.

Клод. Ты говоришь чудовищные вещи!

Осмонда. Но на самом деле ты, наверное, был бы слишком великодушен. Ты не захотел бы разлучать меня с ней; боже мой! как будто... да, ты бы ее оставил, ты всегда думаешь, что человека можно спасти вопреки ему самому. Ты бы и в самом деле ей простил! К счастью, этого не случилось; ведь все было не так, правда?

Клод (с усилием). Да, это было не так.

Осмонда. Тем лучше. Думать, что в течение двадцати лет ты разыгрывал комедию... это бы отравило мне даже твою нежность. Папа, я тебя только что огорчила, ты решил, что я думаю только о себе: но я очень тебя люблю, ты знаешь; и теперь, когда между нами эта тайна...

Клод. Нет, нет, я обманулся. Ты – всего лишь ребенок, которому никого не жаль. (С жаром, словно в порыве отчаяния.) Потерять тебя таким образом!.. Девочка моя, поклянись, что тебя больше не будут посещать эти ужасные мысли!.. Чему ты улыбаешься?

Осмонда. Папа, ты ведь стараешься извлечь выгоду!.. Но я тебя понимаю. Ты так убит, ты совсем болен. Подумать только, что каких-нибудь десять... двенадцать дней назад ты не знал...

Клод (очень тихо, пристыжено). Да, я не знал.

Осмонда. Бедный, дорогой папочка! (Целует его.)

Входит Г-жа Лемуан.

Г-жа Лемуан (растроганно). Как это мило! Здравствуй, душечка. Послушай, Клод, меня так успокоили слова Франсиса.

Осмонда. Ты о чем, бабушка?

Г-жа Лемуан. У меня было впечатление, что твой папа очень плохо выглядит, и я попросила дядю Франсиса зайти посмотреть его. К счастью, это, кажется, пустяки. (Клоду.) Что у тебя с глазами? Они покраснели.

Осмонда. Пыль попала.

Г-жа Лемуан. Главное, не три, от этого глаза только больше воспаляются. (Осмонде.) Голубка моя, мама велела тебе сказать, что ты ей очень нужна. Должно быть, это по поводу рождественских покупок.

Осмонда. Мама не нуждается в моих советах. (Отцу.) Уверю тебя, на это уйдет пять минут. Пока, бабушка... (Уходит.)

Г-жа Лемуан. Угадай, что мне только что сообщила мадам Урсо!

Клод. Откуда мне знать?

Г-жа Лемуан. Тебе собираются в ближайшее время предложить большой приход на правобережье... Шайо.

Клод. Я слышать об этом не хочу, и ты это знаешь.

Г-жа Лемуан. Говорят, что предложение будет сделано в столь лестной форме...

Клод. Я не привык подчиняться чьему бы то ни было давлению. Если я покину улицу д'Алезиа...

Г-жа Лемуан. Так что?..

Клод. Это будет не ради авеню Марсо.

Г-жа Лемуан. Мой дорогой мальчик, не мне давать тебе советы, но я не понимаю, почему ты не хочешь иметь аудиторию, более достойную тебя.

Клод. Дело не в аудитории.

Г-жа Лемуан. Не я одна считаю, что с твоим красноречием...

Клод. Я не ритор.

Г-жа Лемуан. Твой бедный отец всегда говорил: «Наше место там, где

Марсель Габриэль Пьесы filosoff.org
мы приносим больше пользы».

Клод. Верно.

Г-жа Лемуан. А еще мне мадам Урсо сейчас сказала – в который раз! – что многих, кто мечтает тебя услышать, отпугивает расстояние.

Клод. Есть трамваи. Метро в пяти минутах.

Г-жа Лемуан. Это те, кому ты особенно нужен, интеллигенция. (Протестующее движение Клода.) Ты ведь знаешь, как людей захлестывает парижская жизнь.

Клод. Время этих господ слишком драгоценно. (Внезапно.) К тому же скоро у меня действительно будет для тебя новость.

Г-жа Лемуан (в возбуждении). Ты возвращаешься к своей диссертации о Меланхтоне... Какое счастье, Клод!

Клод. Вовсе нет; я о другом.

Г-жа Лемуан. Как жаль!

Клод. Речь идет о моей должности. Поскольку я, к сожалению, гораздо меньше, чем ты, уверен в своих данных проповедника, и даже... (Умолкает.)

Г-жа Лемуан. Подумай, что ты говоришь!

Клод (словно с самим собой). С меня достаточно...

Г-жа Лемуан. Я в самом деле боюсь, что Франсис не уделил тебе должного внимания.

Клод. Слишком удобное объяснение... Впрочем, ты права, я болен, болен смертельно.

Г-жа Лемуан. Мой Бог!

Клод. Успокойся – больна только моя совесть.

Г-жа Лемуан. Как ты напугал меня, Клод!.. А ведь я сразу начинаю задыхаться.

Клод. Пусть я сдохну от тоски и отвращения к себе – ну и что, если при этом у меня хорошее пищеварение... Послушай: я только что низко солгал, понимаешь?

Г-жа Лемуан. Пустое; это лишь слова, не сомневаюсь.

Клод. Ну да, лей мне эту целебную настойку... теплую, безвкусную, как тогда, когда мне было десять лет... Ах, мама, я и тебя виню. Тебя тоже!

Г-жа Лемуан. Ты – винишь меня?..

Клод. Сколько ты пролила слез при мысли, что твой сын может стать служащим в конторе, – хотя, вероятно, это все, что мне было нужно!.. Вот список твоих предпочтений, по рангу: на первом месте – пастор, как папа и дедушка, и прадедушка; на втором – педагог, потому что он формирует души: ты была уверена, что будь Эрнест жив, он был бы педагогом; на третьем – врач, поскольку он тоже служит человечеству. Вот – благой вздор, в результате которого я стал тем неудачником, какого ты видишь перед собой.

Г-жа Лемуан. Ты – неудачник?!..

Клод. Как вспомню атмосферу, в которой я вырос... Конек Франсиса – успехи в сочинениях, мой конек – нравственность. Ах, мама, какая гордость блистала в твоих глазах на моих первых выступлениях; и все вокруг говорили: «Франсис – это интеллект, ну, а Клод – это нечто большее, это – совесть». Как знать, не случилось ли мне измышлять какие-нибудь нравственные коллизии, чтобы доставить вам всем удовольствие! Вот... вот что называется формировать душу для служения Богу. А позже! Я уже был на факультете теологии, когда, помнится, меня стало одолевать какое-то беспокойство; я поделился этим с папой. И вот уже другая картина: в своей постели я слышал, как вы проговорили всю ночь; утром за завтраком у тебя были красные глаза, ты смотрела на меня с укором, словно я не ночевал дома. Вот так вы развивали во мне вкус к искренности. Нет, ты видишь, если я потерпел крах, это все же не только моя вина. Тебя шокирует слово «крах» – и тем не менее это беспощадная правда. Я жил на средства, которыми не располагал. Всегда – в кредит. И вот теперь...

Г-жа Лемуан. Я не стану отвечать на твои упреки, они слишком несправедливы, и я знаю, что ты так не думаешь. Но я не хочу, чтобы ты мучил себя таким вот образом, слышишь; я горжусь тобой. Я знаю, что ты сеял добро полными пригоршнями.

Клод. Не надо произносить этих слов, я не могу их больше слышать.

Г-жа Лемуан. Ты вел жизнь истинного христианина.

Клод. Надо было сперва вести жизнь человека, а я не человек, я не только не мог любить по-человечески – я не способен был даже ненавидеть, как человек.

Г-жа Лемуан. Ненавидеть?..

Клод. Да, и ненавидеть... Я – ничтожество, ничтожество. (Тяжело опускается в кресло.)

Эдме(приоткрывая дверь). Что здесь происходит?

Г-жа Лемуан. Он совсем болен. Необходимы консультации врачей. Вам надо бы отпустить его со мной в Лозанну; у нас прекрасные специалисты.

Марсель Габриэль пьесы filosoff.org
Эдме. Специалисты – в какой области?
Г-жа Лемуан. Во всех областях..
Клод (жестко). Что вы там затеваете, обе? Ну, да... можете глядеть на
меня. Я – творение ваших рук.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же декорации, что в первом действии.

Осмонда читает. Время от времени она бросает взгляд на мать; та сидит, в уличной одежде, растерянная.

Осмонда. Ты опять уходишь?

Эдме. Нет.

Осмонда. Так почему же ты не снимешь шляпу? (Эдме медленно снимает шляпу.) Долго ты собираешься держать ее на коленях? (Стучат.) Войдите. Что вам, Фелиси?

Фелиси (входит). Мадам ничего не заказала к обеду.

Эдме. Приготовьте что хотите.

Фелиси. Но я не знаю; мадам должна сказать.

Эдме. Ну, пусть будет то же, что вчера.

Фелиси. Но пансионер уже приходил утром сказать, что он терпеть не может шпината!

Осмонда. Фелиси, не следует говорить «пансионер», он наш знакомый... Вы не должны принимать замечания от этого господина; если Фред недоволен, он должен сказать об этом мадам. Вы поняли?

Фелиси. Я ему так и ответила. Он сказал, что мадам внушает ему робость, что-то в этом роде.

Осмонда. Ступайте, Фелиси.

Фелиси. Значит, решено? Я приготовлю то же, что вчера. Пусть не жалуется, что каждый день – одно и то же. (Уходит.)

Осмонда (после долгого молчания, не поднимая головы). Он что, умер?

Эдме. Что ты говоришь?

Осмонда. Я спрашиваю: он умер?

Эдме. О ком ты?

Осмонда. Ну, о нем... о позавчерашнем господине.

Эдме. Осмонда!

Осмонда. Ну хорошо; просто я не привыкла видеть тебя такой... подавленной.

Эдме. Так твой отец сказал тебе...

Осмонда. Надо думать.

Эдме. Почему он скрыл от меня, что разговаривал с тобой? Когда это было?

Осмонда. Два дня назад.

Эдме. И ты, ты даже не...

Осмонда. Я действительно не знаю, что полагается говорить в таких случаях. Очевидно, существуют некие правила, но ты меня им не обучила.

Эдме. Ты бессердечна.

Осмонда. Это не новость.

Эдме. Я уверена, что твой отец, при его великодушии...

Осмонда. Он ограничился тем, что поставил меня в известность относительно событий, не требующих комментария.

Эдме. Будь добра, закрой книгу.

Осмонда. Если тебе угодно. (Поворачивается к матери и смотрит на нее, опершись локтем о стол.)

Эдме. Я не собираюсь вдаваться в детали.

Осмонда. Должна тебе заметить, что я ни о чем тебя не спрашиваю.

Эдме. Но тебе следует знать, что три человека причиняли друг другу смертельную боль, хотя, по-видимому, никто из них не был виноват; и что это не прекратилось. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Осмонда. Разумеется, только я не вижу, какое это все имеет

отношение ко мне.

Эдме. Молодая девушка, у которой вся жизнь впереди...

Осмонда. О!..

Эдме. ...должна была бы стремиться принести хоть какое-то облегчение...
этим несчастным.

Осмонда. Не понимаю тебя.

Эдме. Человек, которого ты имела в виду...

Осмонда. Позавчерашний господин?

Эдме. Ему осталось жить совсем недолго.

Осмонда (холодно). Очень сожалею.

Эдме. Но, в конце концов, знаешь ли ты, кто это? Это твой...

Осмонда. И что из того?

Эдме. При нем только платная сиделка... (Ее плечи вздрагивают от судорожных рыданий.)

Осмонда. Послушай, мама, не забывай, что младший Жюно может войти в любой момент; если он увидит тебя с таким лицом...

Эдме. Что мне за дело!

Осмонда. О, я думала, что нужно «блюсти форму» при любых обстоятельствах.

Эдме. В твоём возрасте даже не представляют себе, что значит одиночество; но когда человек уже не молод, болен и когда, быть может, от прошлого не сохранилось ни единого счастливого воспоминания, которое могло бы согреть...

Осмонда. Что? У этого господина нет приятных воспоминаний?

Эдме. Для него было бы неоценимым благом, если бы ты время от времени навещала его. Я ничего не могу для него сделать, он говорит даже, что ему в тягость мое присутствие. (С трудом сдерживает рыдания.)

В дверь стучат.

Осмонда. Что там такое?

Появляется Фред.

Фред. Прошу извинить меня, мадемуазель, я никак не хотел помешать. Это действительно не важно... но я только хотел сказать... я не знаю, в курсе ли вы, что у меня в детстве был энтерит.

Осмонда. Нет, мы этого не знали.

Фред. Да, да, конечно; и вот с тех пор у меня... Короче говоря, есть такие овощи, которых я не... так вот, проходя мимо кухни, я почувствовал, если только мне не показалось...

Осмонда. Хорошо, вам сварят яйцо.

Фред. Благодарю вас, мадемуазель. Я надеюсь, что это вас не слишком обременит; извините меня, но так мне советовала мама... К тому же, у нас в семье у всех – слабое здоровье.

Осмонда(как бы подталкивая Фреда к двери). Да, да, до свидания.

Фред уходит, оставив дверь открытой. Осмонда прикрывает ее.

Осмонда. Теперь должна тебе признаться, что твоя просьба меня очень удивила. Предположим даже, что я найду час-другой, чтобы почитать этому господину, но я не представляю себе, о чем мы могли бы с ним беседовать; я бы не хотела пробуждать в нем горестные воспоминания, а поскольку у него нет других...

Эдме. Ужасно, что ты можешь говорить так издевательски. Просто чудовищно!

Осмонда. Ты не дала мне закончить фразы. Следовало бы прежде всего спросить у папы, как он посмотрит на подобные посещения.

Эдме. Твой отец – сама доброта.

Осмонда. Он все еще невероятно потрясен.

Эдме. Чем – потрясен?

Осмонда. Открытия такого рода не проходят даром.

Эдме. Какое открытие? Что ты вообразила себе, в самом деле? Твой отец девятнадцать лет знает об этом!

Осмонда(после паузы). Вот как?..

Фред (приоткрывая дверь). Мадемуазель, я только хотел сказать, что если случайно мне будет любезно приготовлено яйцо, то, наверное, будет лучше, чтоб оно было не вкрутую, поскольку в Париже, как я заметил... Но, разумеется, поступайте, как сочтете нужным. (Увидев Эдме.) О, мадам Лемуан нездоровится? Я страшно огорчен...

Осмонда. У моей матери сильная невралгия. Мама, мне кажется, тебе надо пойти прилечь ненадолго.

Фред. Если бы я смел... может быть, вашей маме помогла бы таблетка... У меня с собой довольно хорошая дорожная аптечка.

Эдме. Спасибо, сударь, вы очень любезны. (Уходит.)

Фред. Боюсь, не из-за меня ли ушла госпожа Лемуан... Должно быть, я кажусь таким странным, со своим шпинатом и яйцом вкрутую. Наверное, вы думаете, что я интересуюсь только едой. Но это совсем не так: напротив, мама вам подтвердила бы, что я никогда не знаю, что ем. Это правда, я очень неприхотлив; к тому же в семье все смотрят на меня как на интеллектуала.

Осмонда. Я вижу.

Фред. Если бы я придавал значение таким вещам, я бы не поселился у ваших родителей. Поскольку люди столь высокого духовного уровня питаются как попало. Я стараюсь вам это объяснить, потому что мне будет крайне жаль, если у вас сложится подобное впечатление. Ведь это так важно – первое впечатление!.. Правда, наша нынешняя встреча – не первая. Вы помните лето, которое вы провели в Эвиларе, в пансионе Солданель? Я жил тогда в отеле «Цикламены» с моими кузенами из Локля. Вы замечательно играли в теннис. У нас с вами один раз даже был сингл, если помните. И еще – скромный праздник в пансионе: вы пели маленькую вещицу – это было шикарно! Музыка всегда так действует на меня! Я до сих пор помню мелодию (напеваает); будь здесь пианино, я бы вам ее сыграл.

Осмонда. У вас исключительная память; должно быть, она вам помогает в занятиях.

Фред. Да, порядком. Но и трудностей хватает. Сегодня от вас требуется столько эрудиции, знания философии и еще кучи вещей – словом, какой-то базар, просто теряешь голову. Не знаю, как вы смотрите на это, но я считаю, что все это вовсе не обязательно. Что действительно нужно, так это иметь веру. И тут я не могу пожаловаться: веры у меня невероятно много, просто невероятно!

Осмонда. С чем вас и поздравляю.

Фред. О, это просто моя природа.

Входит Клод.

Клод. Здравствуйте, Фред.

Фред (смутившись). Добрый день, сударь! Простите за беспокойство, я зашел к мадемуазель Осмонде, чтобы выяснить некоторые вопросы.

Клод. Ничего страшного.

Фред уходит.

Осмонда. Вот. Видимо, я буду иметь счастье вытянуть такое из лотереи, если... Извини, папа. (Садится к столу и пишет.)

Клод. Кому ты пишешь?

Осмонда. Через минуту ты все узнаешь. (Запечатывает конверт и идет к дверям.) Фелиси!

Фелиси (за сценой). Да, мадемуазель?

Осмонда. Отнесите это срочно господину Мегалю.

Фелиси (входит и берет письмо). Хорошо, мадемуазель. (Уходит.)

Клод. Что это значит?

Осмонда. А теперь скажи, папа: я только что узнала... скажи, почему

ты старался внушить мне, будто лишь сейчас узнал правду? Я не очень понимаю, в чем дело, и, признаюсь, считаю, что это не очень здорово с твоей стороны. Я ведь надеялась, что теперь для нас настала пора полного доверия друг к другу...

Клод (тихо, не глядя на нее). Из малодушия...

Осмонда. Не понимаю.

Клод. Я боялся мыслей, которые могли прийти тебе на ум.

Осмонда. Каких мыслей? (Клод молчит. Осмонда испытующе смотрит на него.)

Клод (очень тихо). Мыслей, унижительных для меня.

Осмонда. В таком случае я поняла.

Клод. Где твоя мать?

Осмонда. Пошла прилечь.

Клод. Она больна? (Осмонда пожимает плечами.) Что с ней?

Осмонда. Полный упадок духа.

Клод. Вы говорили на эту тему?

Осмонда. Совсем немного.

Клод (жестко). Я ведь тебе запретил.

Осмонда. Это она завела разговор о том господине. Она просила, чтобы я временами составляла ему компанию.

Клод (яростно). Ты никуда не пойдешь.

Осмонда. Я не собираюсь идти.

Клод. Я тебе запрещаю, слышишь?

Осмонда. Можешь не утруждать себя.

Клод. И если случайно он рискнет прийти снова...

Осмонда. Это маловероятно.

Клод. Только еще не хватало, чтобы ты ходила к нему без моего разрешения!

Осмонда. Папа, я не понимаю, что с тобой творится.

Клод. После всего, что случилось... не знаю... но только с этим покончено, уверяю тебя!

Осмонда. С чем покончено?

Клод. Достаточно я унижался. О, заставить других страдать, причинить кому-то зло!

Осмонда. Ты не сможешь.

Клод. Ну, нет, теперь бы я смог! Вышвырнуть, растоптать...

Осмонда. Это тебе не доставит радости.

Клод (изменившимся голосом). До чего я дошел... Слово это не я... ах, это ужасно. Вот уже два дня... Чувства, которых я никогда раньше не испытывал, слова, которых никогда прежде не произносил... Если бы ты слышала, что я только что проговаривал почти вслух! Скажи мне, что это пройдет... Но нет, я даже не уверен, что хотел бы, чтобы это прошло.

Осмонда. Ты действительно вне себя, это очевидно. Но это кризис, он прекратится.

Клод. Да.

Осмонда. К тому же, временами ты вполне владеешь собой: только когда ты один...

Клод. Это словно какие-то порывы, они, как шквал, налетают неизвестно откуда.

Осмонда. Видишь, ты опять совершенно спокоен.

Клод. Ты разговариваешь со мной, как с больным.

Фелиси (из-за кулис). Господин Мегаль спрашивает, может ли он поговорить с мадемуазель.

Клод. Что?

Осмонда. Попросите господина Мегалья войти.

Клод. Это ты его пригласила?

Осмонда (приоткрыв дверь). Входите, пожалуйста.

Мегаль (кланяется). Сударь... Мадемуазель...

Осмонда. Я рада, что мой отец присутствует при нашем разговоре. Вы меня просили подыскать кого-нибудь, кто мог бы полностью заняться Ивонной и Сюзанной. Так вот, я готова посвятить себя им.

Мегаль. Мадемуазель, не могу выразить, насколько я тронут вашим предложением: но это невозможно... Прежде всего, у вас нет времени.

Клод. Не понимаю, как ты могла потревожить господина Мегалья ради подобной чуши.

Осмонда. Я абсолютно располагаю своим временем; мне нужно занятие, которое поглотило бы меня целиком. Самая большая услуга, какую вы могли бы мне оказать, это принять мое предложение.

Мегаль. Но, мадемуазель, не знаю, учли ли вы, что я собираюсь на несколько месяцев уехать из Парижа.

Осмонда. Вы мне говорили.

Мегаль. Ваши родители...

Клод. Сударь, я прекрасно вижу, что вы осознаете невозможность этой затеи. Не понимаю, как у моей дочери вообще могла возникнуть такая идея. Осмонда(Мегалю). Подумайте.

Мегаль. Мадемуазель, я считаю.. я не имею права согласиться.

Осмонда. Почему – не имеете права?

Мегаль. Это значило бы злоупотребить привязанностью, которую вы выказываете моим детям... Я полагаю, что поступил бы дурно.

Осмонда. По отношению к моим родителям?

Мегаль (глубоко взволнованный). Не только по отношению к вашим родителям.

Клод(протягивая ему руку). Сударь, вы благородный человек, но согласитесь со мной, что нет смысла продолжать этот разговор. Когда я изложу дочери свои соображения...

Осмонда. Они мне известны.

Клод. Вы видите, сейчас она не в своем обычном состоянии.

Мегаль (Клоду). Не могу вам сказать, как бы я хотел иметь возможность принять это предложение, столь великодушное... Это больше, чем сожаление. (Сдавленным голосом.) Это – отчаяние...

Осмонда (Клоду). Все очень просто. Если ты не дашь мне поступить по-своему, я пойду дежурить у изголовья больного, о котором мы только что говорили, и не покину его до конца его дней. (Мегалю.) Речь идет о родственнике, которому я посвящу себя, если вы отклоните мое предложение.

Клод (Мегалю). Сударь, умоляю вас, оставьте меня с ней! Вы не можете себе представить, как мне сейчас трудно.

Осмонда (Мегалю). До скорой встречи.

Мегаль (Клоду, с явным состраданием). Сударь, я всей душой... (Пожимает ему руку и уходит.)

Осмонда. Выбирай.

Клод. Мне нечего выбирать. Ты останешься здесь.

Осмонда. Я не останусь здесь в любом случае.

Клод. Замолчи.

Осмонда. Я сделаю по-своему. Твои усилия...

Клод. Но кто ты, в конце концов!

Осмонда. Я не твоя дочь... Вспомни лучше, что удерживая людей помимо их воли, по сути, никогда не бываешь в выигрыше.

Клод. Как бы то ни было, я не позволю тебе броситься в объятия этого человека.

Осмонда. Ты ничему не можешь помешать.

Клод (упрямо). Твоя бабушка увезет тебя в Швейцарию.

Осмонда. Хорошо, давай рассудим здраво.

Клод. У твоей матери не было этого чудовищного хладнокровия.

Осмонда. Плохо для нее и, по-видимому, для всех здесь... Смотри: вот человек – молодой, полный сил, прикованный к больной. Он любит меня, я люблю его тоже. Нас разделяет только условность, и мы оба это прекрасно осознаем. Если я из трусости отступлю – не трудно догадаться, какого рода утешений он станет искать...

Клод. Не строй иллюзий.

Осмонда. Никаких иллюзий. Если я могу уберечь его от этого...

Клод. Ты просто испорченный ребенок.

Осмонда. Я вижу, ты тверд в своих принципах, это замечательно.

Клод. У тебя словно упразднили совесть...

Осмонда. Совесть... Признайся, что ее рекомендации подчас подозрительны. Может быть, я ошибаюсь, но даже твой пример...

Клод. Так вот урок, который ты извлекла из моей жизни.

Осмонда. Я считаю, что главное – не самообольщаться... я хочу сказать...

Клод. И ты воображаешь, что не обманываешь себя, утверждая, что собираешься отдалиться этому человеку из сострадания, по душевной доброте?

Осмонда. Ничего подобного я не говорила. Ясно, что если бы он мне не нравился... Я только хотела обратить твое внимание на то, что даже с точки зрения веры в добродетель, в любовь к ближнему, в весь этот «базар», как выражается Фред, – так вот, даже с этих позиций мое решение совершенно оправданно. Возьмись за него с этого конца – если другой обжигает тебе пальцы. В конечном счете я тоже собираюсь создать нечто вроде семейного очага: разумеется, тебя не пригласят его благословить, но в общем... Бедный папа, ты мне напоминаешь тех обитателей пансионата в Эвиларе, которые каждое утро выходили смотреть на Альпы сквозь цветные стекла веранды... сквозь эти стекла пейзаж казался им волшебным прекрасным, в то же время они сожалели, что это не природный эффект. Что лучше? Ты, как они, сам не знаешь, что предпочесть, и страдаешь. Видишь ли, разница между нами в том,

что я больше не способна принимать все это всерьез. Может быть, потому, что слишком наслышалась разглаговольствований о наших обязанностях, о нашем долге перед Богом и прочем в том же духе. Когда ты слышишь, как о твоей душе говорится каждое воскресенье, от десяти до одиннадцати, не считая ежедневных молитв... Есть слова, мысли... не знаю, но мне кажется, что перед ними следовало бы всякий раз испытывать головокружение, трепет... Так нет же! Твоя воскресная проповедь – что-то вроде кухонных расчетов. Я думаю, что если бы это не было некоей рутинной – даже для тебя, – если бы я видела рядом кого-то, кто жил бы в страхе или в ослеплении... Но религия, подобная твоей, – она ничего не меняет в жизни. Так, просто задник, больше ничего. Впрочем, вот этот Добрый Самаритянин напоминает тебя, правда, лишь до определенной степени... Не смотри на меня с таким несчастным видом, папа; это – шантаж, это недостойно тебя.

Клод. Если ты уйдешь, у меня ничего не останется.

Осмонда. Но будет хуже, если я не уйду. Жизнь втроем, теперь... после всего, что нами было сказано. Чтобы жить вместе, надо все же сохранять минимум иллюзий относительно друг друга. И к тому же – подумай о том, что мне предстоит благородная задача: заменить девочкам маму, которая не вернется. Вот тебе пища для раздумий – изволь! В конце концов, в цветных стеклах нет ничего худого. Не надо стыдиться ими пользоваться. (Молчание.)

Входит Эдме. Впечатление такое, что она вот-вот упадет.

Эдме. Кто сейчас приходил?

Осмонда. Господин Мегаль зашел на минуту.

Эдме. Кто ему разрешил прийти?

Осмонда. Мне нужно было с ним поговорить в присутствии папы.

Эдме. Так ты тоже был здесь?

Клод. Да.

Эдме. Что все это означает?

Осмонда. В твое отсутствие было принято решение. Пожалуйста, я готова посвятить тебя, но предупреждаю, что отказываюсь дискутировать на эту тему.

Эдме. Ты отказываешься?!

Осмонда. Категорически. Господин Мегаль приглашает меня в качестве учительницы к своим детям.

Клод (вполголоса). Это не вся правда.

Эдме (Клоду). И ты ей разрешаешь? Так вот твой авторитет, твое влияние на нее!..

Клод (вспылив). У меня нет никакого влияния на дочь господина Сандье! Я только констатирую, что она достойна своей матери и идет по ее стопам.

Эдме. Клод!..

Клод. А теперь, Эдме, послушай меня: я пользуюсь, вероятно, последней возможностью сказать тебе, что я думаю, – поскольку не собираюсь дольше оспаривать тебя у жертвы, по поводу которой ты так расчувствовалась в последние дни.

Эдме. Что?.. Ты хочешь бросить меня?

Клод. Я не вправе лишать этого умирающего забот, которыми тебе не терпится его окружить.

Осмонда. Папа, у тебя снова такое выражение лица... ты не владеешь собой.

Клод (грубо). А ты здесь при чем? Ступай, договаривайся с этим субъектом об условиях.

Осмонда. Условиях?

Клод. Уж не думаешь ли ты, что он собирается брать тебя на равных?..

Осмонда (с оскорбительной мягкостью). Ничего. Я не сержусь на тебя. (Уходит.)

Эдме. Клод, удержи ее!

Клод. Можешь пустить в ход свою власть.

Эдме. Останови ее!

Клод. С сегодняшнего дня мне безразлично, что делает твоя дочь и что делаешь ты; я больше не имею к этому никакого отношения.

Эдме. Ты жесток!

Клод. Вот один из немногих упреков, которых я от тебя еще не слышал.

Эдме. Вспомни, ты ведь простил меня.

Клод. И она это говорит всерьез... Так ты не понимаешь, что сейчас уже одно слово «прощение»... но нет, довольно! меня тошнит от всех этих объяснений.

Эдме. Меня тоже, поверь.

Клод. То, что я тебе только что сказал – это совершенно искренне. Теперь, когда она нас покидает, нет смысла продолжать совместную жизнь. У тебя, насколько я понимаю, большие обязательства в отношении другого человека, отныне ты можешь выполнять их без помех. Что же касается меня, то я, вероятно, откажусь от пасторства.

Эдме(с испугом). Быть не может!

Клод. Те слабые силы, которые, как мне казалось, еще были у меня – я чувствую, что они меня оставили.

Эдме. Ты не можешь так внезапно утратить веру, это невысказано!

Клод. Я не знаю. Возможно, истинная вера мне никогда не была дана.

Эдме. Истинная вера... Но вспомни, когда мы были с тобой невестой и женихом – как ты говорил о жизни, с какой убежденностью ты произносил некоторые слова... ты был искренен!

Клод. Я был искренен, я был счастлив тогда.

Эдме. Твои глаза сияли, мне казалось подчас, что я вышла за тебя из-за этого взгляда... Никто в моем окружении не говорил как ты; лица у них были невыразительны. Ты же, одна лишь твоя интонация... ты словно открывал передо мной мир.

Клод. Но десять минут назад Осмонда уверяла меня, что именно эти фразы, слишком часто повторяемые, отвратили ее от веры.

Эдме. Это были не они: те были новыми тогда – новыми, нестертыми.

Клод. Я открывал для тебя мир? Что это был за мир?

Эдме. Я не знаю.

Клод. Но вспомни дальнейшее. Первые месяцы нашего брака. Сомнения, охватившие меня. Длительные прогулки, которые ты совершала в одиночестве и возвращалась усталая, печальная, с непроницаемым лицом. На все, о чем я спрашивал, ты отвечала односложно; во мне накапливалась горечь.

Эдме. Ты мне не говорил об этом.

Клод. Любил ли я тебя в то время? Любила ли ты меня? Мы этого не помним, мы, может быть, не знали этого никогда. (Молчание.) Ты связала со мной свою жизнь, уверовав во взгляд, в интонацию. Взгляд, обещавший... что? Это таинственное обещание не было выполнено: вот и вся история нашей совместной жизни... (После паузы.) И то же – когда я думаю о Боге. Я верил порой, что он говорит со мной – возможно, это была лишь экзальтация; она вводила в заблуждение. Кто я? Когда я пытаюсь постичь себя, я ускользаю от себя... Минуту назад мне казалось, что я ненавижу тебя; казалось, что я готов тебя убить, выгнать, топтать ногами... И вот это прошло... Ты не находишь, что ему везет?

Эдме. О ком ты?

Клод. Ты знаешь.

Эдме. Почему ему везет, Клод?

Клод. Потому что он скоро покончит со всем этим.

Эдме. Тебя не пугает смерть?

Клод. Нет... не думаю. Как бы то ни было, это единственный шанс человека. Даже если это – не дверь, которой предстоит отвориться.

Эдме. У тебя больше мужества, чем у меня.

Клод. Ты боишься быть судимой?

Эдме. Да... пожалуй.

Клод. А я – напротив... Явиться людям тем, кто ты есть, или... уснуть вечным сном.

Эдме. Почему ты улыбаешься? О чем ты думаешь?

Клод. Помнишь то место над Сен-Лу, где почва вдруг резко оседает? Там такой зеленый излом, в глубине его течет Равенуза, вдали – горы; в ясный день за долиной виднеются Три Ключа... Как-нибудь вечером, после обеда, можно поехать туда – как в самое первое время, и тогда...

Эдме (в страхе). Нет, нет, я не хочу...

Фелиси (за дверью). Подождите, мадемуазель, я предупрежу господина пастора. (Входит.)

Клод. Что, Фелиси?

Фелиси. Это мадемуазель Обонно с маленьким Рене: так она назвалась.

Клод. Почему вы сказали, что я здесь?

Фелиси. Ну а разве вы не здесь? (Клод и Эдме обмениваются взглядами.) Пожалуйста, входите, мадемуазель...

Входит молодая девушка, она ведет за руку малыша лет пяти, в руках у него – букет роз.

М-ль Обонно. Добрый день, сударыня, добрый день, господин пастор. Извините, что зашла в такой час: но Рене сегодня увозят, и мы провели весь день в беготне.

Клод. Напротив, это очень приятно.

М-ль Обонно. Нам тем более хотелось зайти сегодня, что это день вашей свадьбы.

Эдме. Двадцать первое декабря... верно, верно.

М-ль Обонно (обращаясь к Рене). Передай же букет госпоже Лемуан. Ну, можно ли быть таким неповоротливым! (Рене протягивает Эдме букет.)

Эдме. Это чересчур любезно...

Клод. Да, действительно...

М-ль Обонно. Сущий пустяк... как подумаю, в каком мы долгу перед вами!.. Его мать (указывает на Рене) поручила мне кланяться вам.

Клод. Как она поживает?

М-ль Обонно. Помаленьку, как всегда; но она не жалуется; и потом, как она говорит, «без господина и госпожи Лемуан один Бог знает, что было бы со мной».

Эдме. Почему?

М-ль Обонно. Разве вы не помните, что это вы устроили ее в приют на улице Мишель-Бизо?

Клод. Да, верно, она сейчас там.

М-ль Обонно. У дьяконесс на Мишель-Бизо. Как она говорит: «Все чрезвычайно добры ко мне».

Клод. Тем лучше.

М-ль Обонно. И она мне наказала передать вам, что она много молится за вас, господин пастор, хотя вы конечно же не нуждаетесь в ее молитвах, и также за госпожу Лемуан, и за мадемуазель Осмонду.

Клод. Спасибо, спасибо.

М-ль Обонно. Как мы всегда говорим, пасторы, как вы, на дороге не валяются.

Маленький Рене. А можно мне пожелать счастливого Нового года крестной?

М-ль Обонно. Дело в том, что он уезжает на Новый год к моей матери, в Шарант.

Эдме. Верно, я забыла, что Осмонда – его крестная... (Идет в глубь сцены и зовет: «Осмонда! Осмонда!»)

Осмонда (из своей комнаты). Что?

Эдме. Пришел твой крестник, он хочет поздороваться с тобой... маленький Рене Обонно...

М-ль Обонно. Нет, он – Феррандон, это фамилия моего зятя.

Эдме. Да, правда, прошу прощения. Маленький Феррандон, Осмонда!

Осмонда. Но я сейчас укладываюсь.

М-ль Обонно. Мадемуазель Осмонда отправляется в путешествие?

Эдме. Она готовится принять место.

М-ль Обонно. Мадемуазель всегда была такой серьезной! И, конечно, это предложение... это, наверное, что-нибудь совсем особенное.

Клод. Место учительницы...

М-ль Обонно. Правда? И я полагаю, у людей, хорошо вам знакомых.

Клод. У господина, чья жена неизлечимо больна.

М-ль Обонно. Какой ужас! Как посмотришь кругом...

Клод. У него две малолетние дочки.

М-ль Обонно. И, конечно, мсье уже в возрасте. Я уверена, что это будет настоящая мама для милых крошек.

Осмонда (приоткрывая дверь). Ну вот, Рене, входи, пожалуйста. Здравствуйте, мадемуазель, зайдите и вы на минуточку.

М-ль Обонно. Я так рада, что вижу вас!

Рене (его голос доносится из комнаты Осмонды). Крестная, я желаю вам доброго и счастливого года!

Клод и Эдме остались одни. Клод подходит к окну. Эдме смотрит на закрывшуюся дверь.

Эдме. Вот для кого надо будет жить... теперь.

Клод (погружен в свои мысли). Явиться людям и себе тем, кто ты есть...

Занавес

Марсель Габриэль Пьесы filosoff.org
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!